

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1905, № 4.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла **В. В. Миллера**

И

Товарища Предсѣдателя Н. О. Гилука.

МОСКВА.

Т-во А. А. Левенсонъ, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Тверская, Намоновскій пер., с. л.

1906.

Печатано съ разрѣшенія Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр</i>
I. Изъ исторія русскаго былевого эпоса. IV. Добрыня-змиборецъ. Взаимоотношеніе различныхъ версій былины. <i>А. В. Маркова</i>	1
II. У оренбургскихъ казаковъ (съ чертежомъ). <i>Д. К. Зеленина</i>	55
III. Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ. <i>В. Θ. Миллера</i>	79
IV. Нѣкоторыя замѣчанія о русскихъ народныхъ сказкахъ. <i>Е. Н. Глеонской</i>	95
V. Происхожденіе и дѣйствительное значеніе слова „тунгусъ“. <i>А. И. Шиманьскаго</i>	106
VI. Слѣсь:	
1. Изъ сибирской народной сатиры. <i>С. К. Кузнецова</i>	118
2. Коляда въ Ярославской губерніи. <i>А. Ф.</i>	119
3. Прибаутки Ярославской губерніи. <i>А. Ф.</i>	120
VII. Критика и библиографія:	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ.	
Ehrenreich. Die Mythen u. Legenden d. s.-a. Urvölker. <i>В. Н. Х-ной</i> (123).—Bédier. Les plus anciennes danses françaises. <i>Е. Н. Е-ой</i> (127).—Jastrow. Die Religion Babylonien und Assyrien. <i>Е. Н. Е-ой</i> (128).—Нарнаск. Reden und Aufsätze. <i>Е. Н. Е-ой</i> (129). Кузнецовъ-Красноярскій. Раэли. <i>С. К. К-ова</i> (129).—Магницкій. Чувашскія и языческія имена. <i>С. К. К-ова</i> (132).—Чурсинъ. Народные обычаи и вѣрованія Кахетин. <i>В. Н. Х-ой</i> (134).—Довнаръ-Запольскій.	

Очерки по организаціи зап.-русск. крестьянства въ XVI вѣкѣ. *Вл. Б.* (135).—Зеленянь. Черты быта усень-ивановскихъ старовѣровъ. *Вл. Б.* (139).—Щукинъ. Узырянъ. *В. П. Намилова* (140).—Мартыновъ. Печорскій край. *Вл. Б.* (140) . . . 123

2. Обзоръ газетъ и журналовъ 146

3. Новости этнографической литературы 151

VIII. Хроника:

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла и Музыкально-Этнографической Комиссіи за 1904—5 годъ.—Г. Н. Потанинъ (70-лѣтіе дня рожденія).—50-лѣтіе научно-литер. дѣятельности В. И. Ламанскаго.—30-лѣтіе учено-педагогической дѣятельности Н. Ѡ. Сумцова.—Некрологи: д-ръ В. В. Воробьевъ, Николай Андерсонъ, В. В. Лесевичъ, Г. Узенеръ, А. Рамбо, Ю. Оппертъ, Г. Виссманъ, П. Дешаржъ.—Памятникъ Мортилье.—Причины расовыхъ различій.—Къ исторіи эволюціи человѣческаго общества.—Къ изученію африканскихъ племенъ.—Къ этнографіи Конго.—О татуировкѣ.—Въ высокогорныхъ областяхъ Боливіи и Аргентины.—Индійскія племена по Амазонкѣ.—Къ изученію исторіи религій.—Къ исторіи религіознаго мистицизма.—Къ изученію буддизма.—Пережитки языческаго культа въ христіанствѣ.—О громовыхъ камняхъ.—Путь Александра Македонскаго.—Новое путешествіе Свенъ-Гедина.—Библиографія Туркестана.—Руководство для путешествій.—По этнографіи эскимосовъ.—„Острова Фарро и Исландія“.—Этнографическія изслѣдованія сѣвера.—Большеземельская экспедиція.—Приобскіе зыряне и тазовскіе самоѣды.—Этнограф. свѣдѣнія о Туруханскомъ краѣ.—По Енисею.—Верхоянская экспедиція.—Вопросъ о вятичахъ.—Изслѣдованіе старообрядчества.—Древности Украины.—Необходимость преподаванія народной музыки въ консерваторіи.—Третій областной археологическій съѣздъ во Владимирѣ 154

IX. Объявленія объ изданіяхъ 179

Изъ исторіи русскаго былевого эпоса.

IV ¹⁾.

Добрыня-змѣборецъ. Взаимоотношеніе различныхъ версій былины.

Анализу былинь о Добрынь-змѣборцѣ посвящены двѣ статьи проф. В. Θ. Миллера ²⁾. Указавши историческую основу этихъ былинь и своеобразный психологическій процессъ, осложнившій эту основу сказочнымъ мотивомъ змѣборства, проф. Миллеръ считалъ свою задачу исполненной. „Въ настоящемъ экскурсѣ, говоритъ онъ (стр. 50), я не имѣлъ въ виду разсмотрѣть всѣхъ деталей былиннаго разсказа о боѣ Добрыни со змѣемъ, каковы: первое нападеніе змѣя, договоръ Добрыни съ нимъ, полученіе богатыремъ невѣсты отъ змѣя, похищеніе княженецкой племянницы, вторичный бой и побѣда Добрыни. Исторія этихъ деталей требуетъ отдѣльнаго изслѣдованія“.

Моя статья имѣетъ цѣлью собрать данныя для уясненія исторіи былины на русской почвѣ, для чего необходимо детально разсмотрѣть всѣ извѣстные пересказы.

Читая былины о Добрынь-змѣборцѣ, легко замѣтить, что всѣ пересказы, записанные въ Олонецкой губерніи, начинаются съ упоминанія Пучай-рѣки: либо мать не совѣтуетъ Добрынь купаться въ рѣкѣ, либо онъ проситъ позволенія ѣхать къ рѣкѣ. Такъ же начинается короткій пересказъ, записанный въ Саратовской губ. ³⁾. Пересказы, записанные на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, начинаются съ описанія пира у князя Владимира.

¹⁾ См. „Этн. Обзор.“ 1904, № 3 (кн. LXII).

²⁾ Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892. Стр. 32—54. Очерки русской народной словесности. Былины. М. 1897. Стр. 144—148.

³⁾ *Киртневскій*, VII. Прилож., 10.

Всѣ остальные пересказы начинаются съ рожденія Добрыни. На основаніи этихъ различій въ началѣ былины я предварительно раздѣлю ея пересказы на три типа: I олонекскій, II Зимняго берега, III восточный (къ послѣдному принадлежитъ пересказъ въ сборникѣ Кирши Данилова и др.).

1 типъ, олонекскій.

Я начну разборъ перваго типа съ трехъ пересказовъ (обозначаю ихъ — а), отличающихся отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что къ нимъ непосредственно примыкаетъ рассказъ о встрѣчѣ Добрыни съ поляницей и о женитьбѣ на ней. Всѣ эти пересказы имѣютъ между собою близкое сходство. Два изъ нихъ ¹⁾ записаны въ Кижской волости Петрозаводскаго уѣзда, третій ²⁾ — въ Повѣнскомъ уѣздѣ.

Матушка Добрынюшѣ говаривала,
 Матушка Никитичу наказывала:
 „Ты не ѣзди-тко на гору Сорочинскую,
 Не топчи-тко тамъ ты малынхъ змѣенышей,
 Не выручай же полону тамъ русскаго;
 Не купишь-ко ты во матушкѣ Пучай-рѣкѣ:
 Но Пучай-рѣка очень свирѣлая:
 Но средняя-то струйка, какъ огонь съчетъ“.

Добрыня не слушался матери, ѣздилъ на Сорочинскія горы и топталъ змѣенышей. Однажды стало ему жарко, онъ подѣхалъ къ Пучаю, раздѣлся и сталъ купаться.

Вѣтра нѣтъ, да тучу наднесло,
 Тучи нѣтъ, да будто дождь дождитъ,
 Ай дождя-то нѣтъ, да только громъ гремитъ,
 Грому нѣтъ, да искры сыплются ³⁾.
 Налетѣло змѣище Горынчище,
 О двѣнадцати змѣя о хоботахъ:
 „А теперъ Добрыня во моихъ рукахъ:
 Захочу, Добрыню теперъ потоплю,
 Захочу, тебя Добрыню теперъ цѣло сожру,
 Захочу, тебя Добрыню въ хобота возьму,
 Въ хобота возьму Добрыню, во нору снесу“.

¹⁾ Рыбниковъ, I, № 24 = Гильбердинъ, № 148; Гильбердинъ № 157.

²⁾ Гильбердинъ, № 5.

³⁾ Иначе: „Громъ гремитъ, да свящеть молнія“.

Добрыня былъ гораздъ плавать; онъ перенырнулъ съ одного берега до другого; но у него не было ни коня, ни меча, ни копыя. Онъ схватилъ колпакъ земли Греческой, отшибъ имъ змѣѣ двѣнадцать хоботовъ, и она упала въ ковыль-траву. Онъ уже хотѣлъ ножомъ ей распластать грудь, но она возмолилась:

„Будь-ка ты, Добрынюшка, да большій братъ,
Я тебѣ, да сестра меньшая.
Мы положимъ съ тобой заповѣдь великую,
Чтобъ не вѣдяти тебѣ во далече чисто поле,
Не топтать-то, вѣдь, младыхъ змѣвенышей;
А мнѣ не летать больше на святую Русь,
Не носить-то людей да во полонъ къ себѣ“.

Проклятая змѣя поднялась подъ облака. Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ; она захватила князеву племянницу Забаву Путятичну и унесла въ свою нору (пещеру). Князь Владимиръ по три дня кликалъ былицъ-волшебницъ; не могъ докликаться, кто бы могъ достать Забаву. Алешенька Левонтьевичъ указываетъ князю, что это можетъ сдѣлать Добрыня, какъ крестовый братъ змѣи. Добрыня узнаетъ отъ князя о порученіи и жалуется матери на свою бѣду. Мать ему говоритъ: „ложись спать; утро мудренѣе вечера“. На слѣдующій день Добрыня сѣдлаетъ коня своего дѣдушки. На прощанье мать подаетъ ему плетку и говоритъ:

„Когда будешь далече во чистомъ полѣ,
На тѣхъ горахъ да Сорочинскихъ,
Станешь топтать маленькихъ змѣвенышей,
Подточать у бурка они да щеточки ¹⁾,—
Такъ возьми ты плеточку шелковую,
Бей бурушка промежду ушей,
Промежду ноги, да ноги заднія.
Станеть бурушка-кавурушка поскакивать,
А змѣвенышей отъ ногъ онъ да отряхивать,
Притончетъ всѣхъ да до единого“.

Добрыня такъ и дѣлаетъ. Змѣя выходитъ изъ норы и обвиняетъ Добрыню въ нарушеніи уговора, Добрыня ей возражаетъ:

„Чортъ ли ты несъ да черезъ Кіевъ градъ!
Ты зачѣмъ взяла князеву племянницу?
Ты отдай безъ брани, безъ бою, кровопролитія“.

¹⁾ Пучки волосъ вадъ заднею частью копытъ.

Змѣя на это не соглашается и бьется съ Добрыней. Далѣе между пересказами оказывается нѣкоторое различіе. Въ пересказахъ Гильфердинга №№ 5 и 148 (Чукова) Добрыня помогаетъ небесная сила, въ пересказѣ же Гильф. № 157, а также въ записи, сдѣланной Рыбниковымъ (I, № 24) у того же Чукова о небесной силѣ не говорится. Но нужно замѣтить, что во всѣхъ записяхъ упоминается, что битва продолжалась три дня; я думаю, что послѣднее обстоятельство указываетъ на то, что въ версіи, отъ которой произошли всѣ эти пересказы, говорилось о небесной силѣ, п. ч. въ противномъ случаѣ указаніе на трехдневный бой безъ его описанія было бы страннымъ.

Добрыня бился со змѣей трое сутокъ, и хотѣлъ уже уѣхать отъ нея, какъ вдругъ съ небесъ Добрыня гласъ гласить:

„Бился со змѣей ты да трои сутки,
А побейся-ка съ змѣей да еще три часа“.

Добрыня послушался и побилъ змѣю. Змѣя пустила кровь отъ востока до запада. Добрыня стоялъ въ крови трое сутокъ, испугался и хотѣлъ уѣхать, но съ небесъ ему опять гласъ гласить:

„Бей-ка ты копьемъ да во сыру землю,
Самъ къ копы да приговаривай:
Разступись-ка матушка сыра земля,
На четыре разступись да ты на стороны,
Ты пожри-ка эту кровь да всю змѣину“.

Добрыня все это исполнилъ, и кровь ушла въ землю. Тогда Добрыня вошелъ въ змѣиные пещеры и вывелъ оттуда много полоненныхъ людей; въ послѣдней пещерѣ онъ нашелъ Забаву Путятичну и вывелъ ее на бѣлый свѣтъ.

А садился тутъ Добрыня на добра коня,
А садилъ же онъ Забаву на правѣ стегно
И поѣхалъ тутъ Добрыня по чисту полю.

Далѣе во всѣхъ пересказахъ описывается встрѣча Добрыни съ поляницей. Переходъ къ этому сюжету сдѣланъ не особенно удачно. Добрыня передаетъ Забаву Алешѣ Поповичу, чтобы свезти ее въ Кіевъ, при чемъ или Алеша почему-то оказывается около пещеры (Гильф. № 157), или Добрыня нагоняетъ его въ полѣ (№№ 5, 148).

Въ слѣдующую группу—б—я соединяю три пересказа, записанные въ Кижской волости. Самостоятельное значеніе имѣеть

лишь одинъ изъ нихъ (Гильф. № 79), два же другіе представляють отрывки (Гильф. 123 и Гильф. № 93 = Рыбн. I, № 23).

Начало этихъ пересказовъ очень различно. № 79 нѣсколько отстываетъ здѣсь отъ олонецкаго типа:

Да ѿ спородила Добрыню родна матушка
 Да возросла до полного до возраста.
 Сталь молоденькій Добрынюшка Мякитинецъ
 На добромъ конѣ въ чисто поле поѣзживать,
 Сталь онъ малыхъ змѣненной потапывать и т. д.

№ 123, записанный у очень дурного сказителя Щеголенка, начинается рѣчью Добрыни къ богатырямъ о томъ, что теперь—лѣто, и ему хочется покупаться въ рѣкѣ Почаевой. Далѣе онъ о томъ же говорить матери.

Начало № 93 представляетъ собою вставку изъ былины о Добрынѣ и Алешѣ (ср. ст. 1—23 и № 100, ст. 1—19). Последняя былина очень часто начинается жалобой Добрыни на судьбу передъ матерью. Далѣе Добрыня говорить матери, что его посылають въ Сорочинскую землю, на Пучай-рѣку, выручать княжескую племянницу. Это, конечно, сказитель перенесъ изъ второй половины былины, которую онъ забылъ.

Въ этой группѣ также упоминаются Сорочинскія горы или земля; № 123, очевидно, забылъ это названіе. Добрыня выѣзжаетъ вооруженнымъ: по № 79 онъ беретъ палицу, по № 123—палицу, копье и саблю, по № 93 онъ бьетъ змѣю палицей, въ латахъ и кольчугѣ. Когда онъ собирается купаться, его предостерегають портомойницы, чтобы онъ купался не нагимъ, а въ рубашкѣ. Добрыня имъ отвѣчаетъ:

„А вы сами спали, себѣ сонъ видѣли“ (93);

или, дальше отъ подлинника:

„Ничего-то вы вѣдь, дѣвушки, не знаете;
 Только знайте-тео вы, дѣвушки, сами себя“ (79).

В. О. Миллеръ (Экскурсы, 46 ¹) указалъ, что эта деталь зашла сюда изъ былины о Василии Буславьевичѣ. Въ другихъ группахъ мы ея не находимъ.

Въ этой группѣ новымъ является также то, что Добрыня ѣдетъ со слугой. Собираясь купаться онъ говорить (№ 123):

¹) Ср. Потебня, Объясненія малор. и ср. пѣсень, II, 360.

„Ай же ты дѣтинка неулáковя (?!)
 Покарауль-ко ты коня да богатырскаго
 А у той ли у рѣченьки Почаевой“.

Когда Добрыня заплылъ за среднюю струю,

Закричалъ-то малый паробка,
 Закричалъ паробка громкимъ голосомъ:
 „Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
 Изъ-подъ западныхъ сторонюшки идетъ шумъ великъ“ (№ 93 ¹).

И въ двухъ другихъ пересказахъ змѣя является съ западной стороны. Далѣе, встрѣчаемъ указанія на количество головъ у змѣи: по № 79 она—о трехъ головахъ (стихъ 116), по № 123 она—восьмиглавая.

№ 93 оканчивается тѣмъ, что змѣя обѣщается отдать Добрынь „королевичну“; конечно, это—та же княженецкая племянница, о которой упоминалось, какъ я указалъ, не на мѣстѣ.

Дальнѣйшее содержаніе № 123 представляетъ большую путаницу. Змѣя взмолилась человѣчьимъ голосомъ: не руби моей головы; я иду къ морю, къ великому королю; у него есть дочь:

„Брови-то у ней черна соболя,
 И очи у ней ясна сокола,
 По косицамъ-то у ней звѣзды частыя...
 Я достану эту королевичну отъ синя моря“.

Черезъ три дня Добрыня находитъ дѣвицу на берегу рѣки и увозить ее въ Кіевъ. Мать говоритъ Добрынь, что дѣвица выпла изъ невѣрной земли, а князь Владимиръ пеняетъ ему за то, что онъ не отрубилъ змѣѣ головъ. На этомъ пересказъ прерывается.

„Въ этотъ вариантъ“, говоритъ Потебня ²), „кажется, единственный извѣстный въ своемъ родѣ, внесенъ величальный мотивъ: змѣя—сватъ“. Въ дѣйствительности тутъ нѣтъ ничего подобнаго. Щеголенокъ извѣстенъ, какъ сказитель, путающій былины и вставляющій въ нихъ сказочные эпизоды. Такъ, въ былину объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ онъ вставилъ

¹) По № 79, ст. 200, у Добрыни тоже есть паробокъ, но онъ остается дома.

²) Объясненія малор. и сродныхъ нар. пѣсень, II, 361.

нѣсколько деталей изъ сказки объ Ерусланѣ ¹⁾. Дочь Соловья между прочимъ говорить Ильѣ:

„Во подсолнечномъ градѣ у короля
Есть дочь единая:
Брови у ней черна соболя,
Очи у ней ясна сокола,
По восницамъ у ней звѣзды частыя“.

Описаніе подобной красавицы Щеголенокъ вставилъ и въ былинѣ о Добрынѣ, конца которой онъ не зналъ.

Въ дальнѣйшемъ № 79 представляетъ слѣдующія особенности, сравнительно съ группой *a*. Змѣя грозитъ взять Добрыню въ полонъ, сжечь или пожрать. Договоръ змѣи излагается такъ:

„Мы напишемъ съ тобой записи промежь собой,
То велики записи, немалыя:
Не съѣзжаться бы вѣкъ по вѣку въ чистомъ полѣ,
Намъ не дѣлать бою-драки-кроволютія промежь собой“.

Былицы-волшебницы не упоминаются; вмѣсто того князь на пиру держитъ слѣдующую рѣчь:

„Ай же вы мои да князи бояра,
Сильны русскіе могучіе богатыри,
Еще всѣ волхи бы, всѣ волшебники!
Есть ли въ нашемъ во городѣ во Кіевѣ
Таковы люди, чтобъ създать имъ да во чисто поле...
Кто бы могъ достать да племничку любимую,
А прекрасную Забавушку Путятичну!“

Таковыхъ людей во градѣ не находится. Мы увидимъ волхвовъ и въ другихъ группахъ, но уже въ другомъ мѣстѣ былинны. Далѣе въ пересказъ включена вставка изъ былинны о Потыкѣ. Эта былина извѣстна въ Кіяхъ (Гильф. №№ 158 и 150); въ ней говорится о томъ, какъ князь Владимиръ посылаетъ Илью Муромца и Потыка въ Золотую орду и въ Швецію получить дань за двѣнадцать съ половиною лѣтъ; въ нашей быливѣ Золотая орда замѣнена Полятовской землей, и кромѣ того, Владимиръ проситъ не выправить дань, а наоборотъ, отвезти къ королямъ; послѣднее мы находимъ въ былинѣ того же Рябинина (№ 80 „Добрыня и Василій Казимировъ“), отъ котораго запи-

¹⁾ Миллеръ, Очерки, 404—406.

сана и разбираемая теперь былина. Что касается повода внесения этого эпизода, то онъ достаточно ясенъ: князь ищетъ людей для выполненія своего порученія—и не находитъ таковыхъ; пѣвецъ хочетъ объяснить, почему это такъ, и прибавляетъ, что нѣкоторые богатыри были посланы въ чужія земли.

Указываетъ князю на Добрыню также Алеша, но онъ называется Григорьевичемъ (какъ и въ № 77, ст. 27 того же Рябинина). Не упомянуто о томъ, что Добрынь конь достался отъ дѣда, что при отъѣздѣ Добрыни мать давала ему наказанія. Говорится о томъ, что конь, притоптавши множество змѣенышей, сталъ припадывать на ноги, но почему это случилось, пересказъ не упоминаетъ (змѣеныши подточили щетки у коня). Второй бой сильно скомканъ: передъ входомъ въ змѣиныя норы Добрыня надѣваетъ доспѣхи, беретъ саблю, копье, палицу и шалыгу дорожную; змѣя не хочетъ отдать Забаву безъ боя; но бой не описывается, хотя Добрыня привозитъ ее къ князю. Ясно, что въ прототипъ этого пересказа было описаніе боя. Объ освобожденіи полоненныхъ людей пересказъ упоминаетъ.

Къ слѣдующей группѣ—*с*—я отношу краткій пересказъ, записанный на Кенозерѣ (Гильф. № 289). Этотъ пересказъ имѣетъ всего 46 стиховъ, и многія детали въ немъ сглажены: нѣтъ названій Добрыниной матери, рѣки, Сорочинскихъ горъ, князя Владимира, Забавы; вмѣсто послѣдней является безымянная дѣвица. Начало пересказа—наказъ матери не купаться. Въ битвѣ со змѣей новымъ является отвѣтъ Добрыни на ея угрозы:

„А нагого сглотить — да будто мертваго!
Дай надѣть платье богатырское“.

Такой отвѣтъ мы увидимъ въ пересказахъ другихъ типовъ. Затѣмъ, въ этомъ пересказѣ есть причитаніе унесенной змѣею дѣвушки:

„И моя-та коса да желто-русая!
Плетена у родителя у матушки,
Во новожъ во высокомъ во теремѣ;
Расплетать стануть маленьки змѣеныши
Да во гѣхъ во пещерахъ во глубокіихъ“.

Это причитаніе, но встрѣчающееся въ другихъ олонецкихъ пересказахъ, несомнѣнно, зашло сюда изъ былинны о Козаринѣ.

Второй бой Добрыни со змѣей скомканъ. Добрыня освобождаетъ изъ пещерь несмѣтное количество народу, который долго тамъ сидѣлъ:

Сидятъ старушки-то—посѣдатели,
У грудей висятъ маленьки змѣенышки.

Эту подробность мы увидимъ и въ другихъ группахъ, но въ болѣе удачномъ пониманіи.

Изъ олонекскихъ пересказовъ мы находимъ ее лишь въ одномъ (Гильф. № 191), въ которомъ имя Добрыни замѣнено именемъ Дуная. Начинается этотъ пересказъ—обозначимъ его :—описаниемъ охоты:

Гулялъ Дунаюшко по чисту полю,
Стрѣлялъ Дунаюшко сѣрыхъ утушекъ.

Далѣе къ этому прибавляется нѣсколько словъ, обычныхъ при описаніи дѣтства богатыря (Василій Буславьевичъ, Козаринъ, Ерусланъ и др.):

Убилъ Дунаюшко головъ безповинныхъ;
Кого за руку щипнулъ, то рука прочь,
Кого за ногу щипнулъ, то нога прочь.

Описание дѣтства богатыря и его охоты мы находимъ и въ другихъ группахъ былины. Далѣе мы видимъ въ былинѣ непосредственный переходъ ко второй части былины о Добрынѣ, гдѣ говорится о похищеніи. Пещорская змѣя унесла племянницу и крестницу царя. Царь посылаетъ за нею Дунай. Выборъ царя, конечно, не мотивированъ, такъ какъ эта мотивировка дѣлается на основаніи первой части былины о Добрынѣ, а этой части въ пересказѣ нѣтъ. Пересказъ сохраняетъ извѣстіе о томъ, что порученіе царя заставляетъ богатыря кручиниться. Дунай беретъ отцовскаго коня (въ I, а—дѣдушкина); мать подаетъ ему плетку въ сорокъ пудовъ. Далѣе объ этой плеткѣ не говорится, но мы видѣли, для чего Добрынѣ нужна была плетка, въ I, а и въ I, б. Дунай прѣзжаетъ къ пещорской змѣѣ; дѣвица ему говорить:

„А пусть змѣя лютая
Нажрется груди бѣлоу,
Груди бѣлоу дѣвочью.“
Нажралась змѣя пещорская
Груди бѣлая, груди дѣвочью,
И повалилась змѣя пещорская,
Заснула сны крѣпкими.

Такое представленіе въ другихъ пересказахъ не встрѣчается; оно представляетъ собою сказочную черту, замѣнившую другое представленіе: женщина кормитъ змѣнышей. Въ связи съ такой замѣной находится и измѣненіе подвига Добрыни: онъ не бѣется со змѣей, а увозитъ отъ нея дѣвицу во время сна.

Далѣе нарѣ узнаетъ отъ племянницы, что Дунай ея не пристыдилъ дорогою, и отдаетъ ее за него замужъ. Такого окончанія мы не находимъ въ другихъ пересказахъ.

Въ слѣдующую группу—*d*—я соединяю два очень близкіе между собою пересказа Гильф. №№ 59 и 64, записанные въ Пудожскомъ уѣздѣ, и № 241. Послѣдній примыкаетъ къ № 59 той чертой, что въ нихъ обоихъ рассказывается въ началѣ объ охотѣ Добрыни на берегу моря:

И поѣхалъ онъ Добрыня во чисто ли во поле,
И пріѣхалъ онъ Добрыня ко синю ко морю,
Ко синю морю Добрыня ко морю Черному,
Стрѣлять онъ, палилъ гусей, лебедей
И малыя пернастыя утицы.
А ѣ ѣдетъ, тѣмъ ли Добрынюшка питается (241).

Иначе представлено дѣло въ № 59:

Какъ во стольноемъ во городѣ во Кіевѣ
Жилъ былъ тамъ удалый добрый молодецъ,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ.
Пожелалъ-то идти онъ за охотою...
А ѣ беретъ-то вѣдь Добрыня да свой тугой лукъ,
Этотъ тугой лукъ Добрынюшка разрывчатый,
А ѣ беретъ-то вѣдь онъ стрѣлочки каленыя.
А ѣ приходитъ-то Добрыня ко синю морю,
А ѣ приходитъ-то Добрыня къ первой заводи (заливу),—
Не попало тутъ ни гуся, ни лебеда,
А ѣ ни сѣраго-то малаго утеныша.

То же случилось и у другихъ заводей. Разгорѣлось у Добрыни сердце, онъ возвращается домой и проситъ у матери позволенія ѣхать къ Пучай-рѣкѣ. Эпизодъ Добрыниной охоты мы видѣли уже въ I ; увидимъ и въ другихъ группахъ. Море въ другихъ олонецкихъ группахъ не упоминается, но о немъ говорится въ пересказахъ другихъ мѣстностей.

Продолженіе № 241 сильно искажено; змѣя, налетѣвши на Добрыню, беретъ его на свои черныя хоботы и уноситъ на

змѣиныя горы; это искаженіе, вѣроятно, объясняется смутною памятью о Сорочинскихъ горахъ, на которыхъ живетъ змѣя и куда она уносить не Добрыню, а дѣвицу. Въ связи съ этимъ находится и дальнѣйшее искаженіе: змѣя садится Добрынѣ на грудь, хочеть ее вспороть; Добрыня просить помилованія и предлагаетъ быть ей братомъ и вмѣстѣ охотиться. Тогда змѣя опять его несетъ на хоботахъ къ коню. Добрыня одѣвается, садится на коня, беретъ копье и саблей отрубаетъ змѣѣ голову. Далѣе слѣдуетъ начало былины о Маринкѣ. Окончить былинку сказитель не могъ. Ясно, что побѣда змѣи является искаженіемъ: мало того, что такой исходъ представляетъ Добрыню въ очень непривлекательномъ свѣтѣ,—онъ не отвѣчаетъ ни одному изъ извѣстныхъ намъ пересказовъ.

Обращаюсь къ двумъ другимъ пересказамъ этой группы. Добрыня ѣдетъ на Пучай (59) или Пучайную (64) вооруженнымъ: онъ беретъ съ собою лукъ, стрѣлы, палицу, копье и саблю. Шляпа земли Греческой у него на головѣ:

Налагалъ-то на головку шляпу земли Греческой;
Онъ снимаетъ со головки шляпу земли Греческой (59).
Вынимаетъ съ буйной головы
Шляпу свою да земли Греческой (64).

Какъ и въ I, б, Добрыня ѣдетъ не одинъ:

А ѣ беретъ-то Добрыня слугу младого (59);
Съ собою беретъ онъ товарища
Потыку Михайла Ивановича (64).

Когда показалась змѣя, товарищъ Добрыни испугался:

Младъ-то слуга да былъ онъ торопокъ ¹⁾,
А угналъ-то у Добрынюшки добра коня,
А увезъ-то у Добрынюшки онъ тугой лукъ,
А увезъ-то у Добрыни саблю вострую,
А увезъ копье да долгомѣрнсе,
А увезъ-то онъ палицу военную,
Только онъ оставилъ одну шляпонецку,
Одну шляпу-ту оставилъ земли Греческой (59).
Тутъ перешался ²⁾ братъ крестовны
Потыкъ Михайло сынъ Ивановичъ,

¹⁾ Конечно, это слово происходитъ отъ „оторопѣть“.

²⁾ Испугался.

Угналь Добрыни коня добраго,
 Увезъ у Добрыни тугой быстрый лукъ,
 Палицу увезъ онъ военную;
 Копье-то увезъ какъ долгомѣрное,
 Саблю увезъ онъ вѣдь вострую.
 Одна осталась только шляпа греческа (64).

Спутникъ Добрыни въ I, б былъ названъ паробкомъ и дѣтинкой; въ этой группѣ онъ называется слугой, что вполне соотвѣтствуетъ названію паробка. Имя Потыка попало сюда, конечно, случайно, изъ былины объ этомъ богатырѣ, извѣстной въ Пудожскомъ уѣздѣ (Гильф. № 52); поводъ къ внесенію этого имени подало то, что Потыкъ, также бьется со змѣей, разрываетъ ея змѣеныша и дѣлаетъ съ ней уговоръ. Потыкъ является спутникомъ Добрыни въ былинѣ того же сказителя о Добрынѣ и Алешѣ (№ 65).

Далѣе, особенности этой группы заключаются въ томъ, что выпущены угрозы змѣи, что она имѣетъ эпитетъ „поганой“, (какъ въ I, в, Добрыня отбилъ у нея три хобота), что она уноситъ „царскую дочку, княженецкую“; послѣдняя въ № 59 называется Марфидой *Всеславьевной*, хотя ея отецъ называется княземъ *Владимиромъ*. Замѣтимъ теперь же, что въ пересказѣ Кирши Данилова Марфидѣ Всеславьевнѣ соотвѣтствуетъ Марья Дивовна, которая называется *сестрой* кн. Владимира, а послѣдній въ былинахъ всегда носитъ отчество „Всеславьевичъ“¹⁾. Въ № 64 имени похищаемой женщины нѣтъ, но близкое соотвѣтствіе этого пересказа № 59 указываетъ на то, что сказитель просто забылъ это имя.

Разбираемая мною группа вноситъ довольно важную поправку къ I, а и б. Эти группы пересказовъ (кромя плохого пересказа Гильф. 123) помѣщаютъ Пучай около Сорочинскихъ горъ; предупрежденія матери Добрыни касаются одновременно и купанья въ рѣкѣ, и топтанья змѣенышей на горахъ. Въ группѣ I, в такого смѣшенія нѣтъ: мать наказываетъ Добрынѣ только не купаться; но въ краткомъ пересказѣ этой группы многія детали

1) Сборникъ Кирши Данилова, 41; Тихомировъ и Миллеръ, 299. Замѣтимъ, что въ Сказаніи о князьяхъ Владимірскихъ Святославъ названъ *Всеславомъ*: „Великій князь Всеславъ Игоревичъ ходилъ и взялъ на Копытинъ-градѣ тяжчайшую дань“. Ждановъ, Русск. был. вѣсть, 598.

сглажены, и поэтому нельзя дѣлать опредѣленные выводы, основываясь на немъ. Въ разбираемыхъ пересказахъ видно вполне ясное разграниченіе двухъ поѣздокъ: первая на Пучай-рѣку, вторая на Туги горы, гдѣ находятся змѣиныя пещеры. Последнее названіе замѣнило, конечно, Сорочинскія горы, упоминаемые и въ пересказахъ не олонецкихъ. Названіе Тугихъ горъ встрѣчается еще въ одной былинѣ, записанной отъ сказателя, которому принадлежитъ и № 59, въ былинѣ о Волгѣ и Микулѣ (№ 55):

А звѣри-ты сбѣжали за Туги горы;

ср. № 45:

Ай звѣри-то ушли за крутыя горы ¹⁾.

На Добрыню указываетъ князю не Алеша Поповичъ, а другое лицо: въ № 64—меньшій бояринъ Иванъ Карамышовичъ, въ № 59—Семень баринъ Карамышецкій. Болрскій родъ Карамышевыхъ извѣстенъ съ начала XV в.; среди лицъ, принадлежавшихъ къ этому роду, попадаютъ и имена Семена и Ивана. Семень Карамышевъ, участвовавшій въ покореніи Казани, упоминается въ одной пѣснѣ у Кириши Данилова (стр. 46) ²⁾; есть пѣсни объ убійствѣ Ивана Карамышева въ 1630 г. ³⁾; въ Олонецкой губерніи записана пѣсня о князѣ Иванѣ Карамышевскомъ (Гильф. № 10); въ архангельскомъ пересказѣ той же пѣсни князь носитъ имя Семена Михайловича ⁴⁾. Несомнѣнно, изъ подобныхъ пѣсней эти имена занесены и въ былинѣ о Добрынѣ.

Въ нашей группѣ Добрыня, получивши княжескій приказъ, тотчасъ ѣдетъ; о томъ, что Добрынѣ конь достался отъ дѣда, не упоминается. По № 59 Добрыня вооружается: онъ беретъ съ собой лукъ, стрѣлы, саблю, копье и палицу; въ № 64 мать, наоборотъ, говоритъ ему:

¹⁾ Сопоставленіе Тугихъ горъ съ Тугариномъ, сдѣланное акад. Веселовскимъ (Южно-русскія былины, 374), довольно проблематично.

²⁾ Онъ же упоминается въ пѣснѣ объ осадѣ Волока вмѣсто Карамысова, который былъ дѣйствительно волоколамскимъ воеводой (см. Пѣсни Киришевскаго, VI, 188; Соловьевъ, Исторія Россіи, II, 1038).

³⁾ Въ пѣснѣ олъ пазванъ Семеномъ: Киришев. VII, 131.

⁴⁾ Бѣломорскія былины, № 54. Жена Семена Карамышева упоминается въ полународномъ „Сказаніи о молодцѣ и о двинцѣ“. Памятники древней письменности. XCIX, стр. 21; Этнографическое Обзореніе“ LXI. 168.

„Не бери-тко съ собой туга быстра лука,
 Не бери-ко ты палицы военныи,
 Не бери-ко копья долгомѣрнаго,
 Не бери-ко ты сабли съ собой вострою“.

Эти слова нужно считать искаженіемъ, такъ какъ далѣе прямо говорится о томъ, что Добрыня бился-ратился со змѣей трое сутокъ. Какъ и въ I, а, мать, провожая Добрыню, даетъ ему плетку, но назначеніе ея—другое:

„Ай бей змѣю да плеткой шелковой,—
 Покоришь змѣю да какъ скотинну“ (59);

или:

„А махни плетью да ты шелковою,—
 Ты склонишь змѣю-то на сыру землю,
 Оторвеш у змѣи, вѣдь, шесть хоботовъ,
 Придаеш змѣѣ смерть ты вѣдь скорою“ (64).

Здѣсь мы находимъ указаніе на то, что змѣя летала высоко пацъ землей, и требовалось чѣмъ-нибудь ее заставить опуститься („склонить“); то же мы увидимъ и въ пересказахъ второго типа.

Кромѣ плетки, мать даетъ Добрынѣ также шелковый платъ.

„Ай ты будешь со змѣей, Добрыня, драться-ратиться,
 А й тогда змѣя да побивать будетъ,—
 Вынимай-ко ты съ карманца свой шелковый платъ,
 Утирай-ко ты, Добрыня, очи ясныя,
 Утирай-ко ты, Добрыня, личко бѣлос,
 А ужъ ты бей коня по тучнымъ ребрамъ“ (59).

И дѣйствительно, платъ ему пригодился:

А беретъ-то Добрыня платъ тальянскіи,
 Поводилъ онъ самъ какъ по бѣду лицу,
 Утеръ глаза да свои ясныя,—
 Сталъ Добрыня лучше стараго...
 Поводилъ коня онъ по тучнымъ ребрамъ,—
 Пошелъ его конь по чисту полю...
 Поималъ Добрыня змѣю лютую...
 Приклонилъ Добрыня ко сырой землѣ (64).

Особенностью одной разбираемой группы является то, что Добрыня встрѣчаетъ змѣю, несущую мертвое тѣло; увидавши Добрыню, змѣя спускаетъ тѣло на землю и вступаетъ въ бой. Какъ и въ I, а, бой продолжается трое сутокъ; Добрыня укротилъ змѣю своей плеткой,—

Отрубилъ змѣѣ да онъ всѣ хоботы,
 Разрубилъ змѣю да на мелки части,
 Распиналъ ¹⁾ змѣю да по чисту полю (59).

По № 59, Добрыня находитъ княжескую дочь прикованной къ стѣнѣ, въ пещерѣ; около нея было двѣнадцать змѣенышей, которыхъ Добрыня убиваетъ. Конечно, это—тѣ змѣеныши, которые сосали ея грудь (по I, а и I, в); въ другихъ мѣстахъ былины змѣеныши не упоминаются; то же мы увидимъ и въ не олонецкихъ пересказахъ. Объ освобожденныхъ изъ плѣна людяхъ въ этой группѣ не упоминается (мы видѣли этотъ эпизодъ въ I, а, I, б, и I, в).

Чтобы покончить съ олонецкими пересказами, остается разобрать отрывки, вставленные въ два пересказа былины о Добрынѣ и Алешѣ (Рыбн. II, № 6, ст. 75—78, 94—126; Гильф. № 228, ст. 121, 128—143). Эти отрывки—обозначимъ ихъ е,—уже были разобраны акад. А. Н. Веселовскимъ ²⁾ въ связи съ вопросомъ объ отношеніи Добрыни къ Тугарину. Относительно перваго отрывка А. Н. Веселовскій говорить, что это—„эпизодъ, неловко приуроченный къ пѣснѣ о Добрынѣ въ отъѣздѣ и, очевидно, развитый чужими мотивами“. Въ цѣломъ рядѣ вариантовъ послѣдней былины рассказывается, какъ князь Владимиръ посылаетъ Добрыню на границу, биться съ Невѣжей, который летаетъ чернымъ ворономъ; Илья Муромецъ при этомъ говорить, что онъ долго стоялъ на границѣ, но Невѣжи не видалъ, а если бы увидѣлъ, застрѣлилъ бы его „изъ туга лука“. Въ дальнѣйшемъ рассказѣ нѣтъ ни встрѣчи съ врагомъ, ни боя. Въ нашемъ пересказѣ мы находимъ бой и еще нѣсколько новыхъ чертъ: Невѣжа по ночамъ ходитъ (летаетъ?) змѣемъ Тугариномъ, а по зарямъ ходитъ добрымъ молодецъ. Источникъ послѣдняго представленія—оборотничество; что же касается имени Тугарина, то оно, несомнѣнно, объясняется связью представленія о немъ съ тугимъ лукомъ: мать хотѣла бы, чтобы Добрыня стрѣлялъ изъ туга лука, какъ Тугаринъ Зміевичъ.

Разбираемая мною вставка заключается въ томъ, что мать предупреждаетъ Добрыню, чтобы онъ не плавалъ за третью

1) Т.-е. разбросалъ.

2) Южно-русскія былины, 377—379.

струю въ Почай-рѣкѣ (это отвѣчаетъ I, в и д). Добрыню одолѣли жары, и онъ пошелъ купаться:

И вспомнилъ родной матушки наказаньице,—
И беретъ онъ съ собой свой тугій лукъ,
Бороть еще съ собой калену стрѣлу.

Здѣсь—несомнѣнная путаница: 1) мать вовсе не совѣтовала ему брать лукъ, 2) купанье съ лукомъ и стрѣлою въ рукахъ является въ высшей степени страннымъ. Все это объясняется тѣмъ, что Илья Муромецъ, какъ онъ хвалится, „застрѣлили бы Невѣжу изъ туга лука“; такъ заставляетъ сказитель поступить и Добрыню,—онъ остается вѣренъ традиціонному представленію. Далѣе—такая же нескладница: отъ стрѣлы голова Невѣжи покатилаь будто пуговица, но онъ все-таки успѣваетъ проговорить нѣсколько ничего не значащихъ словъ:

„Хотѣлъ-то Добрыню я показнить,
А втѣпоры Добрыня меня показнилъ“.

Затѣмъ Добрыня разсѣкъ его на мелкія части (то же—въ I, д) и сжегъ на огнѣ.

Другая вставка находится въ былинѣ иной версіи, гдѣ вмѣсто Невѣжи является баба Яга. Добрыню посылаютъ на Сорочинскую дорогу. Три года онъ тамъ жилъ, и вотъ захотѣлъ онъ помыться и покупаться:

Забродилъ онъ во матку во Пучай-рѣку.
На ту-ли-то пору да на то время
Налетѣла курва Яга баба,
Ладить ¹⁾ Добрынюшку нага пожрать.
Говорилъ Добрыня таково слово:...
„Не честь, не слава молодецкая
Нагого богатыря въ водѣ пожрать“...
Да дала Яга баба нахѣтиса,
А дала Яга баба обутиса.
Совсѣмъ Добрынюшка справился;
А стали Добрыня съ бабой битиса.

Все дальнѣйшее уже не имѣетъ сходства съ разбираемой былинной. Въ этомъ отрывкѣ представляетъ интересъ упоминаніе Сорочинской дороги. Въ другихъ пересказахъ былины о Добрынѣ

¹⁾ Собирается.

въ отъѣздѣ это названіе не встрѣчается; очевидно, оно представляетъ смутное воспоминаніе о Сорочинской горѣ (I а, б).

Непосредственно къ олонекимъ пересказамъ примыкаетъ отрывочная былина, записанная въ Саратовской губерніи (Кирѣевскій, VII, прилож. стр. 10). Обозначимъ этотъ пересказъ постр. ж. Начинается онъ наставленіемъ матери, какъ и олонекіе пересказы. Добрыня не слушается матери, ѣдетъ въ луга, въ батюшкины займища, т.-е. охотиться ¹⁾. Рѣка не названа. Купаясь, Добрыня бросаетъ камни въ гору, послѣ чего Змѣища Горынища на него и нападаетъ. Здѣсь сохранилась память о томъ, что змѣя живетъ на горѣ. Добрыня хватаетъ змѣю за жабры и ударяетъ о землю. Змѣя Добрынь возмолилася... На этомъ былина кончается.

II типъ, Зимняго берега.

Ко второму типу я отношу всѣ пересказы, записанные въ двухъ селахъ Зимняго берега Бѣлаго моря, Нижняя и Верхняя Зимняя Золотица, а также одинъ изъ пересказовъ, записанныхъ на рѣкѣ Пинегѣ, въ Архангельской губерніи. Всѣ эти пересказы начинаются съ описанія пира у князя Владимира.

Къ первой группѣ—а—я причисляю двѣ былины, записанныя отъ сказателя Крюкова (Бѣлом. был., № 73; приложение № 4), а также одинъ эпизодъ изъ былины, записанной отъ его родственника. За основу я беру № 73, какъ посвященный всецѣло разсказу о боѣ со змѣей, и дополняю его № 4, который представляетъ соединеніе этого сюжета съ былиной о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича.

Пиръ у Владимира. Князь обращается къ боярамъ и богатырямъ:

Еще кто же изъ васъ съѣздить на Пучай-рѣку,
За свѣжой-то водой ключевой,
А какъ мнѣ, князю, съ княгинеею умыться, помолодиться?²

Вызывается Добрыня. Князь проситъ Алешу Поповича сѣлать на бумагѣ записъ, чтобы Добрыня послѣ не отказался отъ своихъ словъ. Добрыня идетъ домой печальный и разсказываетъ

¹⁾ См. моя Бытовья черты р. былять, 13.

обо всемъ матерн. Мать его упрекаетъ за самонадѣянность и хвастовство:

„А какъ жилъ твой батюшка шестьдесятъ годовъ,
А ничѣмъ же онъ, жилъ, не хвасталъ же“.

Далѣе описываются проводы. Въ № 73 въ проводахъ принимаетъ участіе жена Добрыни, но въ № 4 ея нѣтъ; нѣтъ ея и въ № 62 Бѣлом. был., записанномъ отъ родственницы Крюкова. Здѣсь, провожая Добрыню на Пучай, мать ему говоритъ:

„Не бери-ко своего коня да Воронюшка,
Ты возьми коня-та батюшки родимаго,
Ты возьми его саблю вострую,
Ты возьми ого палцу военную,
Возьми плеточку шелковую;
Твой-отъ батюшка безъ плеточки не ѣзживалъ“.

Подобный наказъ мы видѣли въ I, а, з, д, но тамъ онъ помѣщенъ передъ второй поѣздкой; передъ второй же поѣздкой упоминается и Алеша Поповичъ на пиру у князя (I, а, б) или соответствующій ему Карамышевъ (I, д); какъ тамъ, такъ и здѣсь Алеша дѣйствуетъ въ княжескихъ интересахъ противъ Добрыни. Можно думать, что эти подробности перенесены сюда изъ второй части былины.

Въ № 4 ничего этого нѣтъ. Добрыня проситъ мать отпустить его въ поле (на двѣнадцать лѣтъ—изъ былины о Добрынѣ и Алешѣ), съѣздить въ Святую землю и въ Литву. Мать его предупреждаетъ, чтобы онъ не купался въ рѣкѣ: она очень быстра, и вынесетъ его въ море. Добрыня прѣвзжаетъ на Почай;

Почерпнулъ-то онъ свѣжей воды блючовою,
Настрѣлялъ-то онъ гусей, лебедей,
А пернастыхъ малыхъ, сѣрыхъ утокъ.

Очевидно, это стрѣляніе птицъ Крюковъ понимаетъ, какъ исполненіе княжескаго порученія; такое именно порученіе мы находимъ въ былинахъ о Потыкѣ, о Казарикѣ, о Суханѣ. Но раньше говорилось лишь объ одномъ порученіи—привезти воды; слѣд., охота Добрыни была добровольная; какъ-разъ такую охоту мы увидимъ въ слѣдующей группѣ.

Добрыня купается въ Почаѣ; третья струя относитъ его въ море. Съ Сорочинскихъ горъ, изъ пещеры его увидѣла змѣя и говоритъ:

„Какъ писи-ти писали—описалися,
 Какъ волхвы-ти волховали—провоховалися:
 А да что сказати, убьетъ меня Добрынюшка;
 А теперь Добрынюшка у меня въ когтяхъ.
 А какъ хошь ли ты, Добрыня, я тебя огнемъ сожгу
 Еще хошь ли ты, Добрыня, я тебя водой залью,
 Еще хошь ли ты, Добрыня, я схвачу тебя
 Въ свои-гѣ двѣнадцать больши хоботы,
 Унесу тя въ свои горы Сорочинскія,
 А да какъ во свой всю высоту теремъ,
 Ко своимъ-то малымъ дѣтямъ на съдѣннице?“

Въ этихъ словахъ змѣи мы встрѣчаемъ впервые указаніе на пророчество; непонятное выраженіе „писи писали“ находить себѣ объясненіе въ другихъ пересказахъ, гдѣ говорится о святыхъ отцахъ. Изъ олонецкихъ пересказовъ мы видѣли отвѣтъ Добрыни, который выставляетъ его не въ геройскомъ свѣтѣ, лишь въ одномъ е; въ другихъ группахъ мы его встрѣтимъ не разъ.

А да на водѣ челоуѣка взять—вѣдь, какъ мертваго.
 А дай ты мнѣ-ка выплыть на сыру землю—
 Тогда меня убей, хоть ты живьемъ неси.—

Змѣя даетъ Добрынѣ нырнуть въ воду и выплыть на берегъ. Далѣе упоминается, что у Добрыни нѣтъ ни платья, ни коня, ни сабли (№ 73 здѣсь сильно искаженъ), но не говорится, что все это увезъ его слуга; въ этомъ отношеніи наша группа примыкаетъ къ I, а и къ одному изъ пересказовъ I, б (Гильф., № 79). Добрыня беретъ камень и отшпбаетъ хоботы змѣи. Змѣя падаетъ на землю; Добрыня хочетъ отсѣчь ей голову; она обѣщаетъ не носить съ Руси народа и предлагаетъ Добрынѣ платье, палицу, саблю и коня. Добрыня прикладываетъ къ ней хоботы, приходитъ въ ея пещеру и получаетъ подарки. Боя камнемъ и подарковъ нѣтъ въ олонецкихъ пересказахъ; въ I, ж мы видѣли, что Добрыня бросаетъ камни въ гору, но тамъ это является какой-то безцѣльной игрой.

Въ № 4 Добрыня, получивъ отъ змѣи саблю, отсѣкаетъ ей голову и зажигаетъ ея теремъ, затѣмъ садится на коня, стегаетъ его плеткой, и конь скачетъ съ горы на гору; обо всемъ этомъ рассказывается и въ № 73, но тамъ это относится ко второй поѣздкѣ. Такъ и должно быть; № 4, далѣе переходящій въ бы-

лину о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича, забывъ о второй поѣздкѣ Добрыни.

Добрыня ѣдетъ въ Кіевъ; ему навстрѣчу летитъ змѣя и несетъ дѣвицу. Въ Кіевѣ всѣ въ траурѣ. Добрыниѣ рассказываютъ, что въ зеленомъ саду князя Владимира гуляла его племянница Марѳа Дмитріевна, что на нее налетѣла змѣя и унесла на Сорочинскія горы. Здѣсь новымъ является указаніе на садъ и имя племянницы, сходное съ Марфидой (I, д). Описаніе второй поѣздки Добрыни сильно отличается отъ олонедкаго типа. Добрыня рѣшаетъ, что его богатырская честь требуетъ наказанія змѣю за обманъ. Онъ пріѣзжаетъ къ Сорочинскимъ горамъ:

Соходиль-то Добрыня со добра коня;
 Во праву руку беретъ востро копье,
 Во лѣву руку да поводъ лошадинья;
 А вострымъ копьемъ закопывать ступени же,
 А лѣвой рукой коня ведетъ на горы Сорочинскія.

Описаніе способа, которымъ добрался Добрыня до терема змѣи, находящагося на вершинѣ горы, не встрѣчается въ пересказахъ другихъ типовъ, но мы увидимъ намеки на него въ слѣдующей группѣ. Добрыня входитъ въ змѣиный теремъ:

А сидитъ-то Марѳа Митревна въ высокомъ теремѣ, на матушкѣ сырой землѣ,

На колѣняхъ держитъ два змѣеныша,
 А какъ ссутъ у нея да груди бѣлыя.
 Высысаютъ изъ ней да кровь горячую;
 А какъ чуть-то въ ней душа полуднуеть ¹⁾.

Эту деталь мы видѣли въ I, в и г, но въ искаженномъ видѣ. Добрыня разрываетъ надвое дѣтенышей и выбрасываетъ изъ терема, затѣмъ выводитъ Марфу и зажигаетъ теремъ. Эти детали мы увидимъ во всѣхъ пересказахъ разбираемаго типа. Пожаръ увидѣла змѣя со святой Руси, „налетѣла“ на Добрыню, хотѣла его убить хоботами, но онъ отскѣкъ ихъ, и змѣя ушла на землю. Затѣмъ Добрыня отрубилъ ей голову и привезъ Марѳу ко князю Владимиру.

Къ группѣ б я отношу пересказъ, записанный въ Верхней Зимней Золотитѣ отъ сказателя Пономарева ²⁾. Этотъ пересказъ

¹⁾ Держится, существуетъ.

²⁾ Труды Музыкально-Этнографич. Комиссіи. I, мои матеріалы, № 12.

примыкаетъ отчасти къ № 73, отчасти къ № 4 группы *a*; въ общемъ онъ ближе къ первому, но, подобно второму, онъ представляетъ соединеніе двухъ сюжетовъ. Отлпчій немного, Алеша Поповичъ не упоминается, и неизвѣстно, кто пишетъ условія:

Записали они записи великія,
Закрѣпили они княземъ-то Владимиромъ.

Послѣднее выраженіе, повидимому, обозначаетъ то, что князь держитъ крѣпкія поруки за Добрыню; въ такомъ случаѣ, это выраженіе перенесено изъ тѣхъ былинь, гдѣ дѣло идетъ о пари¹⁾. Объ отцѣ Добрыни его мать говоритъ нѣсколько иначе:

„Еще былъ-то у тебя отецъ, родной батюшка,
Ай не смѣлъ-то онъ вѣдь ѣхать на Пучай-рѣку“.

Въ разговоры Добрыни съ матерью многое вставлено изъ былины о неудавшейся женитьбѣ Алеши, что мы видѣли и выше, въ одномъ изъ пересказовъ I, б.

Въ № 73 группы *a* порученіе достать воды естественно соединяется съ купаньемъ. Въ нашемъ пересказѣ этого нѣтъ: Добрыня пріѣзжаетъ на рѣку, живетъ въ шатрѣ и занимается охотою за птицами; захотѣлось ему покупаться... О порученіи онъ какъ-будто забылъ. Въ I, д Добрыня также охотится (у моря) и этимъ питается. Но тамъ нѣтъ порученія. Нужно думать, что это противорѣчіе произошло потому, что порученіе достать воды внесено довольно поздно. Добрыня сталъ купаться:

Скидываетъ онъ свое да платье цвѣтное,
Ай кладетъ да свою збрудушку²⁾ богатырскую,
Ай кладетъ тогда Добрынюшка подъ сырой дубъ.

Эту подробность мы увидимъ лишь въ одномъ пересказѣ. Добрыня залпылъ на двѣнадцатую струю рѣки (море не упоминается); это, конечно,—эпическая амплификація. Бой со змѣей описанъ короче, нежели въ *a*; Добрыня отсѣкаетъ саблей шесть хоботовъ. Проходитъ двѣнадцать лѣтъ (изъ былины о неудавшейся женитьбѣ Алеши); Добрыня беретъ воды, ѣдетъ въ Кіевъ. Утромъ Добрыня выходитъ изъ шатра и слышитъ причинаніе дѣвушки:

1) Ср. Всев. Миллеръ, Очерки, 437—38.

2) Т.-е. доспѣхи.

„Ты коса же ты моя, да коса русая!..
 Не за князя ты досталась, не за боярина...
 Ты досталась же, моя да коса русая,
 Еще тѣмъ же малымъ, малымъ змѣенышамъ,
 Доставалась ты, моя коса, на растерзанье.
 Кабы былъ у мня брателко названья,
 Ай названья вѣдь брателко, крестовья,
 Молодой, братцы, Добрынюшка Никитичъ сынъ,
 То бы не далъ бы меня все на растерзанье“.

Такую вставку изъ былины о Козаринѣ мы видѣли уже въ I, а. Въ былинѣ объ этомъ богатырѣ, записанной тоже въ Верхней Золотицѣ (Бѣломорск. был., № 110) мы видимъ, наоборотъ, вліяніе былины о Добрынѣ-змѣеборцѣ. Добрыня стрѣляетъ птиць; встрѣтивъ змѣя, не имѣетъ ни оружія, ни коня, и все это получаетъ (II, а) отъ змѣя; утромъ слышитъ изъ шатра плачь дѣвицы, которую терзаютъ змѣеныши. Почти то же самое мы находимъ и въ былинѣ № 110 о Козаринѣ, чего нѣтъ ни въ одномъ другомъ вариантѣ этой былины. Козаринъ отправляется на охоту и встрѣчаетъ чудо страшное; оно описывается такъ же, какъ Идолице въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ; происходитъ обычный разговоръ относительно количества съѣдаемаго хлѣба и выпиваемаго вина; Козаринъ зашибаетъ чудище о землю и получаетъ отъ него коня, саблю и копьѣ; утромъ онъ изъ шатра слышитъ плачь своей сестры, которую семиглавая змѣя унесла въ Пещорскія горы:

„Кабы былъ у мня брателко Козарушка,
 У мня не были змѣины да дѣти маленьки,
 Они не ссали мои да груди бѣлыя!“

Козаринъ ѣдетъ въ горы, разрубаетъ змѣиныхъ дѣтей и освобождаетъ сестру. Вліяніе былины о Добрыни, быть можетъ, также сказывается въ № 16 Бѣломорскихъ былинь, гдѣ сестру Козарина три ворона (татарина) уносятъ на Аравійскую гору. Во всѣхъ другихъ пересказахъ увозятъ ее въ поле татары; поэтому можно думать, что названіе горы взято изъ былины о Добрынѣ, гдѣ гора называется Сорочинской, т.-е. арабской. Изъ былинь о Козаринѣ видно, что нѣкогда въ Верхней Золотицѣ существовалъ такой пересказъ, въ которомъ Добрыня получалъ отъ змѣи коня, саблю и копьѣ; въ этомъ пересказѣ говорилось ясно, что дѣти у змѣя были отъ племянницы князя Владимира.

Добрыня приѣзжаетъ къ горѣ, привязываетъ коня и лѣзетъ на гору къ змѣнному гнѣзду.

Во гнѣздѣ сидитъ какъ красна дѣвушка
 Молодая Оленушка какъ Митревна,
 Ай любима де Владимира племянница.
 Да какъ пьютъ де змѣныши ею да горячу кровь;
 Да едва у ней душа въ тѣлѣ полуднуеть.

Второй бой сильно скомканъ. Добрыня убиваетъ змѣю въ гнѣздѣ, что не согласуется съ другими пересказами. Онъ везетъ Олену въ Кіевъ, но далѣе идетъ былина о неудавшейся женитьбѣ Алеши, и пѣвецъ о племянницѣ князя не упоминаетъ.

Чтобы покончить съ пересказами Зимняго берега, упомянемъ о двухъ вставкахъ нашего сюжета въ другія былины. Въ былинѣ о Потыкѣ (Бѣломорск. был. № 100)—обозначаю ее *в*—Добрыня ѣдетъ на вешнія заводы за тремя (драгоценными камнями ¹⁾); Илья предупреждаетъ, чтобы онъ, купаясь въ рѣкѣ, не плавалъ на вторую струю, а то увидитъ съ горъ змѣя и залететь его водой или огнемъ сожжетъ. Добрыня не слушается; налетаетъ змѣя, Добрыня ныряетъ, выходитъ изъ воды и отсѣкаетъ ей саблей двѣнадцать хоботовъ. Змѣя обѣщаетъ не убивать русскаго народа. Добрыня садится на нее; она его выноситъ на Сіонскую гору и даетъ ему камни. Добрыня сжигаетъ ея подворье и дѣтей. Змѣя вновь его сноситъ съ горы, а онъ отсѣкаетъ у нея голову и разбрасываетъ ея тѣло по полю. Здѣсь, конечно, соединены обѣ поѣздки Добрыни, и многое выпущено, почему жестокость Добрыни оказывается совсѣмъ безпричинною.

Былина о неудавшейся женитьбѣ Алеши (Бѣлом. был. № 112)—обозначаю ее *г*—начинается пиромъ у князя Владимира. Илья спрашиваетъ, кого бы послать на Пучай принести воды и молодыхъ яблоковъ? Алеша совѣтуетъ послать Добрыню. Добрыня опечаленъ. Мать ему совѣтуетъ не пить воды, а то змѣя можетъ ему срубить голову. Самаго боя со змѣей нѣтъ. Здѣсь Алеша является въ той же роли, что и въ I, *а*, *б* или Карамышевъ въ I, *д*; изъ этого слѣдуетъ, что въ основномъ изводѣ второго типа

¹⁾ Три камня, вѣроятно, — изъ былины о Дюкѣ. См. Южно-русскія былины, 166, 195.

была эта подробность. Молодильныя яблоки— черта, заимствованная изъ легендъ о райскомъ древѣ.

Былина въ сборникѣ г. Григорьева, № 52 —обозначаю ее *д*— содержать три сюжета: бой Добрыни со змѣемъ, женитьба на поляницѣ и неудавшаяся женитьба Алеши ¹⁾. Пиръ у князя. Добрыня вызывается сослужить службу; въ чемъ она состоитъ, не говорится. Добрыня ѣдетъ, купается въ Почай-рѣкѣ; мимо шли двѣ дѣвицы, которыя предупреждали, чтобы онъ не купался. Можетъ быть, это намекъ на деталь, которую мы видѣли *I, б*: нельзя купаться въ рубашкѣ. Добрыня бросилъ въ глаза змѣю Горыничу песку, а потомъ отсѣкъ мечомъ голову. Подробность, что онъ запорошилъ глаза пескомъ, мы увидимъ лишь въ одномъ пересказѣ Кириши Данилова. Затѣмъ Добрыня пріѣхалъ въ жилище змѣя, выбралъ всѣхъ плѣнниковъ и повелъ къ князю Владимиру его племянницу. Упомянутое плѣнниковъ (а также дѣвицъ у рѣки) сближаетъ этотъ пересказъ съ первымъ типомъ (*а, б, в*); въ другихъ пересказахъ этихъ подробностей нѣтъ. Освобожденіе полона, вѣроятно, не входило въ составъ первоначальной версіи и вошло въ нашу былину изъ былины о трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца. Въ былинѣ прямо говорится, что змѣй таскалъ людей на съѣденіе своимъ дѣтямъ. Въ *I, д* онъ несетъ въ пещеру мертвое тѣло. Добрыню онъ собираетъ пожрать, проглотить живого.

Я уже указывалъ, что эпизодъ порученія доставить князю воды не входитъ органически въ былину о Добрынѣ-змѣеборцѣ; изъ пересказовъ Крюкова (*а*) онъ находится лишь въ одномъ; въ пересказѣ Пономарева (*б*) замѣтны слѣды спайки двухъ сюжетовъ. Что указанный эпизодъ когда-то излагался отдѣльно отъ былины о змѣеборствѣ, на это даетъ указаніе одна былина о томъ, какъ Алеша Поповичъ освободилъ изъ плѣна свою сестру. Извѣстны два пересказа этой былины. Одинъ, записанный въ Томской губерніи (Киришевскій, II, 80), излагаетъ этотъ сюжетъ очень близко къ нѣкоторымъ пересказамъ былины о Козаринѣ; начинается онъ съ отъѣзда Алеши въ поле. Другой пересказъ, идущій съ рѣки Мезени (Бѣлом. был., № 64), передъ

¹⁾ Ближе другихъ къ этой былинѣ стоитъ № 62 въ „Бѣломорскихъ былинахъ“, но здѣсь изъ перваго сюжета осталось лишь нѣсколько деталей.

отѣздомъ Алеша помѣщаетъ разсказъ о томъ, какъ Алеша привезъ князю воды съ Пучай-рѣки; князь съ княгиней умылись ключевой водой,

Ай умылся они да нарядилися,
Нарядилися, помолодилися.

Князь дарить Алешѣ орлиное перо ¹⁾.

Изъ разбора былинь второго типа можно сдѣлать слѣдующіе выводы. Особенностью его является прежде всего то, что пересказы начинаются описаніемъ пира у князя Владимира, который даетъ Добрынь порученіе; самое это порученіе, какъ видно, составляло предметъ отдѣльной былины, повліявшей на былину о змѣборствѣ. Такъ какъ эта былина начиналась съ пира у князя Владимира, то и былина о змѣборствѣ приняла такое начало. Слѣдомъ того, что прежде она не имѣла его, является былина *а* о неудавшейся женитьбѣ Алеша. Въ пересказахъ перваго типа пиромъ у князя, который даетъ порученіе Добрынь, начинается разсказъ о второй его поѣздкѣ; поэтому нѣкоторыя черты изъ второй части былины были перенесены въ первую. Во второмъ типѣ удобно прослѣдить вліяніе сюжета доставанія воды на былину о змѣборствѣ. Въ пересказѣ № 4, *а* упоминается море, куда относить Добрыню,—и порученія нѣтъ; въ *б* упоминается 12 струй (т. е. морскихъ волнь), въ *в*—2 струи, и уже является порученіе (въ *в*—достать камни); наконецъ, въ № 73, *а*, *в* и *д*—упоминается только рѣка Пучай и уже струй нѣтъ.

III типъ, восточный.

Къ третьему типу я отношу всѣ остальные пересказы на томъ основаніи, что они начинаются, въ отличіе отъ пересказовъ первыхъ двухъ типовъ, съ повѣствованія о рожденіи и дѣтствѣ Добрыни. Географически былины этого типа я раздѣляю также на нѣсколько группъ.

Къ группѣ *а* я отношу два пересказа, записанные въ Поморьѣ ²⁾. Оба они сильно искажены, и соединяются съ былиной

¹⁾ Очевидно, на шляпу; ср. Бѣлом. был. № 45, ст. 48; № 69, ст. 63.

²⁾ Поморье—зап. берегъ Бѣлаго моря. См. Архангельскія былины и историч. извѣстїи Григорьева, I, № 19; приложение № 1.

о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича. Добрыня—сынъ князя Никиты, оставившаго послѣ своей смерти вдову и сына. Добрыня проситъ у матери отпустить его въ поле поляковать, людей посмотреть и себя показать; мать его отпускаетъ, но совѣтуетъ не купаться въ рѣкѣ и въ особенности не заплывать за третью струю, потому что налетитъ змѣя, семиглавая (№ 19) и двѣнадцати-хоботная (№ 1) и унесетъ его на гору на съѣденіе своимъ дѣтямъ. Рѣка называется Ерданомъ (№ 19) или Плакуномъ (№ 1); оба эти названія, вѣроятно, заимствованы изъ стиха о Голубиной книгѣ. Продолженіе мы находимъ въ одномъ пересказѣ (прил. № 1). Наставленіе, которое даетъ Добрыня матери, принадлежитъ былинѣ о неудавшейся женитьбѣ Алеши (ср. напр. Бѣлом. был. № 6, ст. 4—13). На прощанье мать даетъ Добрынь плетку—

Завоженъца да родна дѣдушка,
Подареньца да родна батюшка.

Отповскую плетку мы уже видѣли въ II, а. Въ I, а и б мы видѣли дѣдушкина и отповскаго коня, но во второй части былины; плетку даетъ Добрынь мать тоже при второмъ отъѣздѣ его. Добрыня заплываетъ за третью струю; налетаетъ змѣя и хочетъ схватить Добрыню въ когти; Добрыня ей говоритъ:

„Какъ не честь тебѣ, да змѣя лютая...
Какъ не честь тебѣ хватать да со быстрой струи.
Полетай-ко ты, змѣя, да во чисто поле...
Змѣя, битися, змѣя, рубитися“.

Битва со змѣей посредствомъ плетки, несомнѣнно, перенесена сюда со второго боя Добрыни; подтвержденіе этому мы увидимъ и въ пересказахъ этого типа. Добрыня сломилъ змѣѣ 12 хоботовъ, и она ему покорилась. Обыкновенно змѣя даетъ обѣщаніе не губить народа; здѣсь мы видимъ обѣщаніе сообщить необычайную силу; повидимому, это—мотивъ изъ былины объ испѣленіи Ильи Муромца ¹⁾. Получивши силу, Добрыня убиваетъ змѣю, ея дѣтей и разоряетъ ея жилище; это, конечно,—черты изъ второй повѣдки Добрыни.

Въ слѣдующую группу—б—я соединяю три пересказа, запи-

¹⁾ Ср. Бѣлом. был., стр. 205—211, 231, 306, 344, 474, а также стр. 154, ст. 108.

санны на Терскомъ берегу ¹⁾. Изъ этихъ пересказовъ объ поѣздки находятъ только въ одномъ № 5; другіе пересказы отрывочны. № 3 представляетъ собою соединеніе 3 сюжетовъ: бой Добрыни со змѣемъ, Оксѣнко и гибель оклеветанной жены.

Начало этой группы вполне сходно съ *a*; только отецъ Добрыни не называется княземъ ²⁾.

Еще былъ жилъ Никитушка, не славился,
 Да не славился Никитушка, состарился,
 Да состарился Никитушка, преставился.
 Оставалась у Никитушки любя семья,
 Да любя-та семья да молода жена;
 Оставалось у Никитушки чадо милое...
 Какъ вѣдь молодой Добрынюшка Никитичъ младъ.

Когда Добрыня исполнилось 12 лѣтъ, онъ сталъ просить у матери благословенія съѣздить въ поле поискать поединщика. Далѣе говорится, что царь Петръ Первый „услышалъ про эту большую похвальбу“; о похвальбѣ Добрыни раньше не говорилось, и это указаніе представляется совершенно неожиданнымъ. Царь позвалъ къ себѣ на пиръ Добрыню и говорить ему:

Я пошлю — тебѣ съѣздить ко Почай-рѣкѣ,
 Привезти-то съ Почай-рѣки свѣжей воды...
 Приумитися вѣдь мнѣ, да Петру Первому...
 Со княгиней-то мнѣ да съ Катериной-то;
 Намъ помыться охота, помолодиться.

Добрыня не отговаривается, идетъ домой и сѣдлаетъ коня. На вопросы матери онъ говоритъ, что его царь посылаетъ за водой. Добрыня опять просить у матери благословенія:

Какъ не бѣленька березочка къ землѣ клонится,—
 Еще кланяется дородный добрый молодецъ,
 Какъ по имени Добрынюшка Никитичъ младъ:
 „Благослови-тко меня, матушка, мнѣ-ка съѣздить-то“.
 — Тебя Богъ благословить, мое чадо милое!—

Итакъ, благословеніе повторяется два раза. Дѣло въ томъ, что этотъ пересказъ записанъ отъ женщины родомъ съ Терскаго

¹⁾ Терскій—сѣверный берегъ Бѣлаго моря. См. Бѣлом. был., № 5; прилож. №№ 2 и 3.

²⁾ Въ № 46 (Бѣлом. был., стр. 230), записанномъ отъ той же пѣвицы, что и № 5, Никита Ивановичъ, отецъ Добрыни, названъ рязанскимъ княземъ.

берега, но на Зимнемъ берегу, въ с. Золотицѣ; несомнѣнно, она включила въ терскую былину нѣкоторыя черты золотицкихъ пересказовъ: въ нихъ мы видѣли и похвалбу Добрыни, и порученіе съѣздить на рѣку за водой. Въ № 5 мы видимъ также разговоръ Добрыни съ матерью и его жалобу на судьбу, что представляетъ собою вставку изъ былинны о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича; такую вставку мы видѣли уже не разъ.

Далѣе слѣдуетъ совѣтъ матери не заплывать въ третью струю рѣки. Въ № 3 къ этому прибавляется еще два совѣта. Первый совѣтъ, поклониться въ полѣ старому, взять изъ былинны о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, которому мать наказываетъ:

„Ты поѣдешь, ты чадо мило, во чисто поле,
Ты наѣдешь стараго старѣйшину...—
Не доѣзжаячи соходи да со добра коня,
Еще бей челомъ ему во сыру землю да низко клаяйся“ ¹⁾.

Что касается второго совѣта—никого не обижать понапрасну, то онъ, вѣроятно, заимствованъ изъ былинны объ отъѣздѣ Ильи Муромца, которому родители наказываютъ: „На пути своемъ не дѣлай обиды, но проливай крови христіанской напрасно“; или:

„Поѣдешь ты путемъ и дорогою...—
„Не убей въ чистомъ полѣ христьянина“ ²⁾.

Во всѣхъ трехъ пересказахъ разбираемой группы Добрыня, заплывши въ третью струю, выходитъ на камень; эту подробность мы увидимъ и далѣе ³⁾. Особенность № 3 составляетъ еще то, что Добрыня находитъ на камнѣ сукно, а на немъ золоченый гребень змѣи. Трудно сказать, откуда попала въ пересказъ эта деталь. Можетъ быть, представленіе о гребнѣ, принадлежащемъ змѣѣ, явилось въ тѣхъ вариантахъ, которые взяли изъ былинны о Козаринѣ причитаніе похищенной дѣвицы (I, е; II, б; III, е); она жалуется на то, что заплетала ея косу мать, а расплетать стали змѣеныши въ пещерахъ. Въ былинѣ о Козаринѣ есть указаніе и на чесаніе косы:

¹⁾ Бѣломорск. был., № 70.

²⁾ Пѣсни, собр. Кирѣвскимъ, I, стр. XVII, 34.

³⁾ Въ с. Поповъ, на Терскомъ берегу, я слышалъ прозаическій пересказъ былинны, въ которомъ тоже находится эта подробность.

„Какъ вечеръ у мня матушка на святой Руси,
 На святой Руси головушку у мня учесала,
 Запела она мою трубчатую косу,
 Обвивала у мня она краснымъ золотомъ,
 Пересычала у мня она скатнымъ жемчугомъ“¹⁾.

По № 2, змѣя налетаетъ съ западной стороны, что отвѣчаетъ I, б. Въ № 5 иначе:

Какъ со той стороны было съ восточною
 Тутъ вѣдь грозная туча подымается.

Это—общее мѣсто въ былинахъ пѣвицы, отъ которой записанъ № 5; такую же картину мы находимъ въ былинѣ о женитьбѣ Дюка Степановича²⁾ и въ пѣснѣ и взятіи Казани³⁾.

Въ № 3, когда змѣя налетаетъ на богатыря, онъ, чтобы спастись, прибѣгаетъ къ обману, говоритъ, чтобы змѣя оглянулась и посмотрѣла, что происходитъ въ Москвѣ, а тѣмъ временемъ нырять въ воду. Къ такому обману прибѣгаетъ Алеша въ битвѣ со змѣею Тугариномъ. Онъ ему говоритъ:

„Бился ты со мною о великъ закладъ
 Биться-драться одинъ на одинъ,
 А за тобою нынѣ силы—смѣты нѣтъ
 На меня, Алешу Поповича“;

Или:

„На что ты, Тугаринъ, за собой силу ведешь?
 И одинъ да одинъ, какъ да перстичекъ,
 Ты, Тугаринъ, да за собою силу ведешь“;

Или:

„Кабы что у тя взади-то за шумъ шумить,
 Кабы что у тя взади-то за громъ гремитъ?“

Тугаринъ оглядывается, а Алеша отрубаетъ ему голову⁴⁾. Къ подобному обману онъ прибѣгаетъ и въ другой версіи былины; онъ говоритъ Тугарину:

1) Бѣлом. был., № 16; ср. Сборникъ Кириши Данилова. с. 87; Григорьевъ, I, №№ 25, 56.

2) Труды Музыкально-Этнографической Комиссіи, вып. I, мои матеріалы, № 7.

3) Бѣлом. был. № 58.

4) Сборникъ Кириши Данилова, 80; Тихонравовъ и Миллеръ, Русскія былины, № 29; Опчужковъ, Печорскія былины, № 64.

„Повзжай поближе ко мнѣ:
Не слышу я, что ты говоришь“;

Или:

„Ты кричи мнѣ-ка, змѣй, пуще, чтсбы слышалъ я;
Ничего-то я теперь да все не слышу вѣдь,
Я не слышу-то, не вижу я рѣчей твоихъ“¹⁾.

Дальнѣйшій рассказъ не соотвѣтствуетъ олонекскимъ пересказамъ: тамъ мы видѣли Добрыню пѣшимъ и безоружнымъ; здѣсь же Добрыня, вынырнувъ у берега, одѣвается, садится на коня и беретъ саблю. Это измѣненіе произошло отъ того, что пѣвцы перенесли сюда черты второго боя; поэтому-то № 2 и 3 оканчиваются смертью змѣи. Перенесеніе изъ второго боя (которое мы видѣли уже не разъ) я вижу и въ слѣдующемъ описаніи:

Онъ вѣдь скоро же поѣхалъ да во чисто поле.
Налетѣла злодіяка-змѣя лютая,
Да брала его на хоботы все змѣиные,
Вынимала его вдвоемъ со добрымъ конемъ,
Вынимала его она высокохонько:
Да повиже-то облака ходячаго,
Да повыше она лѣса стоячаго.
Онъ вѣдь сталъ скоро плеточкой.. постегивать,
Онъ вѣдь, сталъ пуще вѣдь плеточкой пошевеливать;—
Отлетѣли у ней хоботы всё змѣиные;
Еще падаетъ змѣя-та на сыру землю (№ 5).

Мы видѣли, что въ I, д Добрыня во время второго боя со змѣей именно плеткой отрываетъ у ней хоботы и заставляетъ ее спуститься на землю. Дальнѣйшій рассказъ сходенъ съ обычнымъ: Добрыня соглашается отпустить змѣю съ тѣмъ условіемъ, чтобы она не летала на Русь и не губила людей (въ № 2 искаженіе: „ужь ты дай мнѣ полетать да по святой Руси“), и они братаются крестами. Описаніе второго боя въ единственномъ № 5 излагается кратко: змѣя уноситъ у князя Петра Перваго племянницу Забаву Путятичну; Добрыня пріѣзжаетъ въ Кіевъ, узнаетъ объ этомъ и тотчасъ ѣдетъ въ пещеру змѣи; онъ топчетъ змѣенышей, убиваетъ змѣю и привозитъ Забаву къ дядѣ.

Въ двухъ пересказахъ разбираемой группы имя Добрыня замѣнено другими названіями: въ № 2 онъ названъ Никитой, и въ № 3— Оксенышкомъ Никитичемъ. Въ различныхъ былинахъ До-

1) Сборникъ К. Дан., 76; Бѣлом. был., № 47.

брыня нерѣдко называется Никитой-Добрыней ¹⁾, иногда Никитой Добрыничемъ ²⁾; этотъ фактъ, я думаю, можетъ служить подтвержденіемъ взгляда акад. А. Н. Веселовскаго, что отчество богатыря явилось благодаря созвучію прозвища „Аникитъ“ (*ἀνικήτος*) съ именемъ „Никита“ ³⁾. Поэтому можно предположить, что въ болѣе древнемъ пересказѣ былины Добрыня былъ названъ „Аникитокъ“. Извѣстны духовные стихи объ Аникѣ-воинѣ и находящееся съ ними въ связи вологодское преданіе: „За Спасо-Прилуцкимъ монастыремъ, верстахъ въ десяти отъ Вологды начинается *Аникинъ лѣсъ*. Аника былъ ужасный разбойникъ и жилъ въ этомъ лѣсу..., называемомъ теперь *Оникиевскимъ*. Въ лѣсу есть пустынь *Заоникіевская*. Тамъ, въ глуши, на полянкѣ, стояла избушка безъ оконъ, гдѣ жилъ Аника и откуда ходилъ на большую дорогу грабить прохожихъ и проѣзжихъ, а иногда и въ сосѣднія деревни. Долго жилъ онъ и нажилъ себѣ всякаго богатства, серебра и золота, и камня самоцвѣтнаго“. Въ лѣсу указываютъ и могилу Аникину—высокій курганъ ⁴⁾. Заоникіевская пустынь была основана въ концѣ XVI вѣка преп. Иосифомъ ⁵⁾. Къ тому же времени приурочиваетъ пѣсня и походженія Оксенка (или Орсенка).

Иванъ Грозный задумалъ строить вторую Москву на рѣкѣ Вологдѣ, но построилъ только Никольскую церковь въ городѣ Вологдѣ и положилъ казны сорокъ тысячъ. Разбойники ограбили церковь, но у нихъ отнялъ всю казну Оксенко, за что его хотѣли казнить въ Вологдѣ ⁶⁾. Въ пятидесятыхъ годахъ XIX в. въ Вологдѣ еще сохранялось преданіе о томъ, что Иванъ Грозный хотѣлъ основать столицу на рѣкѣ Вологдѣ близъ города и построилъ Успенскую церковь. Въ основѣ этого преданія лежитъ

¹⁾ Григорьевъ, № 109; мои записи въ г. Кеми и на Терскомъ берегу Бѣлаго моря, не напечатанныя. Ончуковъ, Печорскія былины, № 35.

²⁾ Тиховраповъ и Миллеръ, № 27.

³⁾ Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ, II. Спб. 1880, стр. 159.

⁴⁾ Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, IV, изд. 2, стр. 150—151.

⁵⁾ Протопоповъ, Житія святыхъ. М. 1884. Мѣсяць іюнь, 23, стр. 449.

⁶⁾ Бѣломорскія былины, № 86; Пермскій сборникъ, т. II, отд. II, 166, № 6; безъ имени Аксенки: Кирѣевскій, VI, 194—199 (Иванъ Грозный); VII, прилож., 54; VIII, 30—35 (церковь Никольская); Ончуковъ, Печорскія былины, 158 (монастырь Николы).

тотъ фактъ, что Грозный дѣйствительно построилъ въ Вологдѣ крѣпость въ 1566 году ¹⁾).

Итакъ, съ конца XVI ст. въ Вологдѣ появляются преданія о мѣстномъ героѣ-разбойникѣ, который теперь называется и Аникой, и Оксѣйкомъ. Можно думать, что Аника (Аникита) было прозвищемъ Оксенка, и такимъ образомъ вмѣсто Добрыни Аникиты въ былинѣ явился Оксенышко-Микитушка или Микитичъ.

Пересказъ, записанный въ Симбирской губ. (Кирѣевскій, II, 40)—*е*—отличается слѣдующими особенностями. Отецъ Добрыни не упоминается, хотя въ Симбирской губ. сохранилась память о Никитѣ Романовичѣ: въ былинѣ о неудавшейся женитьбѣ Алеши Добрыня просить у матери благословенія ѣхать въ поле, поискать противника; мать говорить, что онъ молодъ и зеленъ; Добрыня возражаетъ, что некому его выучить дома:

„Еще жилъ былъ родной дядюшка,
Свѣтъ сударь Микита Романовичъ;
Живши-бывши самъ состарился,
Состарившася переставился“ (Кир. II, 4—5, изд. второе).

Исно, что эти слова взяты изъ начала былины о змѣборствѣ; „дядюшка“—искаженіе, вмѣсто „батьюшка“. Добрыня родится въ Кіевѣ, что, какъ увидимъ дальше, тоже есть искаженіе, вмѣсто Рязани ²⁾. Добрыня выросъ:

Сталъ Добрынюшка конемъ владать,
И кошемъ шурмовать ³⁾.

Это выраженіе мы увидимъ въ другихъ пересказахъ нашего типа. Повидимому, разсказъ о дѣтствѣ Добрыни нѣкогда былъ извѣстенъ и въ Олопецкой губ. О дѣтствѣ говоритъ начало былины у Гильфердинга, № 187, но здѣсь замѣтно заимствованіе изъ былины о боѣ Добрыни съ Ильей Муромцемъ. Въ № 227 мы находимъ выраженіе, которое въ этой послѣдней былинѣ не встрѣчается: Добрыня—

На десятое-то лѣто сталъ конемъ владать.

Дальнѣйшія особенности нашего пересказа. Добрыня купается въ Петровскія жары, что увидимъ и далѣе. Змѣище Горынище

¹⁾ Кирѣевскій, VI, 192. Приводимое здѣсь стихотвореніе, конечно, не народнаго происхожденія, но излагаетъ, очевидно, мѣстное преданіе.

²⁾ Такое же искаженіе у Григорьева, I, № 113.

³⁾ Ударить.

называется Притугалищемъ ¹⁾, оно собирается Добрыню живого проглотить. Условія: змѣю не ходить въ Кіевъ, Добрынь не купаться въ рѣкѣ Кострюхѣ. Далѣе идетъ былина о Добрынь и Маринкѣ.

Пересказъ въ сборникѣ Кириши Данилова (стр. 147)—1—го раздо полиѣе, хотя тоже значительно искаженъ. Начало разсказываетъ о дѣтствѣ Добрыни, и здѣсь мы впервые встрѣчаемъ Рязань:

Доселѣва Рязань она селомъ слыла,
А нынѣ Рязань слыветь городомъ.
А жилъ во Рязанѣ тутъ богатой гость,
А гостя-та звали Никитю.

Никита называется купцомъ, а не княземъ, чтб мы увидимъ и далѣе.

А будетъ Добрынюшка во двѣнадцать лѣтъ,
Изволилъ Добрыня погулять молодець
Со своею дружиною хоробраю
Во тѣ жары Петровскія.

Рѣка называется сначала „Сафатъ“, а потомъ, нѣсколько разъ,—Израй. Первое названіе встрѣчается въ трехъ былинахъ у Кириши Данилова (стр. 75—79, 154) и зашло въ нашу былинку изъ быliny о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, въ вариантахъ которой этому названію соотвѣтствуютъ Сахатаръ, Софа, Салфа. Мать наказываетъ не плавать за вторую струю (судя по дальнѣйшему,—за третью). О вооруженіи Добрыни не говорится; упоминается лишь, что онъ надѣлъ шляпу земли Греческой.

Пришелъ онъ Добрыня на Израй на рѣку,
Говорилъ онъ друживушки хоробрыя:
„Ай гой еси вы молодцы удалыя!
Не мнѣ вода грѣть, не тешити еѣ“.

Добрыня, конечно, приглашаетъ спутниковъ купаться: „я не могу ни нагрѣть воду, ни сдѣлать ее тихой“. Ср. обычное въ былинахъ выраженіе: „синему морю на утишене“. Спутники Добрыни оказываются робкими:

Никто молодцы не смѣеть, никто нейдеть.

¹⁾ Притугалищникомъ названъ Тугаричъ въ другой былинѣ изъ Сямбирск. губ., стр. 48.

Въ слѣдующемъ пересказѣ спутники Добрыни названы вѣрными слугами. Въ былинахъ слово „дружина“, кромѣ обычнаго употребленія, употребляется также въ смыслѣ младшаго товарища, спутника, что соотвѣтствуетъ понятію „паробокъ“¹⁾, а такъ именно названъ спутникъ Добрыни въ I, б и д. Изъ этого видно, что нашъ пересказъ (какъ и слѣдующій) по понятъ выраженія „хоробрый дружина“ и замѣнилъ одного спутника Добрыни многими. Угрозы налетѣвшаго змѣя излагаются нѣсколько иначе, чѣмъ въ II, а:

„А стары люди пророчили,
 Что быть змѣю убитому
 Отъ молода Добрынюшки Никитича;
 А нынѣ Добрыня у жсна самъ въ рукахъ“.

Отвѣтъ Добрыни выражень такъ же, какъ въ III, а.

Добрыня бѣтается со змѣемъ своей шляпой, но предварительно нагребаетъ въ нее песку:

Глаза запорошилъ и два хобота ушибъ.
 Упалъ змѣй Горынчиша
 Во ту во матушку во Израй-рѣку.
 Когда ли змѣй исправляетца,
 Во то время и во тотъ же часъ
 Свапалъ²⁾ Добрыня дубину, тутъ убилъ до смерти,
 А вытопилъ змѣя на берегъ ево,
 Повѣсилъ на осипу на кляпдую³⁾:
 „Сушися ты, змѣй Горынчише,
 На той-та осинѣ на кляпль!“

Мы видимъ тутъ, во-первыхъ, соединеніе двухъ боевъ, а во-вторыхъ — комическій элементъ, несомнѣнно, новый; змѣй здѣсь утрачиваетъ свой страшный образъ и получаетъ образъ колдуна, который боится осины. Затѣмъ Добрыня плыветъ (нагимъ?) въ пещеры змѣя, разрываетъ пополамъ его дѣтей (ср. II, а), находитъ тамъ много золота-серебра и выводитъ изъ пещеры свою тетушку Марью Дивовну. Далѣе слѣдуетъ мелодраматическій эпизодъ прятанія тетушки въ домѣ Добрыни и ея

¹⁾ См. мон Бытовыя черты р. былинъ, 54—55, 61 (Этн. Об. LVIII, 95—96, 102).

²⁾ Вѣсто „схваталъ“.

³⁾ Пригнутую кнпзу.

торжественнаго появленія у князя. Въ другихъ пересказахъ мы этого эпизода не находимъ. Князь Владимиръ называется дя-дюшкой Добрыни, а Марья Дивовна сестрой князя.

Дальнѣйшіе пересказы всё говорятъ о купаньѣ въ морѣ. Пучай не упоминается совсѣмъ; въ двухъ упоминается рѣка, но она смѣшивается съ моремъ.

Въ группу *д* я соединяю пересказъ, записанный въ Средне-Колымскѣ Якутской области ¹⁾, и одинъ изъ пересказовъ, записанныхъ А. Д. Григорьевымъ на рѣкѣ Кулоѣ, въ Архангельской губ. (№ 269) ²⁾. Эти пересказы отличаются отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что Добрыня возвращается домой на кораблѣ. Особенности этой группы слѣдующія. Упоминается отецъ Добрыни Микита, но названія Рязани нѣтъ. Охота за птицами у моря, которое въ якутскомъ пересказѣ называется Греческимъ (въ другихъ пересказахъ этого названія нѣтъ). Купанье въ „зори Петровскія, солнцепеки меженные“ ³⁾. Третья струя относитъ Добрыню въ горы Пещарымскія (= горы-пещеры, ср. II, б—Пещорскія) или къ камешку Алатырю. „Слуги вѣрные“ упоминаются только въ якутскомъ пер. Змѣй здѣсь описывается такъ:

Вѣютъ крылья его бумажныя,
Звенятъ его хоботы желѣзные.

Это описаніе взято отъ Тугарина ⁴⁾. Слова змѣя:

„Святы отцы писали—прописалися,
И волшебники волнили—проволнилися,
Будто мнѣ отъ Добрыни-то и смерть принять;
А теперь ты, Добрыня, во моихъ рукахъ.
Еще хошь ли, Добрыня, хоботомъ схвачу?
Еще хошь ли, Добрыня, во огнѣ спалю?
Еще хошь ли, Добрыня, цѣликомъ сглочу?“

Отвѣта Добрыни нѣтъ. Упомянуто, что Добрыня, вышедши изъ воды, не нашелъ ни коня, ни сабли, но почему—объ этомъ не говорится. Выраженіе „шляпа земли Греческой“ не понято:

¹⁾ Всев. Миллеръ, Очерки, 426.

²⁾ Приношу глубокую благодарность А. Д. Григорьеву за предоставленіе мнѣ возможности пользоваться еще непечатанными его записями. II и III тт. сборника г. Григорьева печатаются. Разбираемые мною пересказы будутъ здѣсь напечатаны подъ указанными мною нумерами.

³⁾ Межень—средина лѣта.

⁴⁾ Ср. въ „Очеркахъ“ стр. 431.

Нагребалъ онъ въ тоѣ шляпу хрущата песка,
Еще той ли земли, земли Греческой,
Ну стрѣлялъ онъ во змѣяница Горынища.

Тотчасъ затѣмъ Добрыня его и убиваетъ его же ножомъ. По № 269, змѣй выноситъ Добрыню на землю, гдѣ послѣдній видитъ человѣчьи кости; боя нѣтъ. Убивши змѣя, Добрыня идетъ по берегу возлѣ моря и видитъ корабль:

„Ой вы гости, вы гости-корабельщики!
Увезите меня въ столичный Кіевъ-градъ,
Довезите къ родимой моеѣ матушкѣ“.

Приворотилъ корабль и повезъ Добрыню въ его мѣсто. Такого окончанія не встрѣчается въ другихъ пересказахъ. Можетъ быть, оно явилось вслѣдствіе желанія какого-нибудь гѣвца объяснить, какъ Добрыня добрался домой. Корабельщиковъ онъ могъ взять изъ общаго мѣста въ былинахъ: орелъ вѣетъ гнѣздо на камнѣ Алатырѣ, роняетъ перья въ море; плаваютъ гости-корабельщики, вывозятъ перья на Русь.

Изъ трехъ другихъ пересказовъ, записанныхъ на рѣкѣ Кулоѣ— группа е—(№№ 213, 228, 301), оба боя находятся въ одномъ № 301; два другіе пересказа сильно искажены. № 213 соединяетъ въ себѣ отрывки изъ четырехъ сюжетовъ: Добрыня-змѣборецъ, бой его съ Ильей Муромцемъ, бой Ильи съ сыномъ и Дюкъ Степановичъ. Въ № 228 два сюжета: Добрыня-змѣборецъ и неудавшаяся женитьба Алеши.

Рязань. Старый Никита, богатъ человѣкъ. Охота за птицами на заводахъ. Купанье происходитъ въ „упечинки Петровскія“ въ морѣ. Третья струя уноситъ Добрыню и прибываетъ къ сѣрому камню (№ 213), къ горѣ Саворской (№ 228). По № 228, Добрыня передъ купаньемъ прощается съ конемъ. Эта черта (встрѣчающаяся также въ мезенскомъ пересказѣ № 342), несомнѣнно, взята изъ былины о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, который передъ своей смертью прощается съ соколомъ и собакой ¹⁾. Змѣя—огненная (213), семиглавая (228), треглавая, летитъ, по поднебесью хоботы заметываетъ (301), хочетъ Добрыню спалить или живкомъ сглупить. Добрыня проситъ дать ему выплыть на берегъ и одѣться; нечѣмъ ему оборониться; онъ кла-

¹⁾ Веселовскій, Южно-русскія былины, 309, 312, 316—7.

детъ въ пуховой колпакъ песку-хрящу и бросаетъ имъ въ змѣю, отшибаетъ три хобота. Змѣя проситъ ее отпустить и общаетъ принести сапоги, рукавицы, рубашку и колпакъ земли Греческой; послѣдній сюда перенесенъ изъ момента боя. [Въ ММ 213 и 228 этого нѣтъ: или змѣя приноситъ Добрыню къ коню и Добрыня убиваетъ ее ножомъ, или она проситъ Добрыню кормить ея дѣтей въ гнѣздѣ 3 года, пока заживутъ ея 3 хобота; черезъ три года змѣя прилетаетъ и приноситъ его на Русь.] Затѣмъ Добрыня ѣздитъ около заводи и видитъ, что змѣя летитъ съ Руси и песеть въ пещеры красну дѣвицу. Добрыня ѣдетъ къ змѣиной дырѣ и слышитъ плачь дѣвицы. Плачь этотъ, взятый изъ былины о Козаринѣ, встрѣчался намъ уже не разъ. Добрыня приглашаетъ дѣвицу ѣхать съ нимъ на Русь и принять законъ Божій (повѣнчаться), а затѣмъ входитъ въ дыру и отрубаетъ у змѣи всѣ головы. Далѣе дѣвица называется Настасьей Викуличной, и слѣдуетъ былина о неудавшейся женитьбѣ Алеши; отсюда, несомнѣнно,—и имя для дѣвицы, и бракъ съ нею.

Въ слѣдующую группу—ж—я соединяю два пересказа, записанные г. Григорьевымъ на рѣкѣ Мезени, ММ 342 и 408; первый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ два сюжета: Добрыня-змѣборецъ и неудавшаяся женитьба Алеши. Рязань (въ М 408 городъ Романовъ, конечно—отъ отчества Никиты). Никита Романовичъ. Охоты нѣтъ. (Наказъ жепѣ въ М 342—изъ былины о неудавшейся женитьбѣ Алеши). Наказъ матери не плавать на третью (или вторую, 342) струю, когда Добрыня поѣдетъ „ко синему морю да ко студеному, къ Самофирию, бѣлу камению, ко Латырю“. Насколько я знаю, это—единственное упоминаніе сапфира въ русскомъ эпосѣ. Приѣхавши къ морю, Добрыня поставилъ коня къ дубу, снялъ платье, положилъ подъ дубъ и оставилъ на головѣ пуховой колпакъ. Указаніе на дубъ мы видѣли въ II, б. Добрыню относить на море:

А заносило тутъ Добрынюшку по морскимъ волнамъ.

Что змѣй налетѣлъ на Добрыню, когда онъ былъ въ водѣ, объ этомъ говорятъ и другіе пересказы.

А не темная туча да накатилася,
Какъ не оболоко да навалилося,—
Налетѣло змѣице да зло Горынище...

„Какъ святы отцы писали — да прописались:
 Какъ сказали — отъ Добрынюшки змѣю смерть придеть;
 А теперь я съ Добрынюшкой, что хочу, сдѣлаю“.

Змѣй грозитъ его живкомъ сглонуть; Добрыня прибѣгаетъ къ его чести. Какъ и въ группѣ *д*, *у* Добрыни нѣтъ ни коня, ни сабли, но почему — не говорится. Въ дальнѣйшемъ два пересказа расходятся. № 408 остается вѣренъ традиціи: колпакомъ съ пескомъ Добрыня бьетъ змѣя и отшибаетъ три хобота; змѣй падаетъ, Добрыня хочетъ пороть его грудь; змѣй общаетъ подарить ему рубашку, сапоги, коня и дѣвицу, племянницу князя Владимира. Добрыня убиваетъ змѣя, беретъ коня и вмѣстѣ съ дѣвицей ѣдетъ къ матери.

Еще были тутъ радости великія.

Послѣднее выраженіе, повидимому, указываетъ на то, что Добрыня женился на дѣвицѣ. Такое окончаніе явилось благодаря тому, что забыто порученіе князя, и двѣ поѣздки соединены въ одну.

По № 342, змѣя хватаетъ Добрыню въ когти, выноситъ изъ моря, но онъ ее хватаетъ за правое крыло ¹⁾ и ударяетъ о землю. Змѣя проситъ не убивать. Добрыня спрашиваетъ, гдѣ у нея находятся живая и мертвая вода и коверъ самолетный; узнавши это, онъ убиваетъ змѣю, въ ея палатахъ находитъ воду, становится на коверъ и переносится на немъ черезъ море. Печего и говорить, что такая развязка — чисто сказочная. Далѣе слѣдуетъ былина о неудавшейся женитьбѣ Алеши.

Въ слѣдующемъ пересказѣ — з —, записанномъ на рѣкѣ Пинегѣ ²⁾, упоминается какая-то „меньшая рѣка“, но купанье происходитъ въ морѣ. О родителяхъ Добрыни не упоминается. Добрыня, не въ великомъ возрастѣ, ѣдетъ, повидимому, охотиться, п. ч. беретъ съ собою только лукъ и стрѣлу. Угроза змѣя — не только „дѣлкомъ сглонуть“, но и „конемъ стоптать“ что является полной бессмыслицей, п. ч. змѣй плаваетъ въ морѣ. Битва — пуховымъ колпакомъ съ пескомъ; Добрыня сшибаетъ не только три хобота, но и три головы, что тоже не имѣетъ смысла. Змѣй общаетъ не носить съ Руси людей и даетъ Добрыни платье,

¹⁾ Ср. жабры въ I, ж.

²⁾ Григорьевъ, Архангельскія былины и историч. пѣсни, I, № 114.

кона и племянницу князя Владимира. Условія записываются, что, вѣроятно, перенесено изъ сцены пира. Нѣтъ убійства змѣя, что вноситъ поправку къ *д, е, ж*.

Замѣтимъ, что просьба Добрыни къ змѣю изложена такъ:

„Ужь ты дай мнѣ сроку на малый часъ
Еще выплыть Добрынюшкѣ на круть берегъ“.

Изъ этой просьбы, какъ сейчасъ увидимъ, развился цѣлый разговоръ между Добрыней и змѣемъ: Добрыня проситъ срока на три года—змѣй не даетъ и на три мѣсяца, Добрыня проситъ на три недѣли—змѣй не даетъ и на три дня; Добрыня проситъ на три часа, змѣй не даетъ. сроку и три слова молвити. Такой разговоръ, несомнѣнно, неудачно перенесенъ изъ такихъ былинъ, гдѣ нападающій на городъ врагъ даетъ нѣкоторое время, отсрочку, чтобы жители рѣшили, принимать ли его условія сдачи ¹⁾.

Такой разговоръ мы находимъ въ двухъ пересказахъ, записанныхъ на Пинегѣ и на Мезени ²⁾ и нѣчто подобное—въ пересказѣ, ведущемъ свое происхожденіе съ рѣки Ишима ³⁾. Въ послѣднемъ Добрыня проситъ срока на три дня, на три часа и на три минуты; змѣй даетъ, и Добрыня три дня плаваетъ въ морѣ, а затѣмъ выскакиваетъ на песокъ. Эта бессмыслица произошла отъ того, что пѣвецъ заставилъ змѣя согласиться на отсрочку. Въ виду этого я эти три пересказа соединяю въ одну группу—и.

Соединеніе это дастъ возможность исправить весьма полный, но искаженный сибирскій пересказъ путемъ сличенія его съ другими пересказами, содержащими одну лишь первую поѣздку Добрыни, а также установить нѣкоторыя искаженія въ этихъ пересказахъ. Въ двухъ пересказахъ названа Рязань, въ № 370—Кіевъ; въ этомъ же пересказѣ Никита Романовичъ названъ княземъ, въ № 21—богатымъ гостемъ. Въ сѣверныхъ пересказахъ далѣе рассказывается о дѣтствѣ Добрыни (какъ и во многихъ другихъ пересказахъ); сибирскій пересказъ передъ этимъ вводитъ новый эпизодъ. Девяносто-лѣтній Никита ѣдетъ въ Кіевъ, къ князю Владимиру, снимаетъ съ себя латы и панцырь и про-

¹⁾ См. напр. Вѣдомскія былины, 41, 245, 425.

²⁾ Архангельскія былины I, № 87; новая запись № 370.

³⁾ Тихонравовъ и Миллеръ, II, № 21

силь у князя монаха-нострижника, чтобы спасти под старость свою душу. Князь спрашивает, на кого он оставляет Киев; Никита отвѣчает, что можно надѣяться на его сына. Князь возражает, что его сыну всего три года, но все-таки дает ему монаха. Что этот эпизод введен очень поздно, видно из того, что купеческое званіе Никиты не мѣшает ему носить воинскіе доспѣхи и оборонять Киевъ. Этотъ эпизодъ, несомнѣнно, вставленъ изъ былины о Михайлѣ Даниловичѣ, гдѣ онъ вполне умѣстенъ ¹⁾. Отсюда же взята и одна подробность одѣванія Добрыни:

Надѣвалъ на себя платье со-отцовое;
Со-отцово платье ему узѣхонько и коротохонько (ст. 104—5).

Въ нашемъ пересказѣ эта подробность вставлена не на мѣстѣ: богатырь выѣзжаетъ на подвигъ въ узкомъ платьѣ; въ былинѣ о Михайлѣ Даниловичѣ подобная деталь вполне осмысленна: отецъ Михайлы говоритъ о томъ, что его сынъ, хотя и малолѣтній, можетъ его замѣнить:

„Онъ вѣдь можетъ владѣть монимъ добрымъ конемъ,
Всей моей сбруей ²⁾ богатырскою;
Латы-гѣ мои-ти ему не сходятся ³⁾“.

Послѣ отца Добрыня остается семи лѣтъ. Стало ему 12 лѣтъ (по № 21—пятнадцать);

Сталъ онъ палицей помахивать,
Зачалъ сабелькой пофыркивать,
Сталъ онъ копыцомъ подпиратися.

Онъ задумалъ ѣхать къ морю, на заводи, стрѣлять гусей, лебедей и утокъ. Наказъ матери (по № 87 — отца, еще живого) не плавать на третью струю. Охота. Купанье, по сѣвернымъ пересказамъ, происходитъ въ морѣ. № 21 говоритъ, что Добрыня сталъ купаться въ Днѣпрѣ, но далѣе говорится, что онъ плаваетъ въ морѣ; слѣд., введеніе рѣки здѣсь очень позднее. Добрыня заплываетъ на третью струю,—

¹⁾ Веселовскій, Южно-русскія былины I, 15, 19; Миллеръ, Очерки, 346, 421—2.

²⁾ Вмѣсто „сбрудой“ или „бруней“—вооруженіемъ. См. Бѣлом. был., 482, 576, сл. „собрунитное“.

³⁾ Бѣломорскія былины, 403.

И тутъ струи вмѣстѣ сходилися,
Унесло его къ горамъ, горамъ ко пещерамъ (21).

По другимъ пересказамъ—просто въ море, что соотвѣтствуетъ большому количеству пересказовъ; горы взяты изъ второй поѣздки. Пророчество святыхъ отцовъ упоминается во всѣхъ пересказахъ, но въ № 87 оно очень неудачно вложено въ уста Никиты Романовича, которому Добрыня, плавая въ морѣ, пишетъ письмо! Троеглавый (№ 370) змѣй грозитъ Добрыню живымъ сглонуть, хоботомъ убить, дымомъ задушить или искрой засыпать. Добрыня прибѣгаетъ къ чести змѣя, а затѣмъ отшибаетъ ему три (№ 21—тридцать) хобота (№ 370—и всѣ три головы; „тутъ змѣищу славы повуть“—этимъ пересказъ оканчивается) камнемъ (№ 87—въ пять пудовъ) или комомъ песка (№ 21). Змѣй даетъ обѣщаніе не летать по Кіеву и не уносить княгиню Апраксию; это имя взято, конечно, изъ второй половины пересказа. Затѣмъ они братаются, и змѣй даетъ въ подарокъ коня (комоня) со всей сбруей и сѣдломъ и платьемъ. № 87 говоритъ, что Добрыня получилъ отъ змѣя также красну дѣвицу, родную сестру князя Владимира. Пересказъ, повидимому, не конченъ, и сестру князя пѣвица, вѣроятно, запомнила изъ забытой ею второй половины былины. Эта половина уцѣлѣла въ одномъ сибирскомъ пересказѣ.

Добрыня отпустилъ змѣя живымъ; змѣй полетѣлъ въ Кіевъ, къ князю Владимиру.

И ходила княгиня въ зеленомъ саду,
И ступала княгиня съ камня на камень,
Со бѣла камня ступала на люта змѣя.
Вкругъ ногъ ея змѣище обвивается,
Садитъ ее на могучи плеча
И унесъ ее въ пещеры свои глубокия.

Такой образъ не разъ встрѣчается въ былинахъ ¹⁾, но онъ относится не къ похищенію женщины, а къ чудесному зачатію героя отъ змѣя; таково, на примѣръ, начало былины у Кириши Данилова о Волхѣ Всеславьевичѣ (стр. 18):

По саду, саду зеленому
Ходила-гуляла молада княжна
Мароа Всеславьевна.
Она съ каменю скочила на лютова на змѣя;

¹⁾ См. Веселовскаго, Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ, II. Спб. 1880, стр. 117—8; Жднова, Русскій былевой эпосъ, 415—8.

Обвивается лютой змѣй
 Около чебота-зелень-сафьянъ,
 Около чулочника шелкова,
 Хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну.
 А втапоры княгиня понось понесла,
 А понось понесла и дитя родила.

Мы видѣли, что похищенная змѣемъ дѣвица называлась Марою (Дмитріевной) и Марфидой Всеславьевной; поэтому можно думать, что это имя, Мароа Всеславьевна, было и въ нашемъ пересказѣ и лишь въ послѣдствіи было замѣнено именемъ Апраксін. Самый образъ похищенія взятъ былъ изъ такой былины, гдѣ отъ княгини Мароы Всеславьевны и змѣя долженъ былъ родиться герой. Но откуда взято имя Апраксін? Что оно введено въ пересказъ очень поздно, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Мы видѣли въ № 87 сестру Владимира. Такой версіи вполне отвѣчало бы имя Мароы *Всславьевны* (ср. I, д). Въ нашемъ пересказѣ Апраксія—жена Владимира, а между тѣмъ, когда Добрыня привозитъ ее къ князю, тотъ предлагаетъ ему взять ее замужъ; ясно, что княгиня введена вмѣсто княжны, сестры Владимира.

Замѣтимъ, что въ нашемъ пересказѣ содержится дѣльный рядъ деталей, взятыхъ изъ былины о боѣ Алеши съ Тугаринымъ: у змѣя — бумажныя крылья; когда онъ налетаетъ на Добрыню (во второй битвѣ), послѣдній молится, чтобы Богъ послалъ дождь; идетъ дождь и подмачиваетъ у змѣя бумажныя крылья; Добрыня бьетъ его шельгой. Все это мы находимъ во многихъ пересказахъ былины объ Алешѣ Поповичѣ ¹⁾, и, наоборотъ, ничего этого нѣтъ въ другихъ пересказахъ нашей былины. Несомнѣнно, отсюда же зашло и имя Апраксін, къ которой летаетъ змѣй Тугаринъ.

Отпустивъ змѣя, Добрыня ѣдетъ въ Кіевъ, къ матери, и тутъ узнаетъ о несчастѣ, которое случилось у князя. Добрыня поворачиваетъ коня и тотчасъ же ѣдетъ на горы, къ пещерамъ змѣя Горыница. Мать даетъ ему указанія, какъ биться со змѣемъ, — стоя у стремени. Угрозы змѣя перенесены и на вторую битву, чего нѣтъ въ другихъ пересказахъ. Змѣй бьется при помощи оружія, чему вовсе не соотвѣтствуютъ его угрозы — проглотить, убить хоботомъ, задушить дымомъ или засыпать иск-

¹⁾ См. Очерки Миллера, 431—8.

рами. И это описаніе боя палицами, саблями, копьями и ручного боя, конечно, взято изъ какой-нибудь былины о боѣ двухъ богатырей, напримѣръ, Ильи Муромца съ сыномъ ¹⁾. Мы видѣли выше, что во второмъ боѣ Добрыни главную роль играетъ его плетка, которою онъ стегаетъ коня (I, а, 2, d; II, а; III, а, б). Въ нашемъ пересказѣ мать совѣтуетъ Добрынѣ стегать змѣя „шелыгой подорожной“ и прибавляетъ:

„Застегашь ты его до смерти
Своей плетью шелковою.“

Очевидно, здѣсь слово „шалыга“ (или „солыга“ = дубина, палица) смѣшано со словомъ „шелепуга“ (или „шелепъ“ = плеть изъ толстаго ремня); взято оно изъ былины о Тугаринѣ, съ которымъ Алеша бьется или шелепугой подорожной ²⁾, или шалыгой подорожной ³⁾. Самый бой описывается такъ:

Распахивалъ Добрыня полу правую,
Вытягивалъ шалыгу подорожную
И стегалъ онъ змѣя по могучимъ плечамъ,
И стегалъ, самъ приговаривалъ:
„Огъ конскаго поту змѣя пухля“.
И застегалъ Добрыня змѣища до смерти,
Изрубилъ змѣища въ куски во мелкіе.

Въ пещерахъ Добрыня находитъ Апраксию:

Лежить княгиня на перинѣ на перовья,
На подушечкахъ на пуховыхъ;
На правой рукѣ у ней лежитъ змѣинчишко
И на лѣвой рукѣ змѣинчишко.

Добрыня разрываетъ и растаптываетъ змѣенышей и везетъ княгиню къ Владимиру. Дорогой они вступаютъ между собой въ крестовое братство. Когда князь предлагаетъ, въ награду за освобожденіе Апраксіи, ея въ жены Добрынѣ, послѣдній возражаетъ, что это невозможно, потому что княгиня—его крестовая сестра. Только въ одномъ пересказѣ (I, 2) дѣло оканчивается бракомъ, но тамъ мы видѣли вмѣсто Добрыни—Дуная и вмѣсто

¹⁾ См. Веселовскаго, Южно-русскія былины, 323.

²⁾ Сборникъ *Кирилъ Данилова*, 75—6. Ср. Бѣлом. был., 578.

³⁾ *Омчуковъ*, Печорскія былины, 333—7.

сестры или племянницы князя Владимира—царскую дочь. Большинство пересказовъ оканчивается привозомъ дѣвицы въ Кіевъ.

Нѣкоторыя особенности мы находимъ въ пересказѣ, записанномъ на рѣкѣ Печорѣ ¹⁾ — *i*. О рожденіи Добрыни въ Рязани рассказывается нѣсколько иначе: Никита Романовичъ представлялся;

Вотъ осталася у него да молода жена,
Вотъ осталася она право беременна.
А немножко прошло да поры-времени,
Вотъ родила она свое да чадо милое.
Собирали тутъ поповъ, дьяковъ, причетниковъ;
Окрестили ея да чадо милое,
Нарекали ему баско ²⁾ новое имячко,
Молодыя Добрынюшка Никитичъ младъ.
А растеть тутъ ли Добрыня лѣтъ до двѣнадцати;
Онъ сталъ хватать приправу богатырскую:
Онъ сперва хватилъ копейце бурзомецкое —
Хорошо владѣтъ удалый добрый молодець.
Онъ еще хватилъ ли палицу боевую—
Хорошо владѣтъ удалый добрый молодець;
Онъ еще хватилъ саблю право вѣдь вострую—
Хорошо владѣтъ удалый добрый молодець.

Отправляясь къ морю, Добрыня вооружается и беретъ три прута, желѣзный, мѣдный и оловянный, противъ змѣи, которая, по словамъ его матери, не боится простого оружія. Третья струя вынесла Добрыню въ море, и его стало носить по морю. Змѣя грозитъ живкомъ сглонуть, на водѣ стопить или на огнѣ спалить. Она представлена дѣвушкой: Добрыня хватаетъ ее за косы и стегаеть прутьями. Такое искаженіе объясняется вліяніемъ былины о Потыкѣ, который стегаеть змѣю, по многимъ вариантамъ, прутьями ³⁾. Самый способъ боя посредствомъ *стеганія*, несомнѣнно, перенесенъ сюда изъ второй повѣдки Добрыни. Змѣя общааетъ ему дать подарки:

Она выблевала сперва ему золоту казну,
Она выблевала затѣмъ да коня добраго,
Еще выблевала ему да красну дѣвицу.

¹⁾ *Ончужовъ*, Печорскія былины, № 59.

²⁾ Красное.

³⁾ См., напр., у г. *Ончужова*, № 57, ст. 237 — 241, 259 — 279. Былина о Потыкѣ извѣстна и тому лицу, отъ котораго записанъ разбираемый пересказъ.

Дѣвица взята, конечно, изъ второй части былины, которая не уцѣлѣла въ пересказѣ. Способъ доставленія подарковъ является въ немъ однимъ. Окончаніе былины, женитьба Добрыни на дѣвицѣ, представляетъ несомнѣнное искаженіе.

Чтобы покончить разборъ вариантовъ, остается еще указать на пересказъ, записанный А. Д. Григорьевымъ на рѣкѣ Мезени, № 351. Этотъ пересказъ представляетъ собою не чистую былинну, а вольное изложеніе, очень нескладное, нѣсколькихъ сюжетовъ: бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ, неудавшаяся женитьба Алеши и бой Добрыни со змѣемъ. Послѣдній сюжетъ вначалѣ излагается отъ лица Добрыни. Змѣй — трехглавый. Когда Добрыня проситъ пощады,

Тутъ на то змѣй, змѣй, оглянувшись вдругъ,
Онъ помогъ тутъ Добрынѣ (доплыть) до сырой земли.

Эти слова въ искаженномъ видѣ сохранили намекъ на обманъ Добрыни, который мы видѣли въ III, б. Добрыня бросаетъ въ змѣя камень въ 50 пудовъ; змѣй даетъ коня съ принадлежностями, но Добрыня отнимаетъ ему голову.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

№ 1.

(Былина записана мною въ д. Федосеевъ, близъ Кандалакии, Архангельской губ., отъ крестьянки М. С. Борисовой).

Ужъ какъ жить-то былъ Микитушка да все богатою князь.
У ёго-то было да цядо милое,
Какъ Добрынюшка да все Микитичъ младъ.
Какъ Никитушка-то пожилъ по сѣму свѣту,
Оставалась у ёго вдова, да вдова ц(ч)есная,
Какъ цесна вдова Офимья Олѣксандровна.
Какъ была-то тамъ прослышила Плакунъ-рѣка:
Какъ збирались туды богатыри пресильнїя;
А купались онъ да во Плакунъ рѣки.
Поѣжжалъ Добрынюшка Микитичъ младъ
Онъ купатисе да во Плакунъ рѣку.
Не спушшала-то его да родна маменька,

Какъ цѣсна вдова Офимья Олѣксандровна:
 „Ты не ѣзди-ко, Добрынюшка Микитичъ младъ;
 Ницѣ есть-то тамъ три струи, да струи быстрыя:
 Заплывѣшь, Добрынюшка, да за третью струю,
 Прилетитъ зѣ горы да зымѣя лютая;
 Зымѣя лютая двѣнадцати-хобѣтная,
 Унесѣтъ она тебя на высоку гору
 Малыѣ дѣтоцькамъ да на сѣдѣньцѣ“.
 Тутъ спроговоришь да всё Добрынюшка,
 Какъ Добрынюшка да онъ Микитичъ младъ,
 Онъ спроговоришь да рѣдной маменьки:
 — Ты послушай-ко, да моя рѣдна маменька,
 Ты цѣсна вдова Офимья Олѣксандровна!
 Благословишь—пойду, и не благословишь—пойду
 Я купатисе да во Плакунъ-рѣку. —
 Тутъ спроговоришь да всё цѣсна вдова,
 Офимья есь да Олѣксандровна:
 „Ты послушай-ко, Добрынюшка Микитичъ младъ:
 На кого ты оставляешь золоту казну,
 На кого ты спокладаешь молоду жону?“
 Какъ спроговоришь Добрынюшка Микитичъ младъ:
 — Ты послушай-кѣ, моя да рѣдна маменька,
 Ты цѣсна вдова Офимья Олѣксандровна:
 Какъ не прѣйду-то я къ вамъ двѣнадцать лѣтъ—
 Роздѣли-ко ты да золоту казну,
 Золоту казну да ты на три части:
 Ужъ ты первую часъ бери сама себѣ,
 Да другую часъ да молодой жоны,
 Ужъ ты третью часъ да по Божимъ церьквамъ,
 По Божимъ церьквамъ всё по манастырямъ. —
 Брала маменька да золоты ключи,
 Отмыкала тамъ да кованы замки,
 Приносила тамъ ему да ему плѣтоцьку,
 Она плѣтоцьку да и' семи шолковъ
 Завоженъица да рѣдна дѣдушка,
 Подареньица да рѣдна батюшка.
 Поѣжжалъ Добрынюшка Микитичъ младъ
 Онъ купатисе да на Плакунъ-рѣку.
 Прѣжжалъ Добрынюшка да онъ къ Плакунъ рѣкѣ,
 Онъ пошолъ купатисе да во Плакунъ-рѣку;
 Ужъ онъ заплылъ тамъ Добрынюшка да за первую струю,
 Переплылъ онъ за втору струю,
 Ницѣ заплылъ онъ да за третью струю.
 Приля(ѣ)тала тамъ да зымѣя лютая,
 Зымѣя лютая двѣнадцати-хобѣтная,
 Роспусътила то она свои востры когти,

Да хотѣла тамъ хватить Добрынюшку Микитица.
 Тутъ спроговоришь Добрынюшка Микитиць младъ:
 „Какъ не цѣсь тебѣ, да зымѣя лютая,
 Зымѣя лютая двѣнадцети-хобѣтная,
 Какъ не цѣсь тебѣ хватать да со быстрой струи.
 Полетай-ко ты, зымѣя, да во чисто полѣ.
 Во чисто полѣ, да зымѣя, битисе,
 Зымѣя, битисе, зымѣя, рубитисе“.
 Полетала тамъ зымѣя да во чисто полѣ.
 Какъ поѣхалъ тамъ Добрынюшка Микитиць младъ,
 Приѣжжалъ Добрынюшка да во чисто полѣ;
 Какъ схватилисе оны съ лютой зымѣей,
 Какъ бросила тамъ зымѣя люта да о сыру землю,
 Тутъ Добрынюшки да мало можитце.
 Ужъ ка вспомнилъ тутъ Добрынюшка да эту плѣтоцьку.
 Эту плѣтоцьку да и семи шоловъ
 Завоженница да родна дѣдушка.
 Благословенница да родна батюшка,—
 Изломилъ какъ у зымѣи двѣнадцать хоботовъ.
 Тутъ змолиласе Добрынюшки лютой зымѣя:
 „Ты спусти, Добрынюшка, да всё Микитиць младъ.
 Малынь дѣтоцькамъ на воспитаньице.
 Я дамъ ¹⁾ тебѣ силу несъмѣтную—
 Некого не будетъ какъ сильнѣ тебя.
 Ты поди, Добрынюшка, да во чисто полѣ:
 Ицѣ есь тамъ три колодца три глубокия;
 Ужъ ты выше тамъ да ключевой воды,—
 Какъ прибудѣтъ тебѣ сила несъмѣтная“.
 Ка спустилъ тутъ Добрынюшка люту зымѣю,
 Какъ поѣхалъ тамъ Добрынюшка да во чисто полѣ,
 Онъ нашолъ тамъ три колодца три глубокия,
 Три глубокия да три ключевыя;
 Ужъ онъ выпилъ тамъ воды да изъ колодца перьвого—силы прибыло;
 Какъ въ другомъ колодци выпилъ—услынилъ силу несъмѣтную ²⁾:
 Онъ изъ третього колодци выпилъ ключевой воды—
 Онъ и здѣлался во гноицы, во болицы.“
 Тамъ лёжалъ Добрынюшка да во чисто поли,
 Онъ просилъ, молилъ да ужъ онъ Господа,
 Онъ просилъ молилъ себѣ здоровница;
 Какъ услышалъ тамъ Господь ёго молитву всё,
 Онъ послалъ ёму да всё андела,
 Ему андела да всё архандела,
 Излицишь Добрынюшку Микитица.

¹⁾ Т. е. дамъ, буд. вр.

²⁾ Последніе два стиха пѣвица сказала словами.

Приляталъ къ ему андѣлъ, архангѣлъ всё,
 Излицилъ тутъ Добрынюшу Микитица
 Лучше старого да храбрѣ прежнего.
 Ка скрыцилъ-зыцилъ Добрынюшка да зыцинымъ голосомъ:
 „Ужъ ты лошадь ты моя, да лошадь добрая!
 Ты лети ко мнѣ да исъ циста поля;
 Мы пойдѣмъ-ко домой да къ рѣдной маменьки,
 Къ родной маменьки Офимьи къ Олѣксандровны,
 Ли къ моѣй жоны да къ молодой жоны“.
 Прилеталъ къ ёму да его доброй конь;
 Обуздалъ онъ своёго добра коня,
 Полеталъ Добрынюшка да онъ къ лютой змѣи,
 Онъ убилъ прѣхалъ всё люту змѣю,
 Онъ убилъ у ей да малыхъ дѣтоцѣтъ,
 Розорилъ её да ее жительсво.
 Прѣжжалъ домой Добрынюшка да ко свою двору—
 Не выходить тамъ стрѣцеть да рѣдна маменька,
 Не выходить тамъ стрѣцеть да молода жона.
 Онъ увидялъ тутъ да мала юныша:
 „Ты скажи-ко мнѣ, да малой юнышокъ,
 Ише есь ли у меня жива да рѣдна маменька,
 Какъ цесна вдова Офимья Олѣксандровна?
 Ише есь ли у меня жива да молода жона?“
 Тутъ спробоврилъ да малой юнышокъ:
 — Ише есь жива да твоя рѣдна маменька,
 Какъ цесна вдова Офимья Олѣксандровна:
 Какъ ушла она до по Божьимъ церквямъ,
 По Божьимъ церквямъ да всё по манастирямъ
 Отдавать она да золоту казну;
 Какъ уѣхала твоя да молода жона
 Во Божью церковь да всё вѣнчатисе
 Со Олѣшенькой да со Поповицѣмъ.—
 Поѣжжалъ Добрынюшка ко Божьей церкви,
 Заходилъ Добрынюшка да во Божью церковь,
 Онъ срубилъ-то у Олѣшеньки да буйну голову.
 Ужъ онъ братъ Добрынюшка да молоду жону,
 Олѣ прѣхалъ вѣдь Добрынюшка во свой онъ домъ.

№ 2.

(Былина записана Б. А. Богословскимъ съ с. Варзутъ, на Терскомъ берегу Балтаго моря, отъ Ульяны Вопіящиной.)

Какъ поѣхалъ Микита во цистѣ полѣ,
 Со циста-то поля да во темны лѣса,
 Исъ темныхъ-то лѣсовъ да на Почай-рѣкѣ.
 Онъ задумалъ купатьце во Почай-рѣкѣ;

Скинывалъ съ себя Микита платьё верхное,
 Поскорѣ того Микита платьё нижное,
 Ужь какъ падалъ Микита во Почай-рѣку,
 И нырнулъ Микита съ крута бережку,
 Ужь какъ высталъ ¹⁾ Микита на сѣрой камешокъ,
 Какъ смотрѣлъ-гледѣлъ Микита во вся чѣтыри стороны:
 Ай отъ западной сторонки туча тучитьце,
 Кабы туча тучилась да громъ гремѣлъ,
 Кабы громъ-отъ гремѣлъ да цястой дождикъ шолъ.
 Налетѣла тутъ змѣя, да змѣя лютая:
 „Ужь ты хоцѣшь ли, Никита, я живкомъ сгону ²⁾,
 Ужь ты хоцѣшь ли, Никита, я водой стоплю,
 Ужь ты хоцѣшь ли, Никита, я огнѣмъ сожгу?“
 Какъ умѣлъ нырять по-рыбѣму,
 Ай нырнулъ онъ со сѣрого камешка,
 Ужь онъ высталъ у крута красна берешка;
 Надѣваётъ Микита платьё нижное,
 Поскорѣ того Микита платьё верхное,
 Ужь какъ падалъ Микита на добра боня.
 Налетѣла тутъ змѣя, да змѣя лютая;
 Ужь какъ тутъ съ Микитушкой схватилисе.
 Оны билисе день до вецѣра;
 А збивалсе Микита на цѣрны груди,
 Вынималъ ли Никита свой булатной ножъ.
 Замолидасе змѣя, да змѣя лютая:
 „Не пори ты, Микита, у меня цѣрныхъ грудей.
 Ужь ты дай мнѣ полѣтать да по святой Руси;
 Ужь мы станѣмъ крестамы брѣтатъце съ тобой“.
 Какъ ни смотреть Микита ей прошеньица,
 Отрубилъ у ей Микита по плецъ голову.

№ 3.

(Быльна записана мною въ с. Кузоменѣ, въ 18 верстахъ отъ с. Варзуги отъ М. О. Кожиной).

Жилъ былъ Микитушка, онъ преставилсе.
 Оставалось у Микитушки цядышко милоѣ,
 Ищѣ молодой Оксѣнышко да Миейтиць младѣ.
 Ужь какъ сталъ Микитушка да на возросети,
 Какъ женила ёго маменька да родимая.
 Захотѣлось Оксѣнышку ѣхать да во цистѣ полѣ
 Какъ людей-то посмотрѣть да какъ себя казать.
 Проважаётъ ёго матушка родимая,

1) Выстать—подняться изъ воды.

2) Въместо „сгону“, проглочу.

Проважаётъ ёго да молода жона.
 Проважаётъ ёго матушка да наказывать:
 „Ты поѣдешь, моё да цядо милоё,
 Ты наѣдешь въ цистомъ поли старого,
 Въ поли старого наѣдешь, въ поли т' малого,—
 Со коня соходи да низко кланейса,
 Не обижай понапрасну не единого.
 Какъ рознѣжитце твоё да тѣло бѣлоё,
 Розгоритце твоё да ретиво сердце,
 Ты захошь какъ купатисе да въ Пучай-рѣки.—
 Ужь ты перьву ту струёцку заплывай,
 Ужь ты другу-ту струёцку да заплывай.
 Ужь ты третей-то струёцки не плавай-ко,
 Ты послушай-ко матушкина наказаньица“.
 Какъ поѣхалъ Оксѣнышко да Микитицъ младъ,
 Онъ наѣхалъ въ цистомъ поли старого,
 Въ поли старого наѣхалъ да въ поли малого,
 Со коня соходилъ да низко кланелса,
 Не обижалъ понапрасну да не единого.
 Какъ рознѣжилось ёго да тѣло бѣлоё,
 Розгорѣлось ёго да ретиво сердце,
 Захотѣлъ онъ купатисе да въ Пучай-рѣки.
 Ужь онъ перьву-ту струёцку заплывалъ,
 Ужь онъ другую струёцку заплывалъ,
 Ужь онъ третью-ту струёцку заплывалъ,
 Не послушалъ онъ матушкина наказаньица.
 Да за третей-то струёцкой стоитъ великъ камень,
 Да на этомъ каменю лѣжить драгъ сукно,
 А на этомъ на сукни лѣжить зладѣнъ ремень.
 Заходилъ тутъ Оксѣнышко на великъ камень,
 Ужь онъ взялъ какъ во руки зладѣнъ ремень ¹⁾.
 Иише самъ онъ говорилъ да таковы рѣци:
 „Иише хто этимъ ремешкомъ цѣшитце,
 Иише мнѣ кабы теперецю въ глаза видать“.
 Сколыбаласе матушка да Пучай-рѣка,
 Выходила злодѣйка да зымѣя лютая:
 Ужь ты гой еси, Оксѣнышко да Микитицъ младъ!
 Какъ осмѣлилса зайти ты на мой великъ камень,
 Да моимъ ты гребешкомъ какъ цѣшишься?
 Я хошâ тебя, Оксѣнышко, да жива зглону,
 Я хошâ тебя, Оксѣнышко, на дно згружу,
 Я хошâ тебя, Оксѣнышко, да подъ хоботы,
 Унесу я тебя да къ малымъ дѣтоцкамъ,
 Да къ малымъ дѣтоцкамъ сънесу тебя на съиденьицо.—

1) „Ремень“ — вмѣсто „гребень“.

Говорилъ тутъ Оксѣнышко такovy рѣци:
 „Огледись-ко ты, злодѣйка змѣя лютая,
 Ишше-то на Москвы топерь дѣвитье?“
 Огледѣлась злодѣйка змѣя лютая,
 Какъ Оксѣнышко со камешка да унырнулъ,
 Ужь какъ масьтѣрь былъ ходить Оксѣнышко по-рыбному,
 Ишше масьтѣрь былъ нырять да по-звѣрному.
 Да крутѣхонько бѣжалъ Оксѣнышко гъ добру коню,
 Надѣвалъ на себя да платьецо нижное,
 Надѣвалъ на себя да платьецо верхное,
 Ишше всю на себя збрую богатырьскую,
 Какъ садилса Оксѣнышко на добра коня,
 Ужь онъ взялъ какъ во руки да саблю вострую,
 Тутъ скрычалъ какъ зычалъ да зысынымъ голосомъ:
 „Прошу милосоти, злодѣйка, со мной поотвѣдатце“.
 Налетѣла злодѣйка да змѣя лютая,—
 Отрубилъ у злодѣйки да буйныя головы ¹⁾.....

№ 4.

(Былина записана Б. А. Богословскимъ на Зимней берегу Благо моря, въ с. Нижней Зимней Золотицѣ отъ Г. Л. Крюкова).

Какъ не бѣлая берѣска она въ земли клонитце,
 Какъ не сырой дубъ да погибайтце,
 Какъ Добрынюшка Микитичъ въ ноги падаётъ,
 А просилъ-то своей-то родной матушки благословленьица:
 „Ушь ты гой еси, моя родна маменька,
 А какъ молода вдова Омельфа Тимоеевна!
 А ушь ты дай же мнѣ благословленьицо съѣздить во чисто полѣ,
 Ай во чисто полѣ съѣздить тольке на двѣнадцать лѣтъ,
 А да што мнѣ съѣздить по Святой земля
 Ай да што мнѣ съѣздить въ прокляту Литву“.
 Давала ёму благословленьицо да на двѣнадцать лѣтъ
 Ай какъ ѣхать во чисто поле,
 Говорила ёму родна матушка:
 —Ушь ты гой еси, да чядо милоѣ!
 Ты уѣдѣшь во чисто полѣ подальче,
 Ты уѣдѣшь въ прокляту Литву поганую,
 Уѣдѣшь ты да на дунай-рѣку —
 Какъ тамъ тибя да распекѣтъ да красно солнышко,
 Природзуютъ ты да вѣтры буйныя,—
 Не купайсе ты да во дунай-рѣки:
 А дунай рѣка весьма быстра,

1) Далѣе слѣдуютъ другіе эпизоды, которые и выпускаю.

Какъ вывалить тебя да на синѣ морѣ.—
 Да какъ тутъ поѣхалъ Добрыня на Почай-рѣку.
 Роспекло Добрынюшку красно солнышко,
 А роздули ёго вѣтры буйныя;
 А отъ того жару захотѣлось Добрыни закупатисе
 А во той ли во дунай-рѣки.
 Скинывалъ съ себя платьѣ цвѣтное,
 Какъ купалсе во дунай-рѣки.
 Отвалило Добрыню на перьвѣ струю;
 Нырнулъ какъ Добрыня во второй наконъ,
 Отвалило Добрыню на втору струю;
 Какъ нырнулъ Добрыня во третей наконъ,
 Отвалило Добрыню да на синѣ морѣ;
 А какъ началъ Добрыня плавати.
 А какъ съ тихъ-то горъ увидѣла змѣя-та лютая,
 Она съ тихъ же со Пещерь-горы;
 Налетѣла она на Добрынюшку Микитича,
 А сама она говорить да таковы рѣ(ч)ици:
 „Какъ ниси-ти писали—описалисе,
 А волхи-то волховали—проволховалисе:
 А да што сказали-ти, убьётъ меня Добрынюшка;
 А топерь Добрынюшка у меня въ кохтяхъ.
 А да хошь ли ты, Добрынюшка, я тебя огнѣмъ созагу,
 И хошь ли ты, Добрынюшка, водой залью,
 Ише хошь ли ты, Добрыня, схвачу во двѣнацеть большихъ хоботовъ—
 А какъ хошь ли то, Добрыня, унёсу ты ва Пещоръ-гору,
 Да какъ во свой всё высокъ теремъ
 А да ко своимъ-то малымъ дѣтоцькамъ тибя да на съвѣденьцѣ?“
 Говорилъ Добрыня таковы рѣци змѣи лютыя:
 — А да на воды человекъ взеть—вѣдь какъ мертвого!
 А дай ты мнѣ-ка выплыть на сыру землю,—
 Тогда мнѣ убей, хошь ты живьёмъ неси,
 Тогда, што хошь, то дѣлай-то.—
 Да какъ спустила змѣя Добрыню на сыру землю;
 Выплывалъ-то Добрыня на крутой-отъ жѣлтой песокъ,
 Какъ пошѣлъ-то Добрыня по матушки сырой земли.
 А какъ пѣту у Добрыни платьѣ цвѣтного,
 Ише нѣту ни доброго коня, лошади,
 Нѣту у ёго да сабли вострыя.
 Какъ по Божьей было милосѣсти,
 По Добрыниной-то было учесъти:
 Какъ лёжалъ то тутъ да сѣрой камешокъ.
 Какъ увидѣла съ Пещерь-горы змѣя лютая,
 А да хочѣтъ нести, схватить въ двѣнацеть большихъ хоботовъ.
 Схватилъ-то Добрыня этотъ сѣрой камешокъ,
 Какъ билъ-то онъ змѣю лютую по хоботамъ,

Отшибъ у ей-то вси двѣнадцать больши хоботы.
 Какъ падала змѣя да на сыру землю,
 Какъ у ней отшибъ вси буйны головы.
 А какъ змѣя всё взмолиласе:
 „Для моихъ то младыхъ дѣточѣкъ!
 Какъ да дамъ платьѣ чвѣтнѣй,
 Чвѣтно платьѣ богатырской,
 Отдамъ-то я свою паличу чяжолую,
 Отдамъ-то я тебѣ свою саблю вострую,
 Отдамъ вдосталѣ своего коня да Воронеюшка.
 Да приложь ты ко мнѣ вси двѣнадцать хоботовъ“.
 А да притянулъ, приложилъ двѣнадцать хоботовъ;
 И полегла змѣя на Пещерь-горы,
 А пошѣлъ-то Добрыня за змѣй за лютою.
 Какъ приходитъ тутъ Добрыня къ высокому ко терѣму,
 Какъ выходитъ тутъ змѣя всё изъ терѣма,
 Выносить Добрыни платьѣ чвѣтнѣй.
 Одѣвалсѣ, снаряжалсѣ Добрыня въ платьѣ чвѣтнѣй,
 А въ чвѣтнѣй платьѣ, богатырской;
 Отдала она своё платьѣ богатырской,
 Какъ одѣлъ-то Добрынюшка Микитичъ младъ;
 Выводила она коня, лошасть добрую,
 Да своего любимого да Воронеюшка,
 Говорила она ему коню доброму:
 „Ужъ ты конь, ты конь, да Воронеюшко!
 Какъ мнѣ служилъ, такъ и Добрынюшки служи“.
 Выносила она саблю вострую:
 А какъ взять Добрыня у ей саблю вострую,
 Отсѣкъ-то Добрыня у змѣи да буйну голову,
 Какъ зажѣгъ-то Добрыня змѣиниъ высокъ терѣмъ.
 Онъ скакалъ скорѣ да на добра коня,
 Какъ началъ добра коня постѣгивать
 Какъ той жа плѣточькой шоловою;
 Подымалъ его конь выше лѣса стоячого,
 Выше лѣса стоячого, ниже облака ходячого,
 А какъ скачѣтъ онъ съ горы на гору,
 А какъ рѣцѣйки, озѣры мелкі перескакивать.
 Какъ прѣхалъ ту Добрыня во свои села ¹⁾....

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Марковъ.

¹⁾ Далѣе слѣдуетъ разсказъ о пеудавшейся женитьбѣ Алѣши Поповича, мною выпускаемый.

У оренбургскихъ казаковъ.

Наши казачьи войска въ этнографическомъ отношеніи изучены вообще недостаточно. Къ оренбургскому казачьему войску это замѣчаніе относится болѣе, чѣмъ къ какому-либо иному ¹⁾. Объ этомъ самомъ молодомъ войскѣ обычно думаютъ, что, составившись изъ разношерстнаго сброда, оно еще не успѣло слиться въ однородную этнографическую массу.

По моему мнѣнію, самый процессъ сліянія въ одно цѣлое различныхъ этнографическихъ группъ еще интереснѣе для этнографа, нежели установившееся status quo. Разсуждал такъ, я и избралъ мѣстомъ для своихъ наблюденій сравнительно очень новый казачій поселокъ, во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ очень типичный для поселковъ оренбургскаго войска.

I. Географія, исторія и этнографическій составъ поселка.

Поселокъ Благословенный Оренбургской станицы, гдѣ я проведъ іюнь и часть іюля 1905 года, расположенъ на лѣвомъ берегу р. Урала (т.е. уже въ Азіи), на границѣ Оренбургскаго уѣзда съ Актюбинскимъ уѣздомъ Тургайской области, въ 18 верстахъ къ востоку отъ г. Оренбурга. Неподалеку отъ поселка

¹⁾ Этнографическая литература, относящаяся до Оренбургской губерніи и ея населенія вообще, указана Ип. Крашенинниковымъ въ „Этнограф. Обзор“. 1904 г. II, 139 прим. Списочекъ этотъ, по-скольку онъ касается литературы объ оренбургскихъ казакахъ, можетъ быть дополненъ развѣ только статьею „Правда объ оренбургскомъ казачьемъ войскѣ“ (Оренб. губ. Вѣд. 1863 г. №№ 10—11 и 20—21). Статья эта, подписанная авторомъ: „Оренбургскій казакъ“, полемическая; она направлена противъ статьи въ „Экономистъ“ 1862 г. I „Механическое Заведеніе... въ Оренбургъ“, но содержитъ немало общихъ свѣдѣній о войскѣ.

въ Уралѣ впала рѣка *Бердянка*, служащая границею Оренбургской губерніи и Тургайской области. Вода въ этой рѣчкѣ соленая. Дальше къ востоку еще рѣчка, лѣтомъ представляющая собою рядъ длинныхъ озеръ; эта рѣчка за свою соленую воду получила названіе *Солянка*. Здѣсь, къ востоку отъ „крѣпости“ (такъ сами казаки называютъ свои поселки), солончаковая степь принадлежитъ киргизамъ (I-й аулъ Актюбинскаго уѣзда; Табынскій родъ киргизъ). Во всѣхъ другихъ направленіяхъ отъ поселка степь на лѣвомъ берегу Урала принадлежитъ Благословенскимъ казакамъ, а на правомъ—казакамъ изъ гор. Оренбурга и поселка Нѣжинки.

По берегу Урала и въ перерѣзывающихъ степь оврагахъ растутъ крупныя деревья: осина, ветла, береза. По Бердянкѣ и Солянкѣ, а также по многочисленнымъ разсѣяннымъ въ изменной степи „бакалушкамъ“ (озеркамъ) въ изобилии растутъ разнаго рода кустарники, служащій казакамъ для топлива (хотя больше топятъ кизякомъ).

Поселокъ Благословенный, по выраженію мѣстныхъ казаковъ, „благословилъ“ генераль Семькинъ 80 лѣтъ тому назадъ. Это едвали не самый молодой поселокъ оренбургскаго войска, лежащій въ сторонѣ отъ казачьихъ линій. И теперь еще есть въ живыхъ казаки, прибывшіе въ поселокъ при самомъ его основаніи. Сообщенія этихъ лицъ, на глазахъ которыхъ протекла вся исторія „крѣпости“, и служатъ для меня единственнымъ источникомъ, когда я говорю объ исторіи поселка.

Первые обитатели Благословеннаго поселка представляли собою очень разношерстную массу. Тутъ были великоруссы и малороссы, а также отчасти мордва; казаки и „мужики“, т.-е. крестьяне, православные и старообръ. Одни, напр., казаки изъ гор. Самары („волжскіе казаки“) были переселены сюда правительствомъ, другихъ ссылали за преступленія, третьи шли добровольно: въ край, гдѣ „кисельные берега, калашныя горы“.

Поселившіеся въ Благословенкѣ хохлы были, по словамъ ихъ потомковъ, „изъ Черкасѣ“ (едвали не Черкасская станица Донской области) и, немногіе, изъ Харькова; въ числѣ этихъ послѣднихъ Арбузѣвы считаютъ себя потомками запорожскихъ казаковъ.

Казаки переселены сюда изъ гор. Самары (большая часть старообръ) и изъ Оренбургскаго же уѣзда, изъ-за Урала.

Крестьяне селились изъ Оренбургскаго уѣзда (главнымъ образомъ изъ села Дѣдова, Исаево тожъ), Бузулукскаго уѣзда Самарской губерніи, Тамбовской губерніи и нѣкоторыхъ другихъ (вѣроятно Тульской, о чемъ говорить фамилія *Венёвцевъ*: изъ гор. Венёва?).

На первыхъ порахъ, будто-бы, представители различныхъ этнографическихъ группъ не роднились между собою, а даже считали другъ друга, напримѣръ, хохловъ, „погаными“. Такъ продолжалось, однако же, не долго. Взаимныя родственныя связи повели вскорѣ къ полному смѣшенію, плодомъ чего образовались, по выраженію казаковъ, „переродки“. Въ настоящее время только немногіе старики сохранили еще свое хохлацкое произношеніе. Не такъ давно умеръ старикъ Веневцевъ, „совсѣмъ мужикъ“; послѣ него „мужиковъ“ уже не осталось „во всей крѣпости“.

Теперешнее населеніе поселка, если исключить очень немногихъ дряхлыхъ стариковъ, является въ этнографическомъ и діалектологическомъ отношеніи совершенно однороднымъ.

Прим. 1. Фамиліи благословенскихъ казаковъ: Колѣсниковъ, Сальниковъ, Тырсинъ, Кохановъ, Бобылёвъ, Поповъ, Скрѣпниковъ, Шеголёвъ, Лукьяновъ, Степановъ, Ереминъ, Тарасовъ.

Прим. 2. Попутно скажу объ этнографическомъ составѣ нѣкоторыхъ другихъ оренбургскихъ казачьихъ поселковъ, съ жителями которыхъ мнѣ приходилось сталкиваться.

Въ Нѣжинкѣ, на правомъ берегу р. Урала, на почтовомъ трактѣ въ гор. Орскъ, въ 18-ти же верстахъ отъ Оренбурга, кромѣ казаковъ-великоруссовъ (этнографически ничѣмъ не отличающихся отъ благословенскихъ казаковъ, съ которыми у нихъ очень часты и родственныя связи), живутъ казаки *нагайбаки*. Это мѣстное названіе татаръ, съ которымъ сравни киргизское *ногай*—„татаринъ“. Нагайбаки давно крещены въ православную вѣру, однако, родственныя связи ихъ съ русскими крайне рѣдки (роднятся они между собою, а также съ татарами изъ Оренбурга и Уила). Въ послѣднее время нагайбаки думаютъ возвратиться къ своей прежней, магометанской, вѣрѣ.—Среди русскихъ казаковъ въ Нѣжинкѣ немало старовѣровъ, которые, однако, выдаютъ своихъ дочерей замужъ и за православныхъ казаковъ.

Поселокъ Островкó, уже Орскаго уѣзда, населенъ сплошь

казаками-хохлами. Съ ними у благословенцевъ также имѣются родственныя связи.

Въ Донецкой станицѣ поселки Капитанскій, Мамалаевскій и нѣкоторые другіе населены сплошь казаками-мордвой. Это видный и рослый, красивый народъ; всѣ говорятъ по-русски (но за русскихъ себя не выдаютъ).

II. Служба. Общественная жизнь поселка.

Восемнадцатилѣтній казакъ принимаетъ присягу, съ какого времени и начинается, можно сказать, его служба. Сначала, впрочемъ, идетъ еще ученье: каждую зиму четыре семидневныхъ ученья, для чего молодой казакъ обязанъ явиться въ станицу на конѣ. Съ 20-ти лѣтъ казакъ проводитъ ежегодно одинъ лѣтній мѣсяцъ (май-іюнь) „на баракахъ“. На 22-мъ году онъ идетъ „на дѣйствительную службу“, гдѣ служить три года.

Женятся казаки всегда до службы, даже до „бараковъ“.

По возвращеніи со службы казакъ опять ежегодно проводитъ одинъ лѣтній мѣсяцъ на ученьи; для этого казаки сами выбрали наиболѣе свободное для нихъ время: съ 15 мая по 15 іюня. Зимой бывають смотры.

На службу казакъ обязанъ явиться въ своей обмундировкѣ. Полное обзаведеніе молодого казака (лошадь, форменная одежда, сѣдло и т. д.) стѣитъ 250 рублей. Кто побогаче, тотъ обзаводится на свой счетъ, бѣднымъ же помогаетъ обзаводиться оселковое управленіе. Въ Благословенкѣ ежегодно человѣкъ пять (изъ общаго числа 15: беру круглыя цифры) обзаводятся на общественныя средства.

Это—одинъ изъ главныхъ общественныхъ расходовъ.

Другіе расходы—на поселковое и станичное управленіе, на школу и учителя, на священника. Всего расходовъ до 4-хъ тыс. рублей въ годъ.

Поселковое управленіе состоитъ изъ атамана (въ станицахъ имѣется еще помощникъ атамана) и „представителей“. Всѣ они выбираются казаками изъ своей среды. Въ выборахъ участвуютъ всѣ казаки отъ 17 до 60 лѣтъ. На каждые 10 голосовъ выбирается „представитель“; такъ, въ Благословенкѣ 320 голосовъ

и 32 представителя. Последнимъ общественный приговоръ передаетъ всё полномочія.

Атамана выбираютъ на три года, съ жалованьемъ по 120 рублей въ годъ. Выборы стараго атамана на второе трехлѣтіе случаются крайне рѣдко. По словамъ казаковъ, на первыхъ порахъ своей службы атаманъ еще и ведетъ себя какъ слѣдуетъ, сообразуясь во всемъ съ мнѣніемъ представителей; но потомъ, особенно же подъ конецъ трехлѣтія, поступаетъ во всемъ по своему и больше всего пьянствуетъ. Обвиняютъ атамановъ (можно думать, что не безъ основаній) и въ утайкѣ общественныхъ денегъ.

Впрочемъ, права поселковаго управленія, напримѣръ, на счетъ сдачи въ аренду общественной земли, ограничены войсковомъ управленіемъ.

Для веденія писмоводства въ поселковомъ управленіи нанимается писарь, съ платою также 120 рублей годовыхъ.

Священнику платятъ 250 рублей въ годъ. Кромѣ того, священникъ пользуется общественнымъ домомъ, а псаломщикъ—общественною квартирою.

Главные *доходы* общества—отъ сдачи въ аренду общественной земли. Сдается до 100 десятинъ съ платою отъ 28 (новая земля) до 10 (выпаханная) рублей въ годъ за десятину. Кромѣ того, сдается выкошенная степь подъ выгонъ для „сибирскаго“ скота, пригоняемаго въ гор. Оренбургъ на ярмарку; сдается право рыбной ловли большими снастями въ р. Уралѣ и другихъ рѣчкахъ, и т. п.

При всемъ томъ, денегъ иной разъ не хватаетъ. Такъ, нерѣдко собираютъ по 1 р. 20 коп. съ вѣнца въ годъ на содержаніе священника.

Хозяйничаніе общественными суммами далеко не образцовое. Вотъ—характерный примѣръ. Поселковая школа помѣщается въ старомъ тѣспомъ зданіи, которое грозитъ развалиться. Давно уже имѣлось въ виду (главнымъ образомъ, подъ давленіемъ свыше) построить новое просторное зданіе. Накоплено было специально на этотъ предметъ 4 тыс. рублей. Три года тому назадъ купили камни и дѣсу, который и сложили на площади, на мѣстѣ будущей школы. Но вотъ, пользуясь зимними буранами и ночью темнотой, казаки и казачки сами же разворовали свой дѣсъ и

камень. Ничтожный остатокъ управленіе принуждено было продать, такъ какъ и ему грозила такая же участь. Между тѣмъ наставшіе неурожайные годы заставили израсходовать остатки школьнаго капитала на другія нужды. Въ результатѣ—для школы рѣшительно ничего не сдѣлано, а накопленныхъ нѣкогда денегъ нѣтъ и въ поминѣ...

Платять еще казаки, по ихъ словамъ, „губернскій земскій сборъ“, что-то по 40 коп. въ годъ, страховыя (отъ пожара), и только. Никакихъ податей казакъ не платить. Только натурой отбываетъ нѣкоторыя повинности какъ въ поселкѣ, такъ и въ станицѣ, на что и жалуется ужасно. Повинности эти: подводы, караулъ у пожарной, караулъ у запасныхъ магазиновъ и т. п. (Въ казачьихъ поселкахъ имѣются не только общественные запасные амбары для хлѣба, но и общественныя запасныя „карды“ для сѣна и соломы.)

На случай отѣзда казака ему дается билетъ только, будто бы, на одинъ мѣсяцъ. Свою землю казакъ можетъ продавать только на одинъ годъ.

III. Занятія.

Главное занятіе казаковъ (я опускаю казацкую военную службу, о чемъ см. гл. II)—*земледѣліе*. Ведется оно по системѣ еще болѣе первобытной и невыгодной, нежели обычная у нашихъ крестьянъ трехпольная система, а именно по системѣ *залежной*.

По словамъ благословенскихъ казаковъ, они впервые стали дѣлить свою землю только 6—7 лѣтъ тому назадъ. Прежде кто сколько могъ, тотъ столько и пахалъ: благо, земли много, а твердая степная земля требуетъ отъ воздѣлывающаго ее немалыхъ усилій и средствъ (нужно много воловъ или нѣсколько лошадей). Рѣшили раздѣлить землю съ тѣмъ, чтобы получать за нее, кто не въ состояніи самъ всю обрабатывать, арендную плату ¹⁾.

¹⁾ Однако, и нынѣ (лѣтомъ 1905 г.), воспользовавшись дождями, казаки стали косить безъ раздѣла; кто гдѣ вздумаетъ. Память о старыхъ порядкахъ, видимо еще свѣжа.

Теперь у благословенцевъ три поля; въ каждомъ на одного казака приходится по три десятины (деревенскія десятины: 100×40 саж.): двѣ дес. „твердой“ земли и одна—„мягкой“. Въ каждомъ полѣ сѣютъ по три года подъ-рядъ. Послѣ трехъ лѣтъ посѣва поле „отдыхаетъ“ въ теченіе шести лѣтъ. Это такъ назыв. *земеліа*, на которыхъ косить траву.—*Залежное сѣно*, какъ извѣстно, очень невысокаго качества.

Сѣютъ рожь, хотя она родится только „годомъ“, чаще же бываетъ очень плохая, яровую пшеницу просо и др. ¹⁾ Пашутъ сабаномъ, а изрѣдка и плугомъ, какъ на коняхъ, такъ и—чаще—на быкахъ. Жнутъ теперь многіе машинами (конными): побогаче купили свои „жнейки“, другіе взимаютъ у сосѣдей или же нѣмцевъ ближайшей колоніи.

Для раздѣла полей казаки нанимали землемѣра, который и раздѣлялъ всю землю на равныя части, проводя границы сабаномъ. Иначе поступаютъ казаки со своими лугами; ихъ дѣлятъ ежегодно (называется это: „пай дѣлить“), передъ самымъ покосомъ. Сначала дѣлятъ степь, потомъ „ближніе луга“ и, наконецъ, „дальние луга“.

Самый дѣлежъ происходитъ такимъ образомъ. Выбираютъ сначала участки съ лучшею травой и предлагаютъ ихъ „на охотника“. Участки эти берутъ обыкновенно въ складчину нѣсколько казаковъ (*геспонс. паевъ*), которые и дѣлятъ данный участокъ уже между собою. Когда такимъ образомъ лучшіе участки (въ нихъ зато приходится меньше пространства на пай) будутъ выбраны, оставшееся пространство луговъ съ одинаковою приблизительно травой дѣлятъ уже между оставшимися казаками поровну.

Дѣлежъ отнимаетъ обычно цѣлый день. Всего, такимъ образомъ, пропадаетъ въ лѣто на дѣлежи три рабочихъ дня (въ самое горячее время сельскихъ работъ).

Очень многіе казаки косятъ „косилками“ какъ своими, такъ и наемными, хотя косилка оставляетъ сравнительно очень высокую атаву, что невыгодно при низкой травѣ. Другіе косятъ „косами“ (литовками), тѣмъ болѣе что въ мѣстахъ неровныхъ

¹⁾ Хлѣбу здѣсь сильно вредятъ суслики, серьезной борьбы съ которыми не ведется.

и поросшихъ частыми кустарниками косить машиною нельзя. Косилки, впрочемъ, равно какъ и жнейки, появились здѣсь не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ.

Мѣстные женщины-казачки никогда не косятъ и даже, по словамъ ихъ, совсѣмъ не умѣютъ косить. Только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда больше некому работать, казачки ѣздятъ собирать (грести) сѣно.—Въ этомъ нужно видѣть наслѣдіе тѣхъ временъ, когда уѣзжать далеко отъ поселка было еще опасно отъ киргизъ.

Свѣжее сѣно, какъ только оно высохнетъ, казаки сейчасъ же везутъ продавать въ Оренбургъ. Въ іюнѣ нынѣшняго (1905) г. возъ лучшаго сѣна стоилъ $4\frac{1}{2}$ рубля (травы были вообще плохи). Для себя казаки оставляютъ сравнительно мало сѣна, и то—самое худшее.

Огороды у казаковъ нѣтъ. Картофель садятъ въ полѣ. Въ самое послѣднее время стали еще садить понемногу капусты на берегу р. Урала. Вообще же овощи покупаютъ у молочанъ. Отсутствіе огородовъ объясняется отсутствіемъ колодезь.

Скотины казаки держатъ вообще немало, но количество ея опредѣляется обыкновенно урожаемъ хлѣба и сѣна въ предшествующемъ году. Мѣстные лошади очень невзрачны и плохи. Коровы довольно молочныя: молоко и масло казачки берутъ продавать въ городъ, и это служитъ немалымъ подспорьемъ для казачкаго бюджета.

Изъ домашней *птицы* держатъ куръ, „курушекъ“ (индюшекъ), утокъ, гусей, но все въ незначительномъ количествѣ, только для себя, да еще развѣ для „дачниковъ“. Удивляются киргизамъ, которые-де не держатъ никакихъ птицъ.

Рыболовство не составляетъ серьезнаго занятія, хотя въ Уралѣ водятся крупные сомы, судакъ, головли, язи, жерехъ, елецъ, не говоря о щукахъ, окуняхъ и т. п. Для ловли крупными снастями общество сдаетъ принадлежащую ей половину р. Урала (другой берегъ рѣки принадлежитъ городскимъ казакамъ) и мелкія рѣчки и озера за 40 рублей въ годъ. Арендаторъ, мѣстный же казакъ, устраиваетъ „чисики“ (езы) черезъ рѣку, а также рыбачить неводомъ и на скудость рыбы не жалуется. Другіе казаки ловятъ иногда рыбу удочкой, да еще „мордами“ (вершами).

Изъ специально-мѣстныхъ занятій можно отмѣтить только вязанье казачками извѣстныхъ „оренбургскихъ платковъ“. Вяжутъ ихъ изъ козьяго пуха. Послѣдній покупаютъ у киргизъ (сами казаки козъ не держатъ): фунтъ нечесаннаго пуха стоитъ 60—70 коп., чесаннаго 1 рубль. Обыкновенно казачки чешутъ пухъ сами, т. наз. перепускалкой. Вяжутъ платки двумя длинными спицами, какъ чулки; вяжутъ, часто даже идя по улицѣ. Чисткою платковъ (тонкая работа, требующая умѣнья) занимаются монахини оренбургскаго монастыря. Казачки же обычно продаютъ нечищенные платки, продаютъ въ Оренбургѣ, который кишитъ скупщиками и перекупщиками этихъ платковъ. Цѣны очень различны, смотря по величинѣ; есть платки до десяти рублей и дороже.

Остановлюсь еще на приготовленіи *кизяка*, который служитъ здѣсь главнымъ топливомъ. (Помимо кизяка, топливомъ служатъ еще *талы*, т.-е. тальникъ, различный мелкій кустарникъ и камышъ; послѣдній для этой цѣли косятъ въ началѣ зимы по льду.)

„Гоняютъ кизякъ“ (т.-е. дѣлаютъ) всегда весною. Матеріаломъ служитъ коровій и лошадиный навозъ (киргизское *тезек*, откуда заимствовано наше слово, и значить „пометь“). Послѣдній вывозятъ зимою „въ степь“ около поселка, гдѣ обыкновенно дѣлаютъ кизякъ (пространство кругомъ поселка и извѣстно подъ именемъ *кизякй*). Сваленный здѣсь въ кучу, замерзшій на морозѣ, навозъ долженъ весною, подъ вліяніемъ получившейся отъ таянія его воды, „перегорѣть“.

Весною, когда наступитъ время „гонять“ кизякъ, перегорѣвшій навозъ разбрасываютъ по землѣ ровнымъ слоемъ толщиною съ полъ-аршина; льютъ на этотъ слой пѣсколько бочекъ воды и разминаютъ его, гоняя по нему лошадей (отсюда, кажется, и выраженіе: „гонять кизякъ“). Размятый такимъ образомъ навозъ „кладутъ въ станокъ“, т.-е. въ форму, представляющую собою четырехъ-угольный ящичекъ, утаптываютъ его здѣсь ногами и получившіеся кирпичики раскладываютъ рядами на землѣ. Просохшій кизякъ складываютъ сначала въ пирамидальныя „груды“ съ свободными мѣстами для вѣтра, а потомъ и въ „шкирдь“.

Тысяча кизяка стоить зимою въ Оренбургѣ до 6 рублей.

IV. Антропология.

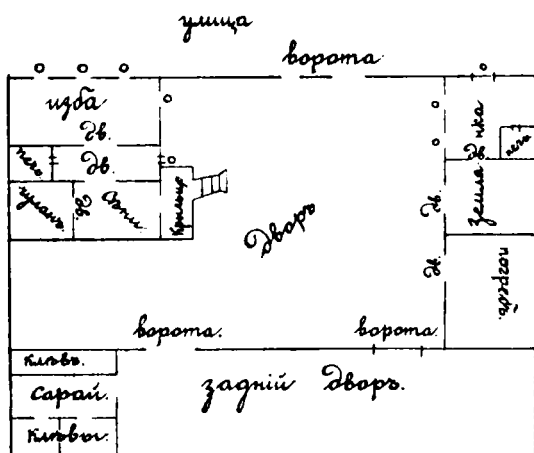
Антропологическими измѣреніями я не занимался; дать же общее описаніе мѣстныхъ антропологическихъ типовъ считаю невозможнымъ въ виду ихъ страшной пестроты. Ограничусь только указаніемъ, что высоту роста мѣстные казаки похвастаться никакъ не могутъ: народъ мелкій, 2 арш. 2—3 вершка—самый обычный ростъ. Уральскіе казаки („Разина порода“) изъ Сакмарской станицы представляются благословенцамъ едва не великанами.—Мѣстныхъ казачекъ нельзя назвать безобразными.

V. Жилище.

Казаки живутъ въ крошечныхъ дворахъ, величиною всего сажень 9—10 квадратныхъ. Ни огородовъ, ни телятниковъ около дворовъ нѣтъ. Участки усадебной земли остаются неогороженными прогалами между сосѣдними дворами.

Величинѣ двора соответствуетъ и количество построекъ. Ихъ обыкновенно не больше трехъ, включая въ это число и плетеные изъ прутьевъ „кѣлвы“. Главныхъ построекъ двѣ: изба и землянка; онѣ расположены въ тѣхъ углахъ двора, которые выходятъ на улицу.

Избы всѣ деревянные.—Каменныхъ зданій въ Благословенкѣ нѣтъ совсѣмъ, даже и церковь построена изъ дерева.—Многія

избы имѣютъ парадное крыльцо, выходящее прямо на улицу (на прилагаемомъ планѣ крыльцо ведетъ во дворъ). Въ избѣ обыкновенная русская печь, битая изъ глины. Часть избы, куда выходитъ устье печи, обыкновенно отдѣляется отъ прочаго пространства дощатою переборкою. Полати крайне рѣдки. Лавки часто устраиваются только въ той части избы, гдѣ печь. Прочее убранство избы (столы, стулья) ничѣмъ не отличается отъ городского.

Изъ избы дверь ведетъ въ *спни*, а оттуда одна дверь въ темный *чуланъ*, другая—на крыльцо. Пространство подъ сѣнями и крыльцомъ, гдѣ иногда держать куръ, называется *подмостъ*.

Избы у нѣкоторыхъ казаковъ снаружи выбѣлены глиной. У другихъ также выбѣлены и внутри; но гораздо чаще внутри обито шпалерами.

Описанныя избы служатъ для казаковъ только зимнимъ жилищемъ. Лѣтомъ онѣ стоятъ пустыя, съ закрытыми ставнями, или же сдаются „дачникама“ (кумысникамъ). Казакъ со своей семьей живетъ лѣто въ землянкѣ, которая расположена тутъ же, на дворѣ.

Землянки строятся изъ „воздушнаго кирпича“ (дѣлается изъ земли съ навозомъ). Поломъ въ нихъ служить голая земля. Крыты землянки большею частью соломой. Самая землянка состоитъ также изъ сѣней и избы. Въ послѣдней русская печь, лавки около стѣнъ, столъ въ углу подъ иконами. Въ сѣняхъ оконъ нѣтъ.

На вопросъ: что заставляетъ казаковъ перебираться лѣтомъ въ землянку?—старыя казачки мнѣ отвѣчали, что имъ не хочется грязнить избы: лѣтомъ мухи и все... Едва ли, конечно, это было единственною причиною. Однако, безспорно, что отмѣченный мотивъ играетъ свою роль: казачка избавляется на лѣто отъ работъ по чисткѣ дома, не жертвуя, однакоже, опрятностью. Имѣетъ, конечно, свое значеніе и доходъ отъ „дачниковъ“; однако, въ сосѣднихъ поселкахъ, гдѣ „дачниковъ“ почти не бываетъ, казаки живутъ лѣтомъ также въ землянкахъ.

У очень бѣдныхъ казаковъ избъ совсѣмъ нѣтъ, и они живутъ въ землянкахъ круглый годъ.

Рядомъ съ землянкою, часто составляя съ послѣднею одно цѣлое, погребъ. Тутъ, равно какъ и въ сѣняхъ землянки, хра-

чаются различныя хозяйственныя принадлежности и припасы; тутъ же яма со снѣгомъ для молока. У нѣкоторыхъ казаковъ половина погребя, ничѣмъ не отдѣленная отъ ирочаго помѣщенія, отводится подъ курятникъ.

Въ глубинѣ двора расположенъ отдѣленный загородкой „задній дворъ“. Здѣсь лежитъ кизякъ въ грудяхъ. У иныхъ, рѣдкихъ, хозяевъ здѣсь устроена *карда* или *карда* (загородка) для сѣна.— Въ Нѣжинкѣ и другихъ сосѣднихъ поселкахъ обведенныя глубокимъ ровомъ карды расположены группами въ степи около селенія.— У всѣхъ имѣется плетеный изъ виць *сарай*, раздѣленный на нѣсколько *кмысь*. На крышѣ этого сарая хранять сѣно, складывая его конусобразнымъ стогомъ.

Бани имѣются у немногихъ. Цѣлый околотокъ пользуется одною банею, построенною какимъ-нибудь богатымъ казакомъ. Баня представляетъ собою настоящую землянку, крыша которой едва возвышается надъ поверхностью земли. Печи въ баняхъ безъ трубъ, съ каменной.

Вотъ и все, очень несложное, хозяйство средняго казака. Колодцевъ нѣтъ: воду привозять въ бочкахъ („водовозка“) изъ р. Урала или носить оттуда же ведрами.

Клопы въ каждомъ домѣ (хотя хозяева часто и не замѣчаютъ ихъ присутствія; въ случаяхъ необходимости, чтобы спасти грудныхъ дѣтей отъ сѣденія клопами, „зыбки“ мажутъ варенымъ масломъ). Еще очень недавно чуть не во всѣхъ домахъ поселка водились въ изобиліи тараканы, но находчивый молоканинъ истребилъ ихъ, получивъ за то съ cadaго хозяина полбутылки водки.

VI. П и щ а.

Извѣстны два малороссійскихъ кушанья: галушки (шутка по поводу ихъ: „39 сѣлъ, на сороковой подавился“) и книші. Это одинъ изъ немногихъ памятниковъ того, что среди предковъ теперешнихъ благословенцевъ были и хохлы.

Чай—въ большомъ почетѣ у казаковъ. Самоваръ—непремѣнная принадлежность дома. Пьютъ чай дважды, а то и трижды въ день. На покосъ или на жатву казаки всегда берутъ съ собою большой жестяной чайникъ, въ которомъ и варять чай на „та-

гаркахъ“ (на деревянномъ треножникѣ). Былъ случай, когда отъ принесенной съ чайникомъ искры сгорѣлъ громадный „шкирдъ“ сѣна.

Другое любимое лакомство—„сѣмечки“, т. е. подсолнухи. „На сѣмечки“ просятъ и взрослыя дѣвицы, случайно оказавшія вамъ какую-нибудь услугу. Сѣмечками угощаютъ гостей. (Впрочемъ, на Оренбургской желѣзнодорожной вѣткѣ даже и вагоны 2-го класса, какъ мнѣ жаловались кондуктора, чуть не полны скорлупами отъ подсолнуховъ.)

Вообще же, здѣшнихъ казаковъ нельзя назвать ни особенно щедрыми на свою пищу, ни лакомыми. На вино, пожалуй, они щедры, но на пищу скупы. Въ данномъ случаѣ мѣстные казачки, почти всѣ онѣ изъ „мужичекъ“, сохранили въ неприкосновенности „мужицкія“ традиціи. Я стоялъ на квартирѣ у казака, семья котораго состоитъ изъ шести „ртовъ“ въ томъ числѣ трое—еще маленькія дѣти. Корова только одна, и при всемъ томъ казачка ухитрялась продавать молоко и масло не только во время поствова, но и въ мясоѣды. Молоко въ этой семьѣ, средней по своему состоянію,—рѣдкое лакомство.

Назову еще мѣстные съѣдобныя травы, служащія лакомствомъ для дѣтей: *чихуангъ*—ранній весенній цвѣтокъ, у котораго ѣдятъ корень-луковицу; *борши* или *боршовникъ*; *роюжа*—нижняя толстая часть молодого камыша (около гор. Бузулука ее называютъ: *чѣканъ*); *солѣико*; *шавель* (щавель).

VII. Одежда.

Мальчики съ ранняго дѣтства носятъ форменную казацкую фуражку съ синимъ околышемъ (какъ у студентовъ университета), иногда и съ кокардой, казацкой или „урядницкой“, смотря по званію отца. Рубашки носятъ большею частью синія, подъ цвѣтъ формы. Пояса у молодыхъ казаковъ широкіе, вышитые или строченые. Пиджакъ — самый обычный костюмъ. Распространена (малорусская?) привычка держать рубашку подъ шароварами. Мужское городское пальто казаки называютъ: „подкевка“.

У казачекъ обычны верхнія рубахи (съ становиною); кофты большею частью безъ талія, но всегда перетянутыя „фартукомъ“, который составляетъ здѣсь почти непремѣнную принадлежность женскаго костюма.

На ногахъ у казаковъ сапоги или *катанцы* (валенки), что нерѣдко и лѣтомъ. Немногіе носятъ высокія кожаныя калоши съ шерстяными чулками.

VIII. Дѣти и молодежь.

Рѣдко гдѣ, вѣроятно, матери такъ часто и такъ сильно ругаютъ своихъ дѣтей, какъ въ Благословенкѣ. Ругаютъ безъ угомону, на чемъ только свѣтъ стоитъ, часто бьютъ. Но толку мало. На глазахъ матери ребенокъ, правда, боится шагу ступить; за глазами же или просто на разстояніи, куда руки матери не достаютъ, нисколько не слушаютъ ея.

Подростки отъ 14 до 17 лѣтъ часто удивляютъ меня своею испорченностью, даже озвѣрѣлостью, которою они любятъ рисоваться. Самыя нецензурныя ругательства у такихъ лицъ на каждомъ словѣ, безъ всякаго повода.

Курить табакъ и пить водку начинаютъ съ раннихъ лѣтъ, сначала скрываясь отъ родителей. Угощаются въ складчину.

И опять-таки, по моимъ наблюденіямъ, дѣти воспитаніе въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ казачки—„мужички“ и еще сохраняютъ „мужицкія“ традиціи.

Игры мѣстныхъ дѣтей немногочисленны: это—въ кѣзны, въ лунки, въ мячикъ (= въ пристѣнки) и въ клюшки; спеціально дѣвичья игра: въ *каланцы*, какъ здѣсь называютъ лодыжки. Скольконибудь существенныхъ отличій, по сравненію съ другими великорусскими губерніями, въ ходѣ и терминологіи игръ нѣтъ. Стоитъ развѣ только отмѣтить эти воинственные термины: „*скрость строй*“—наказаніе проигравшаго ударами мяча и *нитка*—галечка, которую кладутъ въ лунку промахнувшася; по этимъ галечкамъ ведется счетъ промаховъ.

Пѣсни казаковъ-подростковъ, которыя они распѣваютъ подъ гармонику, ходя по улицамъ гурьбою, большею частью послѣ захода солнца, извѣстны подъ общимъ именемъ *матани*. „Матаню поютъ“. „Матаня“, это—частушки. Вотъ образцы ихъ:

Милка глазами моргнула
И глазами повела:
Догадайся, мой размілой:
Я другого завела!

или:

Что это за рѣченька:
Голыми купаются?
Что это за дѣвица:
Всѣ въ неё влюбляются?

Эту матаню, по словамъ одного казака, парни „сами выдумываютъ“. Есть и „долгія матани“. Матанѣ противопоставляютъ „протяжныя“ пѣсни, которыя поются исключительно дѣвицами.

Своего рода клубомъ, гдѣ сталкиваются и знакомятся молодые представители обоихъ половъ, является, такъ называемое, „передъ табунами“, т.-е ожиданіе по вечерамъ табуновъ скота. Ждутъ въ степи у запасныхъ общественныхъ магазиновъ, въ разстояніи полуверсты отъ села. Сюда приходитъ молодежь встрѣчать своихъ коровъ, чтобы проводить ихъ до дому. Приходятъ часто за часъ или даже раньше до появленія табуна. Здѣсь часто, особенно по праздникамъ, пѣсни и пляска.

Какъ только начнеть поспѣвать „смородика“ (смородина), дѣвицы устремляются гурьбами за нею. (Характерно, что веле-ныя, еще не поспѣвшія совсѣмъ ягоды рвутъ вмѣстѣ со слѣдыми.) По воскресеньямъ и праздникамъ вслѣдъ за дѣвицами идутъ и казаки, якобы тоже за ягодами, хотя безъ всякой посуды для ягодъ.

IX. Свадьба (по краткому разсказу казачки Катерины Степановой).

Женятся всегда до службы; когда мужъ уходитъ на службу, жена его часто живетъ, вмѣстѣ со своими дѣтьми, въ домѣ своего отца.

Невѣсту выбираетъ всегда самъ женихъ. Если отецъ почему-либо несогласенъ, то сынъ упрямится: „не буду жениться совсѣмъ“, и отецъ принужденъ бываетъ уступить.

Недѣли двѣ или три передъ свадьбою длится *дѣвишникъ*. Дѣвицы шьютъ у невѣсты, а вечеромъ собирается молодежь: поютъ пѣсни, пляшутъ, женихъ съ невѣстой играютъ въ карты.

Кладка, или *калымъ*, не бываетъ больше 25 рублей. Невѣста приноситъ съ собой только постель да одежду.

Въ день вѣнчанія женихъ съ поѣзжанами ѣдетъ сначала въ домъ невѣсты. Здѣсь ихъ всѣхъ садятъ за столъ; поѣзжанамъ подаютъ по три стакана водки, а молодые такъ сидятъ (они не ѣдятъ до вѣнца). Благословляютъ къ вѣнцу и ѣдутъ въ церковь. Невѣста ѣдетъ вмѣстѣ съ двумя свахами.

Родители жениха и невѣсты въ церковь ничуть не ѣдятъ. За вѣнчаніе священнику платятъ семь рублей, а съ „вѣнцами“, т. е. когда священникъ провожаетъ молодыхъ въ вѣнцахъ до дому и служить здѣсь молебень, десять рублей.

Послѣ вѣнца пируютъ у жениха. Отъ невѣстинныхъ родителей сначала посылаютъ въ домъ жениха младшаго брата невѣсты съ постелью и курицей, у которой крылья и ноги связываютъ платкомъ. Курицу эту передаютъ „поварухѣ“; предназначается она молодымъ на племя.

Потомъ пріѣзжаетъ невѣстина родня, и начинается „горной столъ“. Тутъ дарятъ „на сыръ“. Дружка подноситъ вина и приговариваетъ насчетъ подарковъ („нѣтъ ли теленочка“... и т. п.). Родные и дарятъ: кто бычка, кто телку, овечку, нѣкоторые—на платье, шаль, денегъ и т. п. Молодые (которымъ идутъ всѣ эти подарки) угощаютъ родню гостинцами (при чемъ собственно „сыра“ тутъ не бываетъ).

На другой день, когда „поднимутъ молодыхъ“, „отпускаютъ“ поваруху и дружку. Является опять невѣстина родня. Попировавъ, идутъ въ домъ невѣсты, а потомъ ходятъ по роднѣ, сначала по жениховой, а потомъ по невѣстиной.

Х. Религія.

Благословенскіе казаки всѣ православные, хотя прежде среди нихъ были и старовѣры. Теперь только одинъ 80-лѣтній старикъ Степановъ, родомъ изъ самарскихъ казаковъ, сохранилъ свою старую вѣру и состоитъ даже „попомъ“ какого-то старообрядческаго толка, у котораго есть моленная въ гор. Оренбургѣ. Нѣкоторые другіе казаки, будучи православными, крестятся, однакоже, по завѣту своихъ отцовъ, двуперстно.

Народъ здѣшній, вообще, нельзя назвать религіознымъ. О томъ краснорѣчиво говорить и крайне бѣдная мѣстная церковь, которая, при всей ея миниатюрности, никогда не бываетъ полна молящихся. Постовъ многіе казаки, особенно молодые, не исполняютъ. У дѣвушекъ-казачекъ есть игра, впрочемъ, очень безсодержательная—„свѣчки ставить“ или „Богу молиться“: роль свѣчей играютъ палки, которыя вколачиваютъ въ землю. Игра эта—пародія на богослуженіе.

Нѣкоторое ослабленіе религіозности, особенно вѣшной, можно приписать сосѣдству молокая (см. гл. XII, 3); вообще же тутъ сказывается тотъ своеобразный либерализмъ, которымъ проникнута вся жизнь казаковъ.

Духовенству живется очень плохо: ничтожное жалованье плата за требы только въ поселкѣ; „сборовъ“, въ родѣ „Петровскаго“, нѣтъ.

XI. Характеристика.

Въ мѣстныхъ казакахъ меня поразила прежде всего ихъ *непривѣтливость*, неласковость, что вообще такъ мало согласно съ характеромъ русскаго человѣка. „Ни привѣта, ни совѣта“. Въ теченіе мѣсячнаго своего пребыванія въ поселкѣ я ни разу не слышалъ отъ казаковъ слова „спасибо“ или какихъ-либо иныхъ выраженій благодарности, хотя поводовъ къ тому было немало. Суровость, чуждая добродушія, жалости и всякихъ другихъ нѣжныхъ чувствъ,—общая черта. Даже дѣвушки-казачки, насколько я могъ наблюдать, умѣютъ выразить свое чувство только дико-разгульнымъ мотивомъ пѣсни.

При первомъ поводѣ эта непривѣтливость переходитъ въ *грубость*, въ грубую насмѣшку, даже насиліе.

„Ничего святого; все дозволено“,—вотъ, кажется, жизненные принципы здѣшнихъ казаковъ, особенно молодежи.—„Хищные“ типы, съ вѣчнымъ, *жаднымъ* стремленіемъ захватить все, что только можно, преобладаютъ.

Сдерживающимъ началомъ является только *высокое мнѣніе казака о самомъ себѣ*. Эта, такъ сказать, самовлюбленность, столь необычная въ русскомъ человѣкѣ (но обычная представителямъ всѣхъ нашихъ казачьихъ войскъ), заставляетъ казака

нѣсколько прихорашиваться, казаться лучше, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ. Но тутъ является къ услугамъ ложь; я все время дивился *живости* казаковъ и казачекъ: первые, впрочемъ, еще говорить правду, когда они пьяны, послѣдніи же, кажется, никогда.

Эта именно *живость* мѣстныхъ казаковъ сдѣлала то, что я, при всемъ своемъ желаніи и при всѣхъ стараніяхъ, не могъ достать вѣрныхъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ чертахъ казачьей жизни, почему и умалчиваю о нихъ. Казакъ вообще выставляетъ себя, на словахъ, богатымъ ¹⁾, образованнымъ, трудолюбивымъ и т. п. Если ему указываешь на прорѣхи въ его хозяйствѣ, то онъ всегда сошлется на службу, отнимающую будто бы очень много времени, на недостатокъ солидарности между казаками и т. п.

На дѣлѣ же изъ рукъ вонъ плохое хозяйство казаковъ объясняется какимъ-то страннымъ *отсутствіемъ* у нихъ хозяйственности, *домовитости* и лѣнью. Все валится, все плохо, но заколотить какой-нибудь гвоздь, поправить кое-что казакъ не соберется. На работѣ же казаки поражали меня своею *лѣнью*. По моему мнѣнію, именно эта лѣнь и была главною причиною того, что казаки стали заводить машины.

Сказать и то, что если бы на мѣстѣ нашихъ казаковъ, съ обиліемъ у нихъ земли и съ отсутствіемъ податей, жили великорусскіе крестьяне, то они почитали бы себя счастливыми и жили бы прямо богатыми.

Ссылка на отсутствіе *солидарности* между казаками (этимъ также они объясняли мнѣ отсутствіе у нихъ огородовъ) также напрасная. По моимъ наблюденіямъ, солидарности у казаковъ вполне достаточно, даже, пожалуй, больше, чѣмъ у многихъ другихъ великоруссовъ. „Шабры“ (сосѣди) безпрестанно другъ у друга, бани общія.

„*Образованность*“, которою кичатся казаки, мнимал. До всеобщей грамотности очень и очень далеко. Очень многіе казаки (я уже не говорю о женщинахъ, среди которыхъ грамотныя—рѣдкость) не умѣютъ ни читать, ни писать. „Представитель“, одинъ изъ 32-хъ избранныхъ, могъ подписать только свою фамилію, затруднившись написать слова: „казакъ поселка Благословеннаго“. Суевѣрій немало. Моя квартирная хозяйка лѣчила лошадей

¹⁾ Исключая тѣхъ случаевъ, когда жалоба на бѣдность полезна.

отъ „селезня“, „мышекъ“ и другихъ болѣзней, лѣчила *нашептиваніями* на воду и соль, и кліенты у нея были. Упомянутый уже „представитель“ увѣрялъ меня, что „если съѣсть муравья, то силы больше будетъ“. На большое брюхо „накидываютъ горшки“. Лѣченіе травами очень распространено, при чемъ травы собираютъ для этой цѣли въ дѣнь „Ивана Травника“ (24 іюня) между заутреней и обѣдной. (Ни доктора, ни фельдшера въ селѣ нѣтъ.)

На мой вопросъ: почему казаки не сажаютъ около своихъ домовъ деревья? казачка отвѣтила: „старые люди не садили, и мы не садимъ“. Я возразилъ, что, вѣдь, старые люди не жали и не косили машинами, а вы жнете и косите. На это мнѣ казачка отвѣтила: „старые люди не косили и не жали машинами, такъ у нихъ все и родилось, а мы жнемъ и косимъ машинами, такъ *потому* у насъ ничего и не родится“.

Когда я, нанимая квартиру, предложилъ казачкѣ вымыть полъ въ домѣ съ сулемой, она наотрѣзъ отказалась: „мы никогда сулемой не мыли“¹⁾.

Хотя казакамъ открытъ свободный доступъ въ юнкерское училище и, черезъ него, въ офицера, но въ Благословенкѣ нѣтъ ни одного офицера и, кажется, никогда не было. Вообще же, такой офицеръ покидаетъ свой поселокъ, переселяется въ городъ и становится уже не „казакѣ“, а „баринѣ“.

Если что и можно назвать признакомъ образованности въ казакахъ, такъ это ихъ сравнительный „либерализмъ“. Казакъ относится терпимѣе обыкновеннаго русскаго крестьянина къ представителямъ другой вѣры: благословенцы, на примѣръ, дружатъ съ молоканами, женятся на старовѣркахъ. Казакъ менѣе щенетилень насчетъ поста и другихъ проявленій вѣшной святости. Онъ не считаетъ поганымъ „кумызъ“ (киргизскій кумысъ) и пьетъ его, если представится случай. Онъ легче разстается съ вавѣтами своихъ отцовъ: на примѣръ, заводитъ сельскохозяйственныя машины.

Сами же казаки считаютъ признаками своей образованности не это, а отсутствіе у нихъ „мужичкихъ“ чертъ: то обстоятель-

¹⁾ Два послѣднихъ случая, исключительныхъ и противорѣчащихъ общей характеристикѣ казаковъ (либераловъ: см. выше), нужно объяснить, вѣроятно, „мужичкими“ традиціями, въ данномъ случаѣ отрицательнаго свойства. Характерно и то, что здѣсь фигурируютъ женщины.

ство, что они не носятъ лаптей, не курятъ трубки и т. п., а также то, что они стоятъ ближе къ „барамъ“ (офиперамъ и др.).

Нельзя еще пройти молчаніемъ *свободы* здѣшнихъ *правовъ*. Объ этой свободѣ краснорѣчиво говорятъ, прежде всего, мазаныя дегтемъ ворота (извѣстный деревенскій обычай; чаще всего парни мстятъ такъ дѣвушкамъ, которыя до однихъ кавалеровъ добрѣе, нежели до другихъ). Въ поселкѣ нѣтъ, кажется, ни одного двора, гдѣ бы ворота не были вымазаны, при чемъ одни хозяева отмываютъ слѣды дегтя, другіе красятъ всѣ ворота въ черную краску, у третьихъ ворота такъ и стоятъ все время съ громадною черною кляксою посерединѣ.

У молодыхъ зятьевъ здѣсь существуетъ обычай бить стекла въ домъ своего тестя. Этимъ зять выражаетъ свое разочарованіе въ своей молодой женѣ.

Наконецъ, о томъ же говорить отсутствіе носовъ у нѣкоторыхъ казаковъ ¹⁾.

Каковы оренбургскіе казаки *на войнѣ*, я не наблюдалъ и не знаю. Могу только въ этомъ отношеніи привести краткую характеристику ихъ, сдѣланную П. О. Калитинимъ. Послѣдній участвовалъ въ Ахаль-Текинской экспедиціи 1888 г., которую сопровождали отряды уральскихъ казаковъ и оренбургскихъ. О послѣднихъ Калитинъ пишетъ: „Хотя они хорошіе служаки, но опытности и сноровки уральцевъ у нихъ нѣтъ, большинство изъ нихъ крестьяне-пахари, давно (?) переименованные въ казаки, имъ негдѣ было воспитать въ себѣ ту широкую самобытность, какою отличаются уральцы, и, кромѣ того, вся жизнь ихъ сложилась при совершенно другихъ условіяхъ. Молодые оренбургцы по неопытности очень часто теряютъ въ обозѣ свой ячмень, кошмы и другія мелочи, которыя уральцы подбираютъ и навьючиваютъ на свои вьюки“ („Русскій Вѣстникъ“ 1890, V, 105).

Въ походкѣ и вообще во внѣшнемъ видѣ благословенскихъ казаковъ я не вижу ничего воинственнаго, не вижу даже и военной выправки. Напротивъ: походка большею частью въ развалку, съ передергивающимися плечами... Правда, на лошади верхомъ казаки держатъ себя не плохо.

¹⁾ Я могъ бы привести и еще рядъ другихъ доказательствъ мѣстной легкости нравовъ, но сказаннаго, надѣюсь, достаточно.

Отношеніе казаковъ къ продолжающейся¹⁾ войнѣ вообще равнодушное, исключая, конечно, вопросъ о мобилизаціи ихъ полковъ. Какой-нибудь печали по случаю нашихъ пораженій не замѣтно.

Наслушавшись про нынѣшнюю войну отъ раненыхъ солдатъ, возвратившихся уже домой, здѣшніе казаки потеряли послѣднюю охоту идти на войну. По сравненію „съ войною на кошмѣ“, нынѣшняя война, когда „въ часъ можетъ погибнуть больше народа, чѣмъ прежде въ мѣсяцъ“ (слова казака), когда даже „не видно, гдѣ и откуда въ тебя стрѣляютъ“, кажется прямо адомъ. Желаніе одно: поскорѣ бы война окончилась.

Въ приведенной характеристикѣ я не сгущалъ красокъ и ничего не преувеличивалъ. Если же характеристика и вышла слишкомъ мрачною, такъ это не по моей волѣ.

Я склоненъ объяснять мрачныя черты казаковъ наслѣдственностью, подборомъ. Напомню, что нѣкогда „въ казаки“ ссылали преступниковъ. Это, конечно, самый печальный элементъ казачьяго войска. Но и другіе элементы немногимъ лучше—бездомовщина, бѣглецы. Оренбургское войско счастливо тѣмъ, что оно не такъ давно приняло въ себя, свѣжую струю крестьянскаго населенія. Въ семьяхъ, гдѣ „мужицкія традиціи“ еще сохранились, казаки, особенно дѣти, многимъ лучше. Вообще же, къ сожалѣнію, „мужицкій“ элементъ растворился въ массѣ казачества безъ существенныхъ слѣдовъ: онъ поторопился (сознательно) уподобиться во всемъ казакамъ, какъ болѣе „образованнымъ“.

XII. Сосѣди.

1) *Мужики*. Русскихъ крестьянъ казаки называютъ не иначе, какъ „мужики“. И въ тонѣ, которомъ произносится это слово, слышится нотка пренебреженія. На „мужика“ казакъ смотритъ, какъ на низшую породу; себя же самого онъ считаетъ „образованнымъ“, чѣмъ-то близкимъ къ „барину“.

Все „мужицкое“ считается казаками хуже казачкаго только потому, что оно „мужицкое“. Трубка—нѣчто мужицкое, и казакъ никогда не станетъ курить изъ трубки, а самъ вертитъ изъ бу-

¹⁾ Т. е. еще лѣтомъ 1905 года.

маги „цигарки“. Оцѣпъ для дѣтской колыбели—нѣчто мужицкое, и хотя онъ гораздо удобнѣе простой пѣпи или веревки, на что вѣшаютъ свои „зыбки“ казачки (при оцѣпѣ колыбель легко можно качать ногой, такъ что руки остаются свободными), но казачка никогда не повѣситъ въ своей избѣ оцѣпа: это „помужидки“.

Акающій говоръ—„мужицкій“; и хотя это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и „городской“ говоръ: такъ говорятъ городскіе мѣщане, однако, казакъ не будетъ говорить на *а*, а будетъ говорить по-своему: на *о*. „Казакі изъ города Оренбурга,—передавалъ мнѣ благословенецъ,—говорили-де прежде по-казацки, а теперь стали по-городскому, на *а*“. И въ этихъ словахъ благословенскаго казака слышался явный укоръ по адресу казака городского.

Такой взглядъ на „мужиковъ“, конечно, много способствовалъ тому, что перечисленные не такъ давно въ казаки крестьяне поторопились во всемъ уподобиться казакамъ. О сохранившихся „мужицкихъ“ традиціяхъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ, см. въ главахъ VIII и XI.

2) *Хохлы* (исключая, правда, казаковъ „изъ хохловъ“) — тоже „мужики“, но они, сверхъ того, еще „хохлы“. Это „самый поганый народъ“; поганый въ смыслѣ: грязный, нечистоплотный.—Казакі, нужно имъ отдать справедливость, нѣсколько опрятнѣе большей части нашихъ крестьянъ; вѣрнѣе, они любятъ опрятность и хвалятъ ее, но сами для достиженія ея дѣлаютъ мало.

3) *Молокане*. Девять лѣтъ тому назадъ на рѣчкѣ Бердянкѣ, въ верстѣ отъ поселка Благословеннаго, поселилось шесть семей „молоканъ“. Они сняли у казаковъ десять десятинъ земли вдоль по рѣчкѣ, сначала на три года, потомъ еще на шесть, построили здѣсь свои землянки и завели огороды. Садятъ лукъ, картофель, огурцы, капусту, арбузы и дыни. Для орошенія своихъ огородовъ они перерѣзали рѣчку плотиною и устроили длинную канаву, по которой провели воду изъ пруда. Овощи они продаютъ въ Оренбургѣ, а отчасти и въ Благословенкѣ. По зимамъ живутъ на квартирахъ также въ городѣ и въ Благословенкѣ. Впрочемъ, одинъ молоканинъ уже построилъ большой деревянный домъ.

Эти „молокане“—крестьяне Балашовскаго уѣзда Саратовской губ. Изъ своего общества, впрочемъ, они „выключились“. Въ те-

ченіе 24-хъ лѣтъ арендовали землю у одного офицера въ Оренбургскомъ уѣздѣ, гдѣ также занимались огородничествомъ. Въ виду повышенія арендной платы должны были покинуть насиженное мѣсто и переселились въ Благословенкѣ.

Живутъ они вообще зажиточно; занимаются разными ремеслами и торговлей. Казаковъ они прекрасно раскусили: лъстя ихъ „образованности“ и спаивая виномъ, довели арендную плату до 10 рублей въ годъ съ десятины. Сказать и то, что казаки вообще нуждаются въ услугахъ молоканъ: они покупаютъ у послѣднихъ овощи, а также колеса, ободья и т. п.

Названіе „молокане“ они получили за свою вѣру ¹⁾, которую нисколько не скрываютъ. „Мы—субботники,—говорилъ мнѣ молоканинъ,—а пишемся: іудействующіе; вѣра наша—іудейская вѣра“. Новаго завѣта они не признаютъ, дѣтей обрѣзываютъ на восьмой день отъ рожденія, празднуютъ субботу (почему и называютъ себя „субботниками“). Богослуженіе у нихъ ничѣмъ не отличается отъ еврейскаго и состоитъ въ чтеніи священныхъ книгъ ветхаго завѣта. Книги эти у нихъ на двухъ языкахъ: еврейскомъ и русскомъ. Нѣкоторые изъ нихъ понимаютъ, какъ кажется, немного и по-еврейски; по крайней мѣрѣ, они хвалятся знаніемъ еврейскаго языка, но я этому плохо вѣрю.

Казаки говорили мнѣ о легкости нравовъ у молоканъ: „съ чужими женами живутъ, да нашего атамана повадили“... Не знаю, насколько все это правда. Роднятся они только между собою, хотя ихъ всего шесть семей.

Дѣти учатся по зимамъ въ благословенской школѣ, съ платою за ученіе по три рубля въ годъ.

То обстоятельство, что многія казачки въ Благословенкѣ работаютъ по воскресеньямъ такъ же, какъ въ будни, я объясняю вліяніемъ со стороны молоканъ.

Бывалые казаки знаютъ еще *молоканъ воскресскихъ*, т. е. празднующихъ не субботу (субботники), а воскресенье. Живутъ они около города Оренбурга и въ самомъ городѣ. Кромѣ ветхаго завѣта, признаютъ также четыре евангелія, но не признаютъ посланій апостольскихъ. Церквы, по ихъ мнѣнію, не нужны, такъ какъ „еще двое или трое собрани во имя Мое, ту

1) За несоблюденіе ими постовъ (всегда ѣдятъ молоко).

есмы посредѣ ихъ“. Иконъ также не почитаютъ. Богослуженіе состоитъ въ томъ, что они все собираются съ книгами въ рукахъ: наставникъ читаетъ, а они поютъ заключительный стихъ, напр.: „Исусе Сыне Божій, помилуй насъ!“

4) *Нѣмцы*. Верстахъ въ 18-ти отъ Благословенки—нѣмецкая колонія. Въ горячее время лѣтнихъ работъ, покончивъ съ своими дѣлами, нѣмцы пріѣзжаютъ къ казакамъ со своими машинами и начинаютъ жать. У нихъ-то, вѣроятно, впервые увидѣли благословенцы работу сельскохозяйственными машинами. (Впрочемъ, въ Оренбургѣ есть частные склады земледѣльческихъ орудій).

Казакъ удивляются чистотѣ нѣмцевъ: „Всегда-де одѣты чисто, хотя работаетъ ту же самую черную работу, что и мы. У него всегда чистый пиджакъ; не знаемъ, какъ это и дѣлаютъ они“...

5) *Киргизы*, по мѣстному „киргизцы“ или „ординцы“, „орда“ (а одинъ человекъ—„киргизинъ“). Для борьбы съ киргизами было образовано Оренбургское казачье войско. И благословенскіе казаки первое время служили на кордонахъ; неподалеку отъ поселка и теперь видны слѣды бывшихъ тутъ укрѣпленій: валовъ и насыпей. Киргизы въ то время уже не беспокоили русскихъ, но продолжали дѣлать разбойничьи набѣги на своихъ сородичей. Впрочемъ, если попадались подъ руку русскіе, то и ихъ забирали въ плѣнъ; не такъ давно умеръ въ Благословенкѣ старшій казакъ, захваченный киргизами въ лѣсу и бѣжавшій послѣ десятилѣтняго пребыванія въ плѣну.

Борьба съ киргизами не представляла никакихъ трудностей. И даже сами теперешніе казаки, не отличающіеся, на мое впечатлѣніе, воинственностью, смѣются надъ своими дѣдами и, въ частности, надъ ихъ вооруженіемъ, которое состояло въ первобытномъ кремневомъ ружьѣ: станеть-де насыпать порохъ на полку, а его и сдунеть вѣтромъ... Сосѣди же нашихъ казаковъ—оренбургскіе мѣщане и уральцы зло смѣются надъ Оренбургскимъ войскомъ, называя его „кошомнымъ войскомъ“: „семь лѣтъ съ кошмой (вариантъ: на кошмѣ) воевали, а ни одной блохи не пымали“. Подъ кошмой здѣсь имѣется, конечно, въ виду войлочная киргизская кибитка.

Какъ бы то ни было, но борьба съ мирными киргизами не выработала въ нашихъ казакахъ ни воинственности, ни храбрости, а развѣ только способствовала развитію въ нихъ выносли-

ности. Страсти, однакоже, разыгрывались не на шутку. По рассказамъ стариковъ, уже послѣ того какъ „орда замирилась“, казаки дрались съ киргизами всякій разъ, какъ только гдѣ-нибудь встрѣчались съ ними...

Теперь ничего подобнаго нѣтъ. Отношенія казаковъ къ киргизамъ мирныя, даже, пожалуй, дружественныя, хотя и не безъ высокомерія. Казаки считаютъ киргизъ лукавыми, въ чемъ, кажется, и правы. Впрочемъ, точекъ соприкосновенія между казаками и киргизами весьма немного.

Вліянію, а точнѣе—примѣру казаковъ нужно приписать появленію у киргизъ въ послѣднее десятилѣтіе сельскохозяйственныхъ машинъ: косилокъ, жнеекъ. Сѣютъ киргизы больше всего проса, зимой сохраняя его въ нарочно вырытыхъ для того около зимовокъ ямахъ. Пашутъ на верблюдахъ, быкахъ и лошадяхъ. Зимой живутъ въ землянкахъ, сдѣланныхъ изъ дерна, а лѣтомъ кочуютъ въ войлочныхъ кибиткахъ.

Въ свою очередь, и казаки кое-чѣмъ позаимствовались отъ киргизъ. О томъ говоритъ рядъ киргизскихъ словъ въ мѣстномъ казацкомъ нарѣчій. Во многихъ случаяхъ, впрочемъ, можно сомнѣваться въ томъ, что данное слово заимствовано дѣйствительно отъ киргизъ уже въ Оренбургскомъ краѣ: оно могло быть заимствованнымъ также отъ башкиръ.

Безспорно, отъ киргизъ взято названіе мелкаго кустарника *караганъ*; киргизы такъ называютъ чилигу, а казаки—мелкій кустарникъ вообще. Киргизское же слово *куга*—камышъ—употребляется теперь только стариками. Ослиа казаки называютъ: *мишкэ*, ворону исключительно: *карга* (слово *ворона* совсѣмъ неизвѣстно). Но эти тюркскія слова могли быть заимствованы прежде, равно какъ и тюркское же *айда* „иди“. *Челькэ*—„деревянное ведро“ и *карда* или *гарда*—„загородка для сѣна“; заимствованіе этихъ словъ говорило бы уже о культурномъ вліяніи киргизъ на казаковъ, но и эти слова, особенно же послѣднее, могли быть заимствованы въ болѣе раннее время. *Кумызъ*, *кумызъ*—такое произношеніе говоритъ также о киргизскомъ вліяніи, въ данномъ случаѣ, впрочемъ, вполне естественномъ. „Кумызомъ“ казаки не брезгаютъ, а охотно пьютъ его, если только случится выпить бесплатно.

Дм. Зеленинъ.

Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ.

Въ моемъ изслѣдованіи объ отголоскахъ Смутаго времени въ былинахъ мнѣ пришлось по поводу былинныхъ именъ матери Подсокольника (сына Ильи Муромца) снова коснуться названнаго въ заглавіи сюжета и указать нѣкоторые слѣды Смутаго времени, отложившіеся въ отдѣльныхъ вариантахъ его былинной обработки. Пересмотръ прежнихъ и недавно изданныхъ новыхъ вариантовъ былинъ о боѣ Ильи съ сыномъ даетъ мнѣ поводъ снова вернуться къ этому былинному сюжету, которому за послѣдніе годы была посвящена интересная статья А. В. Маркова (въ 1900 г.) въ нашемъ журналѣ ¹⁾. Подвергнувъ обстоятельному анализу историко-бытовья черты этой былины, авторъ въ концѣ изслѣдованія приходитъ къ заключенію, что она сложилась въ Полоцкой области въ первой половинѣ XIII-го вѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что такой выводъ, если онъ вытекаетъ изъ вполне убѣдительныхъ посылокъ могъ бы внести важный фактъ въ хронологію нашего былиннаго эпоса, которая до сихъ поръ для большинства сюжетовъ представляетъ нѣчто неопредѣленное и расплывчатое. Поэтому выводъ, къ которому пришелъ А. В. Марковъ, долженъ быть повергнутъ тщательному разсмотрѣнію.

Указавъ на то, что изслѣдователи былины о боѣ Ильи съ сыномъ останавливались преимущественно на ея сюжетѣ и почти не затрогивали вопроса о національной переработкѣ его, иначе сказать, вопроса о мѣстѣ и времени сложенія былины ²⁾,

¹⁾ „Къ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ“. Этнографическое Обзоріе, кн. XLVI, стр. 73—96.

²⁾ Назван. статья, стр. 74.

А. В. Марковъ сначала останавливается на упоминаніи *заставы*, восходящемъ къ первоначальной редакціи былины, и, на основаніи нѣкоторыхъ историческихъ справокъ, констатируетъ, что слово *застава* употреблялось преимущественно по отношенію къ отрядамъ, помѣщавшимся на литовской границѣ для защиты русскихъ областей ¹⁾; гораздо рѣже встрѣчается, по словамъ А. В. Маркова, упоминаніе пограничныхъ заставъ для защиты Московскаго государства отъ татарскихъ набѣговъ ²⁾. Конечно, эти историческія справки не даютъ ничего для времени и мѣста сложенія былины (да авторъ еще не выводитъ никакихъ заключеній). Въ былинѣ *застава* могла быть и литовская и татарская, а по времени относится къ цѣлому ряду столѣтій, не исключая даже XVII-го. Поэтому авторъ старается далѣе на основаніи разбора вариантовъ установить точнѣе, гдѣ былины помѣщаютъ богатырскую заставу, и, придавая особенное значеніе тремъ пересказамъ у Гильфердинга ³⁾, помѣщающимъ заставу „на Латынской дорогѣ“, приходитъ къ выводу, что это упоминаніе „отводитъ насъ въ западно-русскія области“ ⁴⁾, хотя „болѣе точныхъ указаній можно ожидать, если мы узнаемъ національность противника Ильи Муромца“, къ чему и переходитъ авторъ на дальнѣйшихъ страницахъ. Прежде, чѣмъ послѣдовать за авторомъ далѣе, спросимъ себя, имѣетъ ли онъ достаточное основаніе придавать особое значеніе вариантамъ съ „латынской дорогой“. Изъ трехъ названныхъ г. Марковымъ кенозерскихъ вариантовъ ни одинъ не относится къ числу лучшихъ и не производитъ впечатлѣнія близости къ обычной эпической традиціи. Въ одномъ, относительно лучшемъ (№ 246), богатыри выѣзжаютъ на заставу, на латынскую дорогу изъ города Волынца-Галича, изъ котораго обычно выѣзжаетъ въ нашемъ эпосѣ Дюкъ, а никакъ не Илья Муромецъ. Въмѣсто третьяго богатыря на заставѣ (Алеши Поповича) въ этомъ вариантѣ является Никита Романовичъ, а нахвальщикъ, сынъ Ильи, носитъ необычное имя Аполлонища. При томъ сказитель (Костинъ) не упомянулъ окончанія былины — попытки сына убить отца и ея

1) Стр. 76.

2) Тамъ же.

3) №№ 246, 250 и 26 .

4) Назв. статья стр. 78.

обычныхъ послѣдствій, — а кончилъ разсказъ тѣмъ, что Илья признаетъ сына и посылаетъ съ нимъ поклонъ его матери.

Второй вариантъ съ латынской дорогой (№ 250) еще меньше внушаетъ довѣрія: въ немъ второй богатырь на заставѣ — Добрыня Никитичъ — замѣненъ Никитой Романовичемъ; богатырь нахвальщикъ не осиливаетъ временно Илья, какъ въ большинствѣ другихъ вариантовъ, а подмятъ имъ и послѣ троекратнаго вопроса называетъ себя Алешей Дородовичемъ. При этомъ онъ вовсе не оказывается сыномъ Илья, а просто наѣзжимъ богатыремъ, съ которымъ затѣмъ Илья братается, чѣмъ и кончается былина. Наконецъ, 3-й вариантъ (№ 265), носящій у Гильфердинга заглавіе „Святогоръ“, представляетъ еще болѣе отклоненій отъ обычной традиціи: На латынской дорогѣ оказывается не одна, а семь богатырскихъ заставъ, съ однимъ богатыремъ на каждой. О неопредѣленномъ положеніи латынской дороги можно судить по тому, что встрѣча Добрыни съ нахвальщикомъ происходитъ за двадцать верстъ до Кіева, а Илья за 15 верстъ.

Въ совершенномъ противорѣчій съ традиціей, боя между наѣзжимъ богатыремъ — Петромъ Царевичемъ — и Ильей вовсе нѣтъ. Илья признаетъ въ немъ крестнаго сына и отпускаетъ съ Богомъ, а самъ ѣдетъ дальше, встрѣчаетъ Святогора, попадаетъ къ нему въ карманъ, а затѣмъ, вынутый изъ кармана, ѣдетъ по приглашенію Святогора на Святая горы, чтобы присутствовать при кончинѣ послѣдняго и воздвигнуть на его могилѣ „чуденъ крестъ“.

Изъ разсмотрѣнія этихъ убогихъ вариантовъ становится яснымъ, что латынской дорогѣ, пролегающей то по пути изъ Волынца-Галича, то по пути въ Кіевъ, нельзя придавать географическаго значенія, какъ нельзя усматривать такового въ положеніи камня Латыря, съ которымъ эта Латынская дорога иногда какъ-то связана. Такъ, въ былинѣ Гильфердинга (№ 271) вмѣсто Латыря упомянутъ Латынь камень гдѣ-то на „розстаняхъ Черниговскихъ“, а въ былинѣ Рыбникова (IV, 3 = Гильд. № 171) замѣняющій Латыря Сѣрь-валюцъ камень снабженъ *латынскою* надписью и, отъѣзжая отъ него въ ту розстань, гдѣ убиту быть, Илья Муромецъ „проѣхалъ Корелу проклятую, не доѣхалъ до Индіи богатыя“. Словомъ, никакихъ опредѣленныхъ выводовъ о положеніи латынской дороги сдѣлать нельзя, и нѣтъ доста-

точно данныхъ для предположенія, что въ первичной редакціи нашей былины богатырская застава помѣщалась на этой дорогѣ. Если уже считать возможнымъ изъ сопоставленія всѣхъ вариантовъ возстановить зачинъ былины (что вслѣдствіе особыхъ условий для *зачиновъ* сопряжено съ особыми затрудненіями), то, слѣдуя показанію большинства записей былины, можно скорѣе думать, что въ основной редакціи богатырская застава помѣщалась гдѣ-то близъ Кіева, обычнаго центра наѣздовъ разныхъ враговъ Руси ¹⁾. А. В. Марковъ считаетъ это помѣщеніе заставы „слишкомъ эпическимъ“ ²⁾, т.-е. не дающимъ никакихъ географическихъ указаній, но такихъ указаній, какъ мы видѣли, не даетъ и латынская дорога, и намъ остается только примириться съ фактомъ, внесеннымъ въ большинство былинъ, хотя бы онъ былъ безплоденъ для какихъ бы то ни было „бытовыхъ“ выводовъ, и предположить, что слагатель, впервые обработавшій сюжетъ о боѣ отца съ сыномъ въ былинѣ, взялъ для зачина шаблонное эпическое указаніе мѣста заставы, помѣстивъ ее гдѣ-то близъ Кіева.

Въ связи съ „латынской дорогой“ А. В. Марковъ ищетъ болѣе точныхъ указаній національности сына Ильи Муромца и задаетъ вопросъ, какой національности была та иностранка, отъ связи которой съ Ильей родился сынъ, впоследствии противникъ своему отцу ³⁾. Исходя изъ встрѣчающагося, въ большинствѣ вариантовъ, имени бабы-Латыгорки, А. В. Марковъ, вслѣдъ за акад. А. И. Соболевскимъ ⁴⁾, склоненъ въ этомъ прозвищѣ видѣть этническое указаніе. Одно изъ племенъ, перечисленныхъ начальнымъ лѣтописнымъ сводомъ, Лѣтьгола (теперь Латыши) въ лѣто-

¹⁾ См. Гильфердингъ, № 2; Кирѣвскій, IV, стр. 12; Рыбниковъ, I, 13, II, 64; Кирѣвскій, VII приложение (1—7); Опчуховъ, № 1; въ былинѣ Рыбникова, I, 12 застава названа *московской*, но нахвалящійся угрожаетъ князю Владимиру, безсмысленно сидящему въ Кіевѣ; въ былинѣ Кирѣвскаго, I, 7, застава у сына-моря, но тутъ же упоминается Днѣпръ; въ былинѣ Кирши Давилова (Кирѣв., I, 3, 14) Илья съ Добрыней выѣзжаетъ изъ Кіева на Савать-рѣку или Черегу; въ былинахъ Гильфердинга № 219 и № 226 оба выѣзжаютъ отсюда же на Фаворъ; въ былинахъ Григорьева №№ 308, 320 богатыри живутъ въ шатрѣ на горахъ, но *стерегутъ* Кіевъ.

²⁾ Названная статья, стр. 77.

³⁾ Тамъ же, стр. 79.

⁴⁾ Живая Старина, 1890, вып. II, стр. 105.

писныхъ извѣстіяхъ, относящихся къ XIII в. и къ первой половинѣ XIV, носить названіе Лотыголы, Лѣтыголы, а также (въ первой Псковской лѣтописи подъ годами 1228 и 1341) Латыгоры, Лотыгори. При такомъ совпаденіи названій—эпического и этническаго—г. Марковъ видитъ въ матери Подсокольника, бабѣ Латыгоркѣ, латышку. Другая форма имени той же личности—Семигорка—также оказывается искаженнымъ названіемъ одного изъ литовскихъ племенъ—Зимиголы (Зимголы, Зимѣголы), упоминаемаго два раза начальной лѣтописью при перечисленіи племенъ, а затѣмъ, въ послѣдній разъ подъ 1106 годомъ. Въ западныхъ источникахъ, говоритъ А. В. Марковъ, на ряду съ формами, въ которыхъ звучитъ Z, мы находимъ и формы съ S: въ латинскихъ хроникахъ и актахъ, относящихся къ XIII—XIV вв., постояннымъ написаніемъ является *Semigallia, terra Sengalle, Semigalei, Semigalliensis* ¹⁾. Какъ Лѣтыгола начальной лѣтописи впоследствии звучала какъ Лотыголы, Латыгора,—такъ и Зимигола могла называться Семиголой, что могло быть осмыслено въ „Семигору“. Объясняя такимъ образомъ имя „бабы“ былины, авторъ исходитъ изъ предположенія, что въ основномъ изводѣ она называлась Латыгоркой-Семигоркой, при чемъ слагатель былины смѣшивалъ эти два литовскія племени, къ чему былъ поводъ, какъ въ ихъ сосѣдствѣ между собой, такъ и въ созвучіи названій. Изъ этническихъ названій матери Подсокольника авторъ дѣлаетъ затѣмъ тотъ выводъ, что основная былина возникла въ Полоцкой области, гдѣ и Латыгола и Зимигола были хорошо извѣстны ²⁾. Время возникновенія былины опредѣляется тѣмъ, что въ XV—XVI вв. названіе Латыголы, такъ часто попадающееся въ лѣтописяхъ XIII вѣка, совершенно исчезаетъ. Такимъ образомъ названіе бабы-латыгорки указываетъ скорѣе всего на XIII вѣкъ ³⁾. Этими выводами своимъ А. В. Марковъ нашелъ подтвержденіе въ статьѣ академика А. Н. Веселовскаго („Уголокъ русскаго эпоса въ сагѣ о Тидрекѣ-Бернскомъ“ ⁴⁾), который въ такъ назыв. „русскомъ“ эпизодѣ саги видитъ отра-

1) Тамъ же, стр. 81.

2) Стр. 51.

3) Стр. 90.

4) Ж. М. Н. Пр. 1896, № 8.

женіе полоцкихъ историческихъ отношеній начала XIII вѣка. Упоминаемый сагой Вольдемаръ, владѣтель Holmgard'a, Полоцка и Смоленска—не кто иной, какъ полоцкій князь Владиміръ, жившій въ послѣдней четверти XII-го вѣка и умершій въ 1215 (1216) году. Его братъ (отъ другой матери) по сагѣ Pias, въ которомъ давно видѣли Илью Муромца, въ одномъ спискѣ саги называется „яромъ изъ города Герсеке (af Gerseke-borg), родичемъ Владиміра конунга“. Это—конечно, городъ Герцикъ, лежавшій на правомъ берегу Западной Двины, на 52 версты ниже Динабурга ¹⁾. Такимъ образомъ, выводы, къ которымъ пришелъ академикъ А. Н. Веселовскій, ставятъ, по мнѣнію А. В. Маркова, *въ всякаго сомнѣнія* полоцкое происхожденіе былины о боѣ Ильи съ сыномъ и ея возникновеніе въ первой половинѣ XIII в. ²⁾.

На мой взглядъ, изъ статьи акад. Веселовскаго можетъ, съ достаточной вѣроятностью, быть сдѣланъ только тотъ выводъ, что сказанія объ Ильѣ, русскомъ богатырѣ, ходили въ Полоцкой землѣ въ XIII в. и попали изъ нея въ сагу о Тидрекѣ-Бернскомъ, но отсюда еще далеко до несомнѣнности въ томъ, что въ этой именно области, и именно въ 1-й половинѣ XIII в. была сложена самая былина о боѣ Ильи съ сыномъ. Я вообще сомнѣваюсь въ возможности слишкомъ точно приурочивать народныя устныя произведенія къ опредѣленному мѣсту и времени. Но, не останавливаясь на этомъ вопросѣ, рассмотримъ пристальнѣе ходъ доказательствъ А. В. Маркова.

Изъ того, что въ 1-й Псковской лѣтописи предки Латышей Латыгола называются въ двухъ случаяхъ Латыгорой, можно только констатировать существованіе въ XIII в. второго варианта, возникшаго, можетъ быть, по народной этимологіи съ осмысленіемъ второй части имени—*гола* (литов. galas—конецъ), какъ слав. *юра*, а вѣроятнѣе вслѣдствіе диссиміляціи обоихъ тождественныхъ плавныхъ согласныхъ (какъ, наоборотъ, коридоръ-вм. коридорь). Другой вопросъ, насколько была въ народѣ дѣйствительно распространена форма *Латыгора* вмѣсто *Латыголы*, встрѣчающейся въ лѣтописяхъ гораздо чаще. Можно далѣе допустить, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ названіе племени было Латы-

¹⁾ Назв. статья, стр. 94.

²⁾ Тамъ же, стр. 95.

гора, женщина изъ этого племени могла бы быть названа Латыгоркой. Но для того, чтобъ представительница этого племени въ видѣ сильной бабы, бьющейся съ богатырями, могла попасть въ русскія былины, необходимо, чтобъ это племя, подобно татарамъ или литовцамъ, было извѣстнымъ, опаснымъ историческимъ врагомъ Руси. Однако наша исторія не знаетъ латышей, какъ опасныхъ и извѣстныхъ непріятелей, съ которыми русскимъ приходилось бы вести упорныя войны. Они съ давнихъ поръ жили попеременно и въ смежности съ представителями финно-эстскаго племени, подвергаясь вліянію Корси и Ливовъ, не имѣли общаго государственнаго устройства, были слабы численностью и не могли отстоять своей независимости противъ нѣмцевъ, которые окончательно подчинили ихъ къ концу XIII вѣка. Почему представительница этого слабого и русскимъ малоизвѣстнаго племени стала въ эпосѣ страшной и сильной бабой-Латыгоркой, мы затрудняемся сказать. Еще рискованнѣе кажется намъ объясненіе другого имени той же эпической бабы—Семигорка—въ связи съ названіемъ литовскаго народца Зимиголы, точнѣе Жемгалы (литов. жеме—земля), жившаго по лѣвому берегу Западной Двины отъ середины до моря.

Трудно допустить, чтобъ племя Зимиголы; упоминаемое вскользь лѣтописью при перечисленіи племенъ, и лишь однажды въ началѣ XII вѣка, племя опасное для нѣмцевъ, но не для Руси, и покоренное нѣмецкимъ орденомъ такъ же, какъ Латыгола, въ концѣ XIII в., могло оставить свое имя въ лицѣ бабы Семигорки въ былинахъ. Если имя Латыгорки, по крайней мѣрѣ, совпадаетъ съ лѣтописнымъ варіантомъ имени народа, то имя Семигорки только искусственно можетъ быть выведено изъ названія Зимиголы. Конечно, свойственнымъ народу искаженіемъ, перевираніемъ иноземныхъ именъ и можно было бы объяснить передѣлку Зимиголы въ Семигорку, но мы очень сомнѣваемся, чтобы народу, вообще, хотя бы въ XIII в. было извѣстно это сравнительно дальнее литовское племя, враждебныя столкновенія съ которымъ намъ неизвѣстны. При сопоставленіи обоихъ названій племенъ (Латыгоры и Зимиголы) съ былинными именами бабы г. Марковъ увлекся тѣмъ фактомъ, что Латыгорка въ одномъ пересказѣ былины замѣнена Семигоркой, и склоненъ думать, что въ основномъ изводѣ баба носила двойное имя Латыгорки-Семи-

горки. Но и для этого предположенія нѣтъ достаточнаго основанія: въ вариантѣ Рыбникова (II, 64), притомъ неважномъ, баба носитъ двойное имя Семигорки-Владимирки. Наконецъ, соображенія г. Маркова объ этническомъ происхожденіи имени Латыгорки имѣли бы для установленія хронологіи былины значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бъ мы могли быть увѣрены, что это имя входило уже въ основной изводъ былины. Но на такую увѣренность не даютъ права наличные былинные факты. Въ нихъ нѣтъ никакихъ указаній на исконность имени Латыгорки: оно встрѣчается только въ записяхъ, сдѣланныхъ въ Архангельской губерніи, а не во всѣхъ вариантахъ, что не даетъ намъ права возводить его къ основной редакціи. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что въ большинствѣ былинь, гдѣ встрѣчается это имя и его дальнѣйшія искаженія или замѣны, сокольникъ „поднимается отъ камня Латыря ¹⁾, гдѣ его родина ²⁾, или самъ заявляетъ, что происходитъ изъ-за сипяго моря, отъ того же камня Латыря ³⁾, или отъ камня Латыря отъ бабы Латыгорки ⁴⁾, при чемъ камень въ одномъ вариантѣ ⁵⁾ обратился въ городъ Латырь. Иногда вмѣсто Латыря упоминается просто „сѣрый“ камень ⁶⁾ или „горючій“ ⁷⁾. Въ одной записи А. В. Маркова Латырь-камень замѣненъ латынскими горами, при чемъ и баба называется Латынгоркой. Такое соединеніе Латыгорки (и проч.) съ камнемъ Латыремъ естественно вызываетъ вопросъ, не получила ли Латыгорка свое прозвище отъ самого камня, т.-е. не объясняется ли форма ея имени изъ Латыгорки съ опущеніемъ перваго звука *p* для облегченія произношенія. Быть можетъ, слѣдъ перваго, неудобнаго для произношенія, *p* сохранился въ видѣ болѣе удобнаго *н* въ вариантѣ Латынгорка, изъ котораго затѣмъ были извлечены „горы латынскія“, замѣнившія обычный камень Латырь. Самый камень могъ быть внесенъ въ былину, какъ и въ другія, изъ духовныхъ.

¹⁾ Григорьевъ, I, № 2.

²⁾ Григорьевъ, № 320.

³⁾ Григорьевъ, №№ 20, 308, 320; срв. Ончуковъ, № 1 и 6.

⁴⁾ Кпрѣвскій IV, стр. 12.

⁵⁾ Григорьевъ, № 40.

⁶⁾ Григорьевъ, № 8; Тих.-Миллеръ, № 31.

⁷⁾ Григорьевъ, № 5.

стиховъ и заговоровъ и представляется внесшему его въ сюжет боя Ильи съ сыномъ сѣверному (архангельскому) сказателю утесомъ, скалой, такъ какъ въ Архангельской губерніи „камень“ называютъ доселѣ также горные хребты (Чайцынъ камень въ Тиманской гундрѣ, Тиунскій камень у Канина носа, Сибирскій камень—Уральскія горы) ¹⁾. Происходя отъ камня (т.-е. горы) Латыря, мать Сокольника могла быть поэтому названа Латыгоркой въ архангельскихъ записяхъ былины. На образованіе имени Семигорки (въ одномъ вариантѣ) могло бы повліять имя „Пятигорки“, подъ которымъ была въ свое время извѣстна въ народѣ нелюбимая имъ вторая жена Ивана Грознаго, Марья Темрюковна, черкесская княжна, изъ Пятигорья, при чемъ число пять замѣнилось эпическимъ семь. Мы указали въ другой статьѣ, что въ одной записи былины А. В. Григорьева ²⁾ Сокольникъ представляется „дѣтищемъ“, прижитымъ Ильей Муромцемъ съ Марьей Бурдуковной (т.-е. Темрюковной), которая далѣе въ той же былинѣ называется „бабушкой Златыгоркой“. Однако, мы допускаемъ наши объясненія именъ Латыгорки и Семигорки только какъ возможные, и настаиваемъ только на томъ, что эти имена, во-1-хъ, не могутъ быть возведены къ основному изводу былины, во-2-хъ, не содержатъ ничего этническаго и географическаго. Скорѣе можно искать намека на происхожденіе случайной любовницы Ильи въ тѣхъ вариантахъ, въ которыхъ ея сынъ выѣзжаетъ изъ Сѣверской страны ³⁾ и называетъ свою мать дѣвкой Сиверьяничной ⁴⁾. Къ этимъ вариантамъ можно отнести и одинъ одонецкій пересказъ ⁵⁾, въ которомъ наѣзжій богатырь, оказавшійся племянникомъ Ильи, называетъ себя Кузьмой Семерцянниковымъ, если принять догадку акад. Веселовскаго (которая и мнѣ кажется удачной), что „Семерцянниковъ“ искажено изъ „Северчаниновъ“. А. В. Марковъ не допускаетъ такого простаго объясненія потому, что „въ такомъ случаѣ „баба“ оказалась бы сѣверянкой, жительницей русской области, что противно смыслу

¹⁾ См. Подвысоцкаго—Словарь областного Архангельскаго нарѣчія. Срв. выраженіе въ Мезен. уездѣ: „уйти за камень“, т.-е. уйти въ Сибирь.

²⁾ № 40.

³⁾ Гильбердингъ, № 233, 246.

⁴⁾ Тамъ же, № 219, 265.

⁵⁾ Тих.-Миллеръ, II, стр. 59.

былины¹⁾. Но мы не видимъ, почему смыслу былины больше противорѣчить „сѣверянка“, чѣмъ другія былинные названія матери Сокольника: Маринка Кайдаловка²⁾, Амельфа Тимоѣевна³⁾, Оедосья Тимоѣевна⁴⁾, Марья Тимоѣевна⁵⁾, Марья Бурдуковна⁶⁾, Настасья или Наталья⁷⁾, и въ другомъ изслѣдованіи предположили, что въ сѣверскомъ происхожденіи этой личности отложился слѣдъ смутнаго времени, въ теченіе котораго враги Россіи выходили, главнымъ образомъ, изъ „прежде погибшей“ сѣверской украины. Въ связи съ этимъ можно припомнить, что мать подсокольника въ одномъ пересказѣ называется „полькой“⁸⁾, а въ другомъ рассказывается, что Илья прижилъ дочь въ хороброй Литвѣ⁹⁾. Во всякомъ случаѣ, въ этихъ былевыхъ данныхъ скорѣе можно искать этнографическихъ и историческихъ указаній, чѣмъ въ именахъ Латыгорки и Семигорки.

Переходя къ разбору именъ сына Ильи, А. В. Марковъ констатируетъ фактъ, что они носятъ совершенно случайный характеръ¹⁰⁾ и дѣлаетъ, между прочимъ, удачное предположеніе, что имя Збудъ попало въ Киршевскую былинку изъ одной сказки. Во всякомъ случаѣ имена сына не даютъ матеріала для какихъ-нибудь этнографическихъ выводовъ. Но имя Добрыни, какъ товарища Ильи Муромца, принадлежавшее ужъ основному изводу былины, даетъ, по мнѣнію А. В. Маркова, нѣкоторыя данныя относительно времени ея сложенія¹¹⁾. Добрыня *рязанскій* храбръ (какъ называетъ его Никоновская лѣтопись при рассказѣ о Липицкой (1217 г.) и Калкской (1224) битвахъ), сражавшійся въ дружинѣ ростовскаго князя на сторонѣ новгородцевъ, псковитянъ и смолянъ въ 1217 г., могъ попасть въ товарищи Ильи

1) Назв. статья, стр. 83.

2) Бѣломор. былина, № 4.

3) Григорьевъ, I, 26.

4) Тамъ же, I, 2.

5) Тамъ же, I, № 5.

6) Григорьевъ, I, № 40.

7) Рыбниковъ, I, 14; Гильердингъ, № 46.

8) Кирѣевскій, VII, приложение 1—7.

9) Рыбниковъ, I, стр. 73.

10) Назв. статья, стр. 87.

11) Назв. статья, стр. 88.

на *Литовскую* ¹⁾ пограничную заставу не ранѣе середины XIII вѣка ¹⁾).

Это заключеніе вызываетъ рядъ недоумѣній: откуда извѣстно, что былинный Добрыня, являющійся иногда податаманьемъ при Ильѣ, *рязанскій* храбръ? Откуда получается увѣренность, что былинная богатырская заставка есть литовская? Почему литовская заставка должна относиться къ XIII вѣку, а не къ послѣдующимъ вѣкамъ, не исключая даже XVII? Почему Добрыня, эпическое лицо многихъ былинъ, не могъ попасть въ этотъ сюжетъ въ любое столѣтіе отъ XIII до XVII?

Разсмотрѣвъ историко-бытовые черты былинны, позволяющія, по его мнѣнію, отнести ее къ извѣстной области и эпохѣ, авторъ задается вопросомъ, не пришелъ ли на Русь сюжетъ о боѣ отца съ сыномъ по той самой „латынской дорогѣ“, на которой стояла богатырская заставка ²⁾, и припоминаетъ для подкрѣпленія западнаго происхожденія былинны нѣкоторые историческіе и историко-литературные факты, какъ-то: торговые договоры Полоцка, Витебска и Смоленска съ Ригой въ XIII в., свидѣтельствующіе объ интенсивныхъ сношеніяхъ этихъ городовъ по Западной Двинѣ съ нѣмцами, сдѣланную въ XIII в. запись послѣдней редакціи древне-нѣмецкой пѣсни о Гильдебрантѣ и Гадубрантѣ и сѣверную обработку этого сюжета, включеннаго въ скандинавскую *Тидрексагу*. „Тогда же, нужно думать, говорить А. В. Марковъ ³⁾, сюжетъ боя отца съ сыномъ, обѣжавшій Германію, Нидерланды, Данію и Скандинавскій полуостровъ, проникъ въ Полоцкую область и здѣсь съ большой самостоятельностью (убійство матери сыномъ) былъ обработанъ въ мѣстную былинну, рисующую отношенія русскихъ къ сосѣднимъ литовскимъ племенамъ“ ⁴⁾.

Такимъ образомъ, авторъ довольно рѣшительно высказывается за западный заносъ сюжета въ Россію, какъ я, въ Эккурсахъ въ 1892 году, отстаивалъ восточное происхожденіе его, исходя изъ многочисленныхъ параллелей между нашимъ Ильей и персидскимъ Рустемомъ вообще и изъ большого числа дета-

¹⁾ Тамъ, стр. 89.

²⁾ Назв. статья, стр. 91.

³⁾ Тамъ же, стр. 92

лей, сближающихъ русскую версію сюжета — бой отца съ сыномъ — съ восточными его версіями.

Разсматривая азіатскія и европейскія версіи сюжета съ той точки зрѣнія, на которой я стоялъ въ то время, я имѣлъ достаточно оснований для гипотезы восточнаго заноса его на Русь. Дѣйствительно, если судить по числу совпадающихъ деталей, русская версія гораздо ближе къ восточной, чѣмъ къ западной. Припомнимъ эти совпадающія детали, какъ онѣ отмѣчены нами въ „Экскурсахъ“:

1. Какъ въ иранскомъ, такъ и въ русскомъ эпосѣ отецъ, бьющійся съ сыномъ, есть главная, центральная фигура народныхъ сказаній. Ни Гильдебрантъ, ни Клизаморъ не занимаютъ такого мѣста въ германскомъ и кельтскомъ эпосѣ. Перваго затмеваетъ Дитрихъ бернскій, второго — Фингалъ, между тѣмъ какъ нанъ Ильи и иранскій Рустемъ — главные среди другихъ эпическихъ богатырей Руси и Ирана.

2. Царевнѣ Техмимѣ соответствуетъ королева или царевна Задонская. Прибавимъ по новымъ архангельскимъ записямъ, царственные жены: Марина и Марья Бурдуковна (т.-е. Темрюковна).

3. Наставленіе богатыря, покидающаго женщину, на случай рожденія ею сына, и оставленіе въ качествѣ примѣты драгоцѣннаго камня, находятся равно въ русскомъ и иранскомъ сказаніи.

4. Необыкновенный ростъ ребенка и возрастъ (12 лѣтъ), въ которомъ онъ отправляется на подвиги, покинувъ мать, и наставленіе матери отъѣзжающему сыну, — все это сходно въ обоихъ эпосахъ.

5. Отецъ получаетъ вѣсть о юномъ богатырѣ на заставѣ (или на окраинѣ государства).

6. Боемъ отца съ сыномъ предшествуетъ неудачная стычка съ послѣднимъ другого богатыря, второго по силѣ послѣ главнаго Рустема-Ильи (Добрыня — Тусъ).

7. Продолжительность боя, три вида оружія, борьба и опрокинутіе отца сыномъ совпадаютъ въ русскихъ и иранскихъ сказаніяхъ.

8. Отецъ, возстановивъ силы послѣ молитвы, побораетъ, сына. Трагическая развязка ¹⁾.

¹⁾ Экскурсы, стр. 150 и слѣд.

Въ настоящее время, какъ я имѣлъ уже случай высказаться въ предисловіи къ „Очеркамъ“¹⁾, и возстановленіе основныхъ редакцій былинь, и уясненіе путей кочеванія маждународныхъ сказаній представляется мнѣ дѣломъ гораздо болѣе сложнымъ, чѣмъ прежде, и результаты такихъ изысканій весьма гадательными. Возьмемъ, хотя бы, разсматриваемый нами сюжетъ и спросимъ себя, возможно ли прійти къ какимъ-нибудь положительнымъ заключеніямъ относительно его заноса къ намъ съ запада или востока на основаніи анализа западно-европейскихъ, русскихъ и азіатскихъ вариантовъ. Едва ли. Прежде чѣмъ подвергнуться обработкѣ въ нѣмецкую средневѣковую пѣсню о Гильдебрантѣ и Гадубрантѣ, въ эпизодъ сѣверной Тидрекъ-саги, въ русскую былину, въ эпизодъ сказки объ Урусланѣ, въ кавказскія версіи Рустеміады, въ персидскую поэму, вошедшую въ составъ Шах-намэ, этотъ рассказъ о боѣ отца съ неузнаннымъ сыномъ ходилъ долго въ разныхъ слояхъ народа въ Иранѣ, средней Азіи (киргизская сказка), на Кавказѣ, въ Россіи, Скандинавіи, Германіи и т. д., при чемъ основная тема постоянно видоизмѣнялась въ подробностяхъ, то обогащаясь новыми деталями (напримѣръ, о матери богатырскаго сына, о его дѣтствѣ, объ обстоятельствахъ встрѣчи съ отцомъ и проч.), то, напротивъ, теряя при менѣе обстоятельной устной передачѣ ту или другую деталь. Такимъ образомъ лица, закрѣпившія этотъ сюжетъ литературной обработкой въ видѣ ли рыцарской пѣсни, или богатырскаго былиня или внесеніемъ его въ болѣе обширную поэму, могли бы, еслибы они имѣли научную жилку современныхъ намъ фольклористовъ, собрать въ своемъ народѣ коллекцію вариантовъ и путемъ ихъ сопоставленія дать наиболѣе богатую деталями поэтическую разработку этого драматическаго сюжета. Однако, такую эклектическую и сводную работу сдѣлалъ только поэтъ Фирдоуси; всѣ прочія дошедшія до насъ пѣсенныя и былинные обработки основаны на такихъ вариантахъ, которые были случайно извѣстны ихъ авторамъ, которые при томъ, вводя этотъ сюжетъ уже въ готовый циклъ рыцарскихъ, богатырскихъ или нартскихъ сказаній, старались его такъ или иначе подладить къ послѣднимъ. Такъ поступилъ съ разсматриваемымъ сюжетомъ когда-то и гдѣ-то

1) Очерки русской народной словесности, стр. III и IV.

какой-то русскій авторъ, сложившій его былиннымъ размѣромъ въ видѣ богатырской старинки о встрѣчѣ Ильи Муромца съ прижитымъ на сторонѣ сыномъ. Этотъ предполагаемый авторъ положилъ въ основу своей былинной обработки тотъ варіантъ бродячаго сказанія, который случайно услышалъ отъ неизвѣстнаго намъ лица, снабдилъ свое произведеніе шаблонными эпическими чертами и, не вводя его глубже во Владимировъ циклъ, прикрѣпилъ дѣйствіе разсказа, повидимому, къ „заставѣ“, стоящей гдѣ-то около эпическаго центра Кіева.

Получившій былинную форму разсказъ началъ свое „литературное“ (*sit venia verbi*) существованіе въ средѣ профессиональных сказателей (какъ бы они ни назывались) и при устной передачѣ подвергался дальнѣйшимъ видоизмѣненіямъ въ подробностяхъ подъ влияніемъ какъ другихъ, бродившихъ въ народѣ, необработанныхъ литературно версій того же сюжета, такъ и эпическихъ шаблоновъ, знакомыхъ профессиональнымъ пѣтарямъ. Спрашивается, есть ли возможность, при такихъ условіяхъ, изъ сопоставленія варіантовъ точно возстановить *первую* былинную обработку. При такой попыткѣ мы при многихъ деталяхъ наткнемся на затрудненія. Выбирая общія черты всѣхъ извѣстныхъ доселѣ варіантовъ (а сколько ихъ было раньше?), мы возстановимъ только остовъ былины, а все, что давало интересъ первой былинной обработкѣ, все, что носило, быть можетъ, слѣды времени и мѣста, останется за предѣлами нашей реставраціонной работы. Устраняя при этой реставраціи тѣ черты, которыя встрѣчаются не во всѣхъ варіантахъ и поэтому не могутъ быть внесены въ прототипъ, мы получимъ блѣдную схему почти не дающую матеріала для историко-бытовыхъ выводовъ. Эти основные штрихи рисунка, или его контуры, приблизительно таковы:

I. Дѣйствующія лица: Илья, его прижитый на сторонѣ юный богатырскій сынъ, изображенный съ атрибутами сокольника, богатырь Добрыня, вступающій въ неудачный бой съ пріѣзжимъ молодымъ богатыремъ, и мать послѣдняго. Вотъ все, что мы знаемъ о дѣйствующихъ лицахъ, и все это не даетъ никакихъ данныхъ ни для хронологическихъ, ни для историко-бытовыхъ заключеній, которыя могли бы быть слѣданы, если бы мы знали именно *детали*, а не общую схему первой былинной обработки.

Для ясности резюмируемъ то, чего мы не знаемъ о дѣйствующихъ лицахъ: 1) Былъ ли Илья старымъ казакомъ или пѣтъ? 2) Былъ ли онъ атаманомъ, а Добрыня податманьемъ? 3) Была ли мать юнаго богатыря бабой съ чертами паленицы, или дѣвицей (королевной или царевной)? 4) Вступалъ ли Илья съ нею въ бой? 5) Изъ какой она была страны и какое носила имя? 6) Носилъ ли опредѣленное личное имя сынъ Илии или прозвище? Конечно, если бы мы имѣли отвѣты на всѣ эти вопросы или хоть на нѣкоторые, они могли бы дать какой-нибудь матеріалъ для историко-бытовыхъ заключеній.

II. Мѣсто дѣйствія. Судя по большинству вариантовъ, оно приурочивается, повидимому, къ заставѣ, стоящей гдѣ-то около Кіева. Опять—ничего для историко-бытовыхъ выводовъ, такъ какъ мы имѣемъ дѣло, повидимому, съ былиннымъ шаблономъ.

III. Сынъ въ противоположность всѣмъ извѣстнымъ азиатскимъ и западно-европейскимъ версіямъ сказанія, оказывается коварнымъ злодѣемъ, покушающимся убить спящаго отца, за что и подвергается отъ него жестокой казни. Не находя такой окраски сына въ извѣстномъ намъ международномъ бродячемъ сюжетѣ нигдѣ, кромѣ Россіи, мы, повидимому, въ правѣ признать эту характеристику юнаго богатыря продуктомъ русскаго творчества (по крайней мѣрѣ до отысканія доказательствъ противнаго) и видѣть въ этомъ историко-бытовую черту, понимая этотъ терминъ въ широкомъ смыслѣ. Здѣсь мы видимъ прямое и рѣзкое отступление отъ бродячей фабулы, сдѣланное на русской почвѣ и вызванное желаніемъ согласовать сыноубійство съ твердо сложившимся и вполнѣ установившимся характеромъ отца. Вообще Илья представляется въ эпосѣ солиднымъ богатыремъ, не упадчивымъ на женскую прелесть. Однако былъ случай въ его жизни, когда и онъ не ушелъ отъ соблазна, вступивъ въ „грѣховную“ связь съ какой-то женщиной. Грѣшное дѣло грѣхомъ и кончилось—такая мысль, повидимому, проводится въ русской обработкѣ страстующаго сюжета—боя отца съ сыномъ. Въ связи съ этой идеей развиваются всѣ детали быliny. Мать незаконнаго сына въ нѣкоторыхъ вариантахъ то какая-то паленица съ богатырской силой, то иностранка изъ враждебной стороны, въ большинствѣ личность несимпатичная; сынъ, одаренный въ отца богатырской силой, наследовалъ отъ матери черты коварства,

иногда убиваетъ родную мать и во всѣхъ вариантахъ покушается убить спящаго отца. По своимъ нравственнымъ свойствамъ онъ совершенно противоположенъ и восточнымъ (Зорабъ въ Персіи и на Кавказѣ) и западнымъ (Гадубрантъ) рыцарскимъ молодымъ богатырямъ, дѣйствующимъ въ этомъ международномъ сюжетѣ. Онъ такой же прѣзжій нахвальщикъ, какъ какой-нибудь царь Калинъ; иногда угрожаетъ кн. Владимиру, иногда смѣшивается съ „татарченкомъ“. Словомъ, русская версія старается всячески подчеркнуть темныя стороны сокольника, какъ порожденнаго грѣховной связью, и облить любимаго богатыря, приведя достаточно мотивовъ для его расправы съ сыномъ. Въ этомъ заключается основная идея русской переработки сюжета, сдѣланной какимъ-нибудь стариннымъ сказателемъ при прикрѣпленіи бродячей фабулы къ эпической біографіи Ильи, который уже въ то время былъ, вѣроятно, главнымъ и наиболѣе популярнымъ среди русскихъ богатырей. Определить точно время этой переработки мы не въ состояніи: она могла произойти и въ XIII в., какъ думаетъ г. Марковъ и позже. Ни одной черты, несомнѣнно внесенной въ XIII в., мы не можемъ указать, а тѣ немногія бытовые или историческія черты (въ именахъ матери и сына), которыя мы можемъ указать въ отдѣльныхъ вариантахъ, относятся, повидимому, къ болѣе позднему времени, къ XVI, XVII вѣку, къ періоду Грознаго и смуты. Такимъ образомъ всѣ попытки приурочить первоначальной изводъ разсматриваемой былины къ опредѣленному времени или области представляются мнѣ неубѣдительными.

Вс. Миллеръ.

1906 г. январь.

Нѣкоторыя замѣчанія о русскихъ народныхъ сказкахъ.

Разсматривая русскія народныя сказки, мы встрѣчаемъ въ нихъ слѣды общечеловѣческихъ воззрѣній и вѣрованій, идущихъ изъ глубокой древности. Въ однѣхъ сказкахъ эти воззрѣнія и вѣрованія едва замѣтны, въ другихъ выступаютъ яснѣе, въ нѣкоторыхъ, наконецъ, служатъ главною темою (Ао. 159). Въ сказкахъ третьяго типа бытовыя реальныя черты почти отсутствуютъ; развитіе же бытовой стороны сказки ведетъ обыкновенно къ тому, что главная сказочная тема, заключающая въ себѣ древнее вѣрованіе, сводится на степень крупной или даже незначительной подробности. Варіанты такихъ сказокъ даютъ нѣкоторую возможность возстановить древнее народное воззрѣніе, вытѣсненное постепенно нарастающими бытовыми чертами, сплетеніе которыхъ въ иныхъ случаяхъ создаетъ совершенно новыя темы.

Между древними общечеловѣческими вѣрованіями очень значительное мѣсто занимаетъ вѣра въ живительную, очистительную, предохраняющую (отъ болѣзни, дѣйствія злого духа) силу воды ¹⁾. Еще не связывая воду съ какимъ-либо божествомъ, человѣкъ на первыхъ ступеняхъ своего развитія уже надѣлялъ ее могучею жизнью и вѣрилъ въ воздѣйствіе этой, неясной его пониманію, жизни на свою собственную и, вслѣдствіе этого, оберегалъ и чтилъ водные источники, водохранилища. Развившіяся

¹⁾ „Bannende Kraft wohnt im Wasser“ Ovid: Festkalender, Th. Trede: Wunderglaube im Heidentum u. in der alten Kirche.

религиозныя воззрѣнія олицетворили воду въ извѣстныхъ божествахъ и ввели въ религиозный культъ воду, какъ необходимое очистительное средство, сдѣлали изъ нея символъ (Jch bringe den Göttern des Himmels Wasser dar, wie ich für euch eure Reinigung vollbringe, so reiniget mich... Jastrow 4L Die Relig Babyl... u. Ass.), вложили въ имена водныхъ божествъ первоначальное воззрѣніе на воду. (Кельт. Neithe—смыслъ омывать, очищать водой Hazlitt).

Вѣрованіе въ магическую силу воды, безъ всякой связи съ какимъ-либо божествомъ, занимаетъ видное мѣсто между сказочными темами мировой сказочной литературы. Вода въ сказкахъ этой категоріи является или, какъ цѣль, къ которой направляется дѣятельность героя, или, какъ средство къ достиженію цѣли, или наконецъ, какъ рѣшающее обстоятельство (живая вода, springendes Wasser, nepačeta voda—и цѣль и подробность сказокъ). Тема, основанная на вѣрованіи въ магическую силу воды, разработана въ сказкахъ различно, и каждая разработка представляетъ сама по себѣ отдѣльную сказочную тему, представленную во многихъ вариантахъ. Къ одной изъ такихъ работокъ мы теперь и обратимся; прослѣдимъ по ней тѣ измѣненія, которыя претерпѣла сказочная традиція, и тотъ путь, которымъ прошла данная сказка и которымъ въ огромномъ большинствѣ шли и идутъ д. с. п. сказки всего міра.

Существуетъ русская сказка подъ заглавіемъ „Безручка“ (сб. Худ. 22), она же „Косоручка“ (Ав. т. II 158 и ея вар.) Параллели ей извѣстны въ нѣм. литературѣ „Das Mädchen ohne Hände“ Grimm 31., въ пѣсняхъ юж. славянъ (Калик. Перехож. ч. I стр. 700—17) и др. Ядро этой сказки—испѣненіе отсѣченныхъ рукъ водою. Древнее вѣрованіе въ магическую силу воды создало эту сказку, фантазія нересказчиковъ различно располагала планъ ея, различно развивала се, различно разрѣшала. Развѣтіе повѣствованія иногда оставляло въ сторонѣ первоначальную, исходную точку, но не отрѣшалось отъ нея, и вода во всѣхъ вариантахъ играетъ свою знаменательную роль. Въ нѣмецкой сказкѣ вода съ ея магическою силою выдвинута на первый планъ, подчеркнута ея очистительное значеніе, и ея могущество противопоставлено силѣ злого начала. Злой духъ ищетъ погубить добродѣтельную дѣвушку, завладѣть ею, она умывается

водою—злой духъ не можетъ приблизиться ¹⁾; по внушенію злого духа ей отрѣзають языкъ и руки, дѣвушка нагибается къ водѣ, и отрубленные члены приплываютъ по водѣ и прирастаютъ къ своимъ мѣстамъ Grimm III стр. 57—59). Въ русскихъ сказкахъ нѣтъ злого духа, и вода изображается, какъ цѣлительное только средство. „Тачи ваду“, говоритъ дѣвущкѣ съ обрубленными руками встрѣтившійся старичекъ, „дасыць Богъ руки“. Якъ яна адтачила, дау Богъ руки (Ае. 158 вар. С.). „Поди, вонъ стоятъ 2 колодезя, говоритъ безрукой дѣвущкѣ встрѣтившійся прохожій, окуни въ колодезь отрубленные руки... окунула, ей Богъ далъ руки“... Въ приведенныхъ сказкахъ древняя завязка еще сохранилась въ очень опредѣленномъ видѣ, хотя уже представляетъ собою подробность, а не главную тему. Въ другихъ сказкахъ того же источника планъ повѣствованія построенъ иначе, по вода, хотя уже косвенно, все-таки проявляетъ свою магическую силу. Въ болгарской пѣснѣ (разновидность разбираемой сказки) невинно убиваемая плачетъ, и изъ ея слезъ вытекаетъ цѣлебный источникъ, который изсякаетъ при приближеніи убійцы и такимъ образомъ обличаетъ ихъ. Въ сербской пѣснѣ женщина, виновная въ убійствѣ невинной, въ мученіяхъ совѣсти проситъ привязать себя къ конскому хвосту и разметать ее; на мѣстѣ мертваго тѣла проваливается озеро, и на водѣ всплываетъ колыбель съ убитымъ ребенкомъ, у горла котораго видна рука дѣйствительнаго убійцы. И въ этомъ случаѣ вода связана съ какимъ-то таинственнымъ процессомъ обличенія виновнаго ²⁾). Интересно отмѣтить въ разбираемой сказкѣ, что вода ни въ одномъ изъ вариантовъ не соединяется съ какимъ-либо сверхъестественнымъ существомъ, она сама въ себѣ хранитъ могущество, и лишь позднѣйшіе пересказы христіанскаго міра прибавили „Богъ далъ руки“ и встрѣтившагося прохожаго назвали „Николай-угодникомъ“, но это отраженіе христіанскаго міровоззрѣнія не измѣнило въ существѣ слѣдовъ далекаго вѣрованія: „по милости Божіей“ исцѣленія въ сказкѣ свершаются при колодезѣ, ручьѣ, рѣкѣ.

¹⁾ Jastrow. 5 Lief. Relig. Bab u. Ass. Спасая себя отъ злого духа, проивно-сила заклян: Ich habe meine Hände gewaschen... mit hellen Quellwasser... стр. 319—320.

²⁾ Слѣдъ въ языкѣ отъ древ. воззрѣнія: „вывести на чист. (свѣж.) воду.

Древнѣйшая тема—чудодѣйственная сила воды, являющаяся людямъ къ ихъ благу—нужно предполагать, была помѣщена въ извѣстную жизненную рамку; какова она была въ своемъ первоначальномъ видѣ, трудно судить, но, руководясь существующими сказками данной категоріи, можно отмѣтить то обстоятельство, что къ вѣрованію въ могущество воды присоединилось убѣжденіе, что это могущество направляется на поддержку добра. Этимъ предположеніемъ должно-быть объяснено построеніе разбираемой сказки (ея параллелей и варіантовъ), обусловившее ея дальнѣйшее теченіе и развитіе.—Схема этой сказки такова: невинную, добродѣтельную дѣвушку, по наущенію злого духа, злыхъ людей, лишаютъ членовъ тѣла, жизни; и высшая сила, существующая въ мірѣ, стоящая выше человѣка, является на помощь угнетаемой. Сила эта въ водѣ (первоначально), въ милости Божіей (потомъ).—Схема эта въ своемъ развитіи создала цѣлый циклъ сказокъ о преслѣдуемой дѣвушкѣ, въ которыхъ уже подробно и главнымъ образомъ изображаются преслѣдованія и страданія невинной, наконецъ счастливое завершеніе горестной жизни, при чемъ, вода, какъ рѣшающая подробность, часто и выпускается или замѣняется совершенно неожиданно чѣмъ-либо другимъ, наприм., пепломъ конскихъ хвостовъ (серб. сказ.). Тема о преслѣдуемой дѣвушкѣ очень крѣпко держится въ сказочной міровой литературѣ, благодаря игрѣ контрастовъ, созданной человѣческой фантазіей. Сказка ¹⁾ открывается изображеніемъ взаимной, глубокой привязанности сестры и брата, которая подъ вліяніемъ навѣтовъ злыхъ людей у брата переходитъ въ жестокость: онъ отрубаетъ сестрѣ руки. Изуродованная, брошенная, погибающая дѣвушка нечаянно встрѣчается съ сыномъ короля, вельможи, богатаго купца, пріобрѣтаетъ его любовь и становится его женой, счастливой, богатой, матерью чудеснаго дитяти.—Сказка любитъ повторенія и опять низводитъ счастливую женщину въ бездну отчаянія и печали: мужа, бывшего въ отсутствіи, ложно извѣщаютъ о рожденіи чудища, ложно передаютъ его отвѣтъ и опять героиню съ ребенкомъ изгоняютъ куда-то, гдѣ она страдаетъ, пока чудеснымъ образомъ не испѣляется отъ своего уродства; встрѣча съ мужемъ и возобновленіе счастливой.

¹⁾ Изложеніе по рус. сказкамъ Аелп. т. II, 158.

жизни заключаютъ сказку.—Построенная по изложенному плану сказка составляетъ принадлежность сказочной литературы многихъ народовъ, при чемъ роль брата отдается то отцу, то мачехѣ, и второстепенныя подробности разнятся.

Эстетическое достоинство разбираемой сказки въ связи съ моральнымъ отбѣнкомъ, ее отличающимъ, обусловили путь ея дальнѣйшаго развитія. Христіанское міровоззрѣніе, измѣняя въ сказкѣ извѣстныя черты, оставило нетронутымъ нравственный элементъ, включенный въ сказку; благодаря этому элементу народная сказка явилась пригодной формой для передачи религіозно-нравственной тенденціи и вслѣдствіе этого вошла въ христіанскую учительную литературу. Искреннее религіозное чувство не могло оскорбиться тѣмъ, что чудо уважаемаго святого пересказывалось въ привычной формѣ сказки; значеніе имѣла не эта форма, а тѣ идеи, мысли, воззрѣнія, которыя вкладывались въ уже извѣстную, старую рамку.

Сказка, героиней которой является невинная, угнетаемая и въ концѣ-концовъ, благодаря своей добродѣтели, восторжествовавшая надъ несчастіями дѣвушка,—эта сказка сдѣлалась христіанскою повѣстью о чудѣ, свершенномъ Прсв. Богородицей. Между многочисленными разказами о чудесахъ Богородицы находится повѣсть „О испѣленія рукъ царицы Галловъ“, помѣщенная въ сербскомъ сборникѣ „Чудеса Пр. Богородицы“ 1808 г. Чудеса эти „преведенныя съ Греческаго“¹⁾, въ большинствѣ встрѣчаются и въ другихъ русскихъ сборникахъ, чудо же надъ царицей Галловъ въ послѣднихъ (напр. Голятовскаго) не помѣщено, и неизвѣстно, изъ какого именно греческаго сборника взято это чудо, повѣсть о которомъ совпадаетъ съ народной сказкой. Въ повѣсти злая мачеха завидуетъ красивой падчерицѣ и въ отсутствіи мужа приказываетъ одному придворному завести дѣвушку въ лѣсъ и, убивъ, принести ей отрубленныя руки падчерицы. Придворный, сжалившись надъ дѣвушкой, обрубаетъ ей руки, но не убиваетъ ее. Истекающая кровью дѣвушка молится Пр. Богородицѣ, которая и посылаетъ ей помощь, въ лицѣ сына вельможи, который точно такъ же, какъ и въ сказкѣ, беретъ

¹⁾ Чудеса Пр. Богородицы, преведенныя съ греч. Викентіемъ Фенѣчкимъ Вѣлгр. 1837 г.

ее себѣ въ жены. Молодую женщину постигаетъ опять злосчастіе отъ козней той же мачехи, которая клеветою добивается изгнанія молодой женщины съ рожденными ею дѣтьми изъ дому въ пустыню. Несмотря на свои несчастья, молодая женщина не теряетъ вѣры въ милосердіе Божіей Матери и усердно молится ей. Божія Матерь является во снѣ несчастной, утѣшаетъ ее и возвращаетъ ей отрубленные руки.

Затѣмъ (какъ и по сказкѣ) слѣдуетъ встрѣча съ мужемъ и счастливая жизнь; мачеху сжигаютъ, а въ честь Пр. Богородицы испѣленная женщина, ея отецъ и мужъ созидаютъ церковь и устанавливаютъ праздникъ въ честь Богородицы и въ память чудеснаго исцѣленія. По смерти царя мужъ испѣленной занимаетъ галльскій престолъ, и молодая царица непрестанно творитъ милостыню, повторяя: „ове руке нису мое, но ѣбныя Царицы... И нѣ лепо да се лѣне у благодѣяню рабовъ нѣзынихъ, Сва блага коя ужикамъ нису моя, но даръ всеблагогъ Бѣа, и потребно е да раздѣлюемъ требующимъ“. Народная сказка, перейдя въ христіанскую повѣсть, получила нѣкоторую внѣшнюю отдѣлку подъ рукою благочестиваго книжника, вставившаго молитвенные монологи благочестивой героини и нѣсколько діалоговъ, что удлинитъ сказку, ея простое и быстрое въ развитіи дѣйствіе, и придало ей религіозный колоритъ, не нарушая ни въ чемъ сказочной схемы.

Вставленные молитвенныя рѣчи героини имѣютъ цѣлью охарактеризовать ее, выставить, какъ примѣръ истинно-благочестивой дѣвицы и, такимъ образомъ, мотивировать милосердіе Пр. Богородицы, выразившееся въ чудесномъ спасеніи и исцѣленіи ¹⁾. Характеристики героини въ сказкѣ нѣтъ, такъ какъ сказка центр тяжести полагаетъ не въ опредѣленіи фигуръ дѣйствующихъ, а въ самомъ дѣйствіи, которое и опредѣляетъ дѣйствующихъ лицъ сказки. Въ этомъ пунктѣ и лежитъ отличіе сказки отъ повѣствованія о чудѣ. Бѣдность въ подробностяхъ, стремленіе къ конечной цѣли черезъ непрестанное дѣйствіе, краткая простота разсказа—характерныя черты сказокъ. Растянута дѣйствія, рѣчи лицъ, для выясненія ихъ нравственнаго облика,

¹⁾ „Любящій Мя и приобретающій покрову Моему не лишится всякаго блага“. Сиповск. „Рус. Пов. XVII и XVIII в.“.

усложненіе пересказа—особенности повѣствованій религіозно-нравственнаго характера, которыя, войдя въ сказку, лишаютъ ее ея непосредственности.—Лишенная своей безыскусственности, растянутая, перешедшая въ религіозно-нравственное поученіе, сказка, однако, осталась той же народной сказкой, но уже совершенно утратила ту подробность, которая давала право отнести эту сказку къ очень отдаленному времени—подробность о цѣлительной водѣ.

Исчезновеніе этой подробности шло постепенно, какъ свидѣтельствуя варианты сказокъ, а религіозно-нравственная переработка, поставивъ на мѣсто силы природы, могущество Богоматери, окончательно уничтожила слѣды древняго воззрѣнія. Какая же ассоціація идей или представленій заставила приурочить сказку о преслѣдуемой дѣвицѣ къ повѣствованіямъ о чудесахъ Богоматери, почему исцѣленіе обрубленныхъ рукъ водою приняло форму исцѣленія милосердіемъ Пр. Богородицы, а не другого святого, несмотря на то, что въ народной сказкѣ упоминается Никола-угодникъ, святой старичекъ? За неимѣніемъ матеріала, который могъ бы показать постепенный переходъ народной сказки въ религіозно-нравственное повѣствованіе, трудно опредѣлить тотъ внутренній процессъ творчества, который данную сказку нашелъ подходящей формой для повѣствованія о милосердіи Богородицы, но все-таки нельзя не предположить, что совершенно исчезнувшее въ дальнѣйшихъ пересказахъ сказки древнее вѣрованіе въ воду имѣло вліяніе на помѣщеніе повѣствованія о чудѣ Пр. Богородицы въ рамку именно этой сказки. Въ длинномъ рядѣ чудесъ Пр. Дѣвы не разъ упоминается о такихъ чудесахъ, которыя совершались черезъ воду или надъ водою; кромѣ того, въ первые вѣка христіанства Божіей Матери посвящали источники, которые, если забывались, напоминали о себѣ, какъ святомъ мѣстѣ, какимъ-нибудь чудомъ. Извѣстна повѣсть о Живоносномъ источникѣ вблизи Константинополя, издревле посвященномъ Божіей Матери, потомъ забытомъ и случайно открытомъ Львомъ Маркелломъ. Левъ М., еще будучи офицеромъ, бродилъ въ окрестностяхъ Константинополя и увидѣлъ бѣдняка-слѣпца, просившаго пить. Левъ М. пошелъ искать ручья и внезапно услышалъ въ кипарисовой роцѣ обращенныя къ нему слова: „...войди... въ рощу... возьми воды и тины,

которую и положи на глаза слѣпцу. Кто я—давняя обитательница этого мѣста, узнаешь послѣ“. Левъ М. исполнилъ сказанное; слѣпой прозрѣлъ, а Левъ М. понялъ, что съ нимъ говорила Пр. Богородица, въ честь которой онъ, ставъ императоромъ, и воздвигъ храмъ надъ источникомъ въ рошѣ, гдѣ отъ воды сверпались многія чудеса не только надъ христіанами, но и надъ турками. Источникъ названъ Живоносный ¹⁾).

Не перечисляя многочисленныхъ чудесъ, изъ которыхъ видна связь Божей Матери съ водою, достаточно указать на фразу акаѳиста Пр. Богородицы „Радуйся прозрачнѣйшій источникъ животворной воды“, чтобы убѣдиться въ стремленіи христіанъ символически связать понятіе о чистотѣ Пр. Дѣвы съ чистою влагою свѣтлыхъ источниковъ. Символическія сочетанія пли рядомъ съ конкретными представленіями: на мѣстѣ найденной иконы Божіей Матери появлялся источникъ (Знаменіе Курск. Коренной), икона приплывала по водѣ (Иверск.), изъ-подъ храма, гдѣ была икона Божей Матери, вытекалъ цѣлебный источникъ (Калужск.). Это съ первыхъ вѣковъ христіанства появившееся стремленіе отдать воду подъ покровительство Божіей Матери и выразившееся, какъ въ эпитетахъ Пр. Богородицы (источникъ воды живой), такъ и въ повѣствованіяхъ о Ея чудесахъ—это стремленіе и приурочило народную сказку, основой которой было вѣрованіе въ силу воды, къ повѣствованіямъ о чудесахъ именно Пр. Богородицы, а не другихъ святыхъ. Кромѣ того, и другая сказочная подробность—обрубленные руки—нашла себѣ совпаденіе съ чудомъ Пр. Богородицы надъ Іоанномъ Дамаскинскимъ, которому Она чудесно вернула отсѣченную правую руку. Эти внутреннія и внѣшнія совпаденія, можно предположить, и были причиною возведенія народной сказки въ рядъ повѣствованій о чудесахъ Пр. Богородицы. Съ переходомъ сказки въ христіанскую учительную литературу путь ея не окончился. Съ нею приходится встрѣтиться еще разъ въ произведеніяхъ литературныхъ новаго типа. Конецъ 17-го в. былъ началомъ новой литературной эпохи. Переводная повѣсть проникла въ Россію и приобрѣла сторонниковъ-читателей; она же послужила основаніемъ рус-

¹⁾ Повѣств. Никифора Каллиста. Сборники чуд. Пр. Богородицы: „О Жив. ист.“.

скаго романа, толкнула русское творчество на первую попытку самостоятельнаго созданія свѣтской повѣсти. Между повѣстями русскаго сочиненія (не перевод.) есть повѣсть о Царевнѣ Персикѣ¹⁾, которая, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ (корѣты, министры, персона и др.) и бытовымъ подробностямъ (юный королевичъ, по обученіи въ иностранныхъ государствахъ, держитъ экзаменъ при царскомъ дворѣ), можетъ быть отнесена къ Петровской эпохѣ. Повѣсть эта носитъ заглавіе: „Чудо Пр. Богородицы о царевнѣ Персикѣ, дщери царя Михаила Болгарскаго“ и при ближайшемъ знакомствѣ оказывается пересказомъ чуда надъ царицей Галловъ или, иначе сказать, народною сказкою „Безручка“. Авторъ повѣсти имѣлъ подъ рукою, очевидно, религіозно-нравственное повѣствованіе, тона котораго и придерживался, составляя свою повѣсть. Въ сравненіи съ чудомъ надъ царицей Галловъ, повѣсть о царевнѣ Персикѣ представляетъ собою произведеніе, разукрашенное риторическими оборотами, наполненное длинными монологами и діалогами, очень трогательными и изысканными. Характеристика героини сдѣлана очень подробно: она изображается не только благочестивою и кроткою, но и образованною, и поражающей своимъ краснорѣчіемъ: „Дѣвица бо сущи огроумна изучися всякаго любомудрїа“... „она пришедши предъ краля, нача его премудрыми словесы поздравляти.. нача поздравляти всякими премудрыми витійскими украшенными словесы“... Въ этой характеристикѣ нельзя не отмѣтить вліянія традиціонной характеристики св. женъ въ религіозно-учительной литературѣ (Характ. св. влм. Екатерины, св. Ефросинїи Суздальской). Судьба героини этой повѣсти та же, что и въ народной сказкѣ: безъ рукъ, изгнанная, она встрѣчается съ королевичемъ, плѣняетъ его своей красотой, становится его женой, страдаетъ отъ козней мачехи и, наконецъ, за свое долготерпѣніе черезъ молитвы къ Пр. Богородицѣ исцѣляется и становится счастливою царицей. Составитель повѣсти заканчиваетъ ее не согласно съ религіозно-нравственнымъ повѣствованіемъ, а придерживаясь обычнаго сказочнаго заключенія: „тогда царь... вскорѣ повелѣ ю (мачеху) и со слугою ея привязати ко ошибу конскому и по стогнамъ града влачить ихъ“.

1) Сиповскій В. В. Рус. Повѣсти XVII—XVIII вв.

Сказочная тема ¹⁾, въ данномъ случаѣ остается восторнутой и новое литературное теченіе проявляетъ себя въ повѣсти о царевнѣ Персикѣ въ еще очень неумѣломъ стараніи изобразить психологическія тонкости: душевное состояніе увлекшагося юноши, ревнивой женщины, невинно угнетаемой. Развивая тему о преслѣдуемой дѣвушкѣ религиозно-нравственное повѣствованіе и изъ него образованная повѣсть уже не упоминаютъ о цѣлительной водѣ и не пользуются тѣми родственными отношеніями, которыя отмѣчены въ большинствѣ сказокъ. Въ сказкахъ главными лицами являются братъ и сестра, въ слѣдующихъ же литературныхъ формахъ—мачеха и падчерица. Второе соединеніе должно быть сочтено болѣе шаблоннымъ, лишеннымъ индивидуальности, между тѣмъ какъ отношенія брата и сестры, о которыхъ говоритъ сказка, черта оригинальная, хранящая отпечатокъ дѣйствительныхъ житейскихъ правъ брата надъ сестрой—слѣдь далекой эпохи.

Такую же судьбу, какъ и русская сказка, имѣла и ея параллель въ Зап. Европѣ. Пройдя религиозно-учительное повѣствованіе она стала повѣстью, въ которой свѣтскій элементъ занялъ болѣе мѣста, нежели религиозный, *Novella della figlia del re di Dacia* (изд. Ал. Веселовскаго) и *Rappresentazione di santa Uliva* (Al. d'Ancona) двѣ разновидности той сказки, которая въ русс. литературѣ названа „Безручкой“, а въ нѣмецкой „*Mädchen ohne Hände*“. Итальянскіе *Rappresentazione* и *Novella* воспользовались темою о преслѣдуемой невинной дѣвушкѣ, при чемъ весьма осложнили ее различными комбинаціями вновь введенныхъ подробностей. Знаменательная подробность о цѣлительной водѣ отсутствуетъ, замѣненная, какъ и въ русскихъ чудѣ и повѣсти, могуществомъ Пр. Богородицы; кромѣ того, въ итальянскихъ повѣстяхъ выставляется иная причина отрубленія рукъ, которая помѣщена также и въ сказку *Pentamerone I № 22*. Эта причина—противоестественное чувство брата (въ сказкѣ), отца (въ повѣстяхъ) къ сестрѣ, дочери, побуждающее ихъ искать брака съ героиней, которая противится и за это терпитъ жестокое истязаніе—лишается рукъ,—и. Эти видоизмѣненія въ западной параллели нашей сказки однако не нарушали цѣльности той нравствен-

¹⁾ Сказочная тема о преслѣдуемой дѣвицѣ.

ной идеи, которую издавна вложило въ сказку народное творчество и которая вывела эту сказку на новый для нея путь: добродѣтель послѣ тяжкихъ испытаній получила награду... „per la sua buona fede, la mano ch'ella avea lasciato a casa del padre suo, e accomandatala alla reina di paradiso, ella se la trovò come mai, piu bella e migliore“⁴. Novella della figlia del re di Dacia заканчивается увѣреніемъ въ истинности переданнаго: „Questa è una storia tratta delle antiche storie di Roma, esi conta di verità e fue vero... Указаніе на древнія повѣсти Рима, такъ же, какъ указаніе на какія-то греческія книги сербскаго сборника, заставляетъ думать, что общая традиція русской и западной повѣстей идетъ издалека и что введеніе народной сказки въ христіанскую учительную литературу должно быть отнесено къ очень ранней христіанской эпохѣ. За отсутствіемъ какъ „antiche storie di Roma“, такъ и греческихъ книгъ, на которыя ссылаются религіозно-правовучительныя повѣствованія, пока нельзя рѣшить, гдѣ произошло введеніе сказки въ новый литературный типъ—на Востокъ, или на Западъ, или же этотъ процессъ свершился независимо тамъ и здѣсь, но необходимо отмѣтить, что русская сказка въ своихъ новыхъ фазахъ оставалась болѣе неизмѣнною, нежели западная; пользовавшіеся ею р. книжники вносили въ нее менѣе искусственности, нежели западные. Въ заключеніе нужно сказать, что изъ двухъ основныхъ чертъ сказки—древняго пантеистическаго вѣрованія и нравственнаго воззрѣнія—послѣднее переживаетъ первое въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя приходится испытывать сказкѣ на ея разнообразныхъ и долгихъ путяхъ, и въ немъ, главнымъ образомъ, лежитъ залогъ жизненности и живучести сказочной традиціи.

Елена Елеонская.

5 янв. 1906 г.

Происхожденіе и дѣйствительное значеніе слова „тунгусъ“.

(Переводъ автора съ польской рукописи.)

Важное значеніе въ каждой наукѣ факта, вполне доказаннаго, возрастаетъ въ такой области, которая, какъ этнографія племенъ центральной и сѣверо-восточной Азіи, основывается на скудныхъ данныхъ.

Неминуемая гибель, угрожающая этимъ племенамъ, еще болѣе усиливаетъ нашъ интересъ ко всему, что ихъ касается. Остатки этихъ народовъ еще существуютъ, но врядъ ли многіе станутъ утверждать, что существовать будутъ долго. Какъ исчезли племена азановъ, ариновъ и другихъ, о которыхъ ничего не знаемъ и не узнаемъ никогда, исчезаютъ сойоты, карагассы, коряки и многія другія, и нельзя сказать, однако, что познанія наши именно объ этихъ, на глазахъ у насъ вымирающихъ племенахъ удовлетворительны.

Касаясь непосредственно только единичныхъ, какъ бы отрывочныхъ фактовъ, предлагаемые очерки связаны стремленіемъ проникнуть въ то отдаленнѣйшее прошлое тюркскихъ народовъ, которое можетъ сдѣлаться менѣе неизвѣстнымъ только при дружныхъ усиліяхъ лингвистики, этнографіи и археологіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что болѣе близкое знакомство съ таинственными нѣдрами Средней Азіи со временемъ дастъ и исторической наукѣ если и не обильный, то, во всякомъ случаѣ, точный историческій матеріалъ, но пока этого нѣтъ, пока возможно и противоположное предположеніе—что этого никогда не будетъ,—трудно воздержаться отъ попытки проникновенія въ эту заманчивую даль, тѣмъ труднѣе, что въ этой дали мелькаетъ еще болѣе

заманчивая, еще болѣе для насъ любопытная связь тюрковъ съ арійцами,—связь, восходящая въ эпоху, предшествующую открытію желѣза.

Мы далеки отъ мысли, что попытка наша увѣичается успѣхомъ, но мы увѣрены, что неуспѣшность ея не можетъ быть доказана никакимъ путемъ, кромѣ научнаго.

Очерки свои предлагаемъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они разрабатывались нами.

Бѣглый взглядъ на историческое развитіе нашихъ свѣдѣній о происхожденіи и значеніи названія „тунгусъ“ убѣдитъ насъ, что свѣдѣнія эти въ продолженіе цѣлаго столѣтія не подверглись никакой существенной перемѣнѣ. То, что знали объ этомъ названіи Штраленбергъ, Миллеръ, Георги, знаемъ и мы, но не болѣе. Имѣемъ два довольно полные свода данныхъ по этому вопросу—свода, раздѣленныхъ почти цѣлымъ столѣтіемъ: первый помѣщенъ въ книгѣ Іоганна Георги „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ російскомъ государствѣ народовъ“, изданной въ русскомъ переводѣ въ 1799 г., второй—въ диссертациі Карла Гикиша (Hiekisch) „Die Tungusen“, представленной дерптскому университету для полученія степени магистра географіи и статистики и изданной въ 1879 г.

Вотъ что находимъ въ первомъ:

„Тунгусы называютъ себя евойенами, потому что праотца ихъ звали Евойеномъ, также донками, а иногда, по примѣру многихъ сибиряковъ, и просто людьми (тунг. боге). Енисейскіе остяки и татара называютъ ихъ такъ, какъ и россияне тунгусовъ, произведши названіе сіе отъ слова Донки или отъ Тонгонъ, наименованія ихъ князька, либо отъ татарскаго слова Тунгусъ, свинья, которымъ названіемъ гордые татара хотѣли, конечно, изъяснить ихъ уничиженность и гадкое житѣе. Впрочемъ, называютъ ихъ манчжуры ссолонами, стрѣльцами и орончонами-оленоводцами, отъ слова Оронъ—Олень. Монголы же и бурята—Хамъ ногонами и ссолонами“¹⁾.

Сводъ, сдѣланный Гикишемъ, гораздо пространнѣе; то, что у Георги заняло десятокъ, другой строчекъ, разрослось у со-

¹⁾ Георги, Описаніе, ч. III, стр. 33.

временнаго писателя въ нѣсколько страницъ. Онъ цитируетъ болѣе дюжины писателей, извлекая даже древняго Масса (Исаакъ писалъ въ XVII столѣтіи на латынск. языкѣ). Вотъ сжатая сущность свода Гикиша ¹⁾:

„Тунгусы называютъ себя боя, бойз или быз, также называютъ себя и донки, что, по Клапроту, значить: люди. Прибайкальскіе зовутъ себя Öwen, Öwenki, что, вѣроятно, представляетъ имя какого-нибудь предка или родоначальника“. Упомянувъ затѣмъ и то, на что намекалъ и Георги, что названіе тунгусъ находимъ и у татаръ, отъ которыхъ оно перешло къ русскимъ, о самомъ этомъ названіи онъ приводитъ мнѣніе Штраленберга, который производитъ его отъ аринскаго „tjonga“—три и „kse“—родъ, что будто бы отвѣчаетъ раздѣленію тунгусовъ на три главные рода. Затѣмъ передаетъ мнѣніе Клапрота, который слово тунгусъ выводитъ изъ китайскаго тун-хе, названія, упоминаемаго еще до Рождества Христова; приводитъ и мнѣнія о происхожденіи этого названія отъ татарскаго слова тонгусъ—свинья, разнообразія ихъ свѣдѣніемъ какого-то досужаго изслѣдователя, что произошло это отъ обычая тунгусовъ приносить своимъ богамъ въ жертву это нечистое животное. Отмѣтивъ въ концѣ, что всѣ эти объясненія не выдерживаютъ критики, Гикишъ пробуетъ отыскать дѣйствительное значеніе названія, основываясь на предположеніи Кастрена о происхожденіи названій нѣкоторыхъ финскихъ племенъ.

Кастренъ именно обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что нѣкоторыя финскія племена приняли названія отъ тѣхъ водъ, по которымъ они жили. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, вѣрны ли предположенія Кастрена по отношенію къ племенамъ, о которыхъ онъ говоритъ, не можемъ не замѣтить, что подобныя названія вообще могутъ возникнуть какъ дифференцированіе нѣкотораго, въ извѣстной мѣрѣ, опредѣленнаго цѣлаго. Не ища далеко, и въ Россіи и въ Польшѣ встрѣчаемъ такія названія, какъ двиняне, бужане, бѣлоозерцы, наднарвяне и т. д., самый фактъ возникновенія которыхъ показываетъ, что въ сознаніи принявшихъ или получившихъ эти названія племенъ существуетъ понятіе болѣе широкое, болѣе общее, однимъ словомъ, то, что именно есть настоящее названіе народа.

¹⁾ С. Niekisch, Die Tungusen.

Гикишь, однако, принимаетъ это слабое предположеніе Кастрена въ основаніе своихъ выводовъ, но дѣлаетъ при этомъ еще повую, болѣе важную ошибку. Дабы получить возможность подойти со своими выводами къ теоріи Кастрена, онъ отбрасываетъ транскрипцію тунгусъ, а принимаетъ тингусъ (Tingus), ссылаясь на Масса и Вицена, которые слово это пишутъ „Tingoesen“ и „Tingoezcs“ (при чемъ голландское *oe*, по мнѣнію Гикиша, отвѣчаетъ звуку *и* (i)), и на Штраленберга, который утверждаетъ, что „тобольскіе и сибирскіе татары называютъ тунгусовъ не тунгузами, а тивгишами“¹⁾.

Такъ измѣнивъ транскрипцію слова, Гикишь производитъ его отъ татарскаго Tengis, Tingis, что означаетъ море или, вообще, каждое большое озеро²⁾.

Если къ этому своду прибавимъ еще новѣйшія свѣдѣнія, собранныя извѣстнымъ Потанинымъ: „что буряты зовутъ тунгусовъ камнагонъ и говорятъ, что тунгусы зовутъ сами себя гелюхенэ-камнагонъ“³⁾, „что анчарскіе буряты тунгусовъ, проживающихъ въ верховьяхъ р. Оки (лѣвый притокъ Ангары), зовутъ санхэ-зукденъ или зуктей“⁴⁾, а свѣдѣніе, находящееся у Риттера, что буряты зовутъ ихъ тоже кальджакшинъ, то получимъ все извѣстное понынѣ объ этомъ названіи.—Свѣдѣнія, приводимыя Потанинымъ и Риттеромъ, хотя и вовсе не разъясняютъ сущности вопроса, интересны въ томъ отношеніи, что косвенно подтверждаютъ тюркское происхожденіе названія. Бурятамъ, какъ видимъ, оно вовсе неизвѣстно.

1) Ссылка эта, впрочемъ, сдѣлана не безъ натяжки. Strahlenberg (Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asien, st. 51) говоритъ: „Wie sie von den Tobolskisch-Siberischen Tatare gennent werden Tingischen Nation und Classe“; а это—разница. Штраленбергъ говоритъ здѣсь только о тобольско-сибирскихъ татарахъ, а не о тобольскихъ и сибирскихъ, какъ передаетъ Гикишь.

2) Во избѣжаніе многословія и ссылокъ, мы воспользовались сводомъ Гикиша, но, вообще, должны замѣтить, что почтенный авторъ не отличается особенной точностью. Мы видѣли выше неумѣстную вставку и, точно такъ же и здѣсь, провозглашая якобы новое, авторъ забываетъ упомянуть, что тотъ же старинный Штраленбергъ упоминаетъ, что названіе Tingoesen происходитъ отъ Tengis. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, эта неточность не имѣетъ для насъ никакого значенія.

3) Г. Н. Потанинъ, Очерки С. З. Монголіи Ввен., IV, 25 стр.

4) Тамъ же, 754 стр.

Все это, вмѣстѣ взятое, вовсе не разъясняет происхожденія и значенія названія.

Возстановимъ сначала правильную транскрипцію слова.

Уже самъ фактъ, что громадное большинство или лучше всѣ изслѣдователи и путешественники, кромѣ выше-упомянутыхъ, записываютъ это названіе въ общепринятой транскрипціи тунгусъ, могъ бы быть вѣскимъ аргументомъ противъ Гикиша. Но этотъ способъ опроверженія при всей его легкости и кажущейся убѣдительности не будетъ наученъ. Быть можетъ, тѣхъ татаръ, кои выговариваютъ тингусъ, уже нѣтъ, а эти, кои нынѣ говорятъ тонгусъ, говорятъ неправильно?

Нужно поэтому болѣе вѣское доказательство, и мы приобретаемъ его, обратившись къ тѣмъ непреложнымъ и точнымъ законамъ, коимъ подчиняется фонетика тюркскихъ нарѣчій. Прибавимъ, что пользуемся фонетикой якутскаго языка, вполнѣ, какъ это доказано Бэтлингомъ ¹⁾, совпадающей съ фонетическими законами другихъ тюркскихъ нарѣчій. Въ тройкой транскрипціи названія Tongus, Tungus или Tingus, Тонгусъ, Тунгусъ, Тингусъ вторая гласная *и* = рус. *у*, признавалась и признается всѣми учеными и путешественниками, какъ звукъ, несомнѣнно существующій и согласный съ той чистой формой слова, въ какой оно существуетъ у создавшихъ его народовъ.

Зная это, можемъ легко, согласно законамъ гармоніи гласныхъ, найти предшествующую гласную.

Языкъ якутскій, равно какъ и другіе тюркскіе, передъ гласной *у* не допускаетъ гласной *и* (*i*), ей могутъ предшествовать только *о* или *у*. Транскрипція тингусъ не можетъ поэтому существовать въ дѣйствительности, и всѣ выводы Гикиша, основанные на ней, падаютъ сами собою. Единныя возможные комбинаціи, кои не противорѣчатъ законамъ гармоніи, есть формы: тонгусъ и тунгусъ.

Хотя нынѣ повсемѣстно принята форма тунгусъ, легко убѣдиться, что это чуждая тюркамъ передѣлка. Для этого достаточно найти несомнѣнную форму въ несомнѣнно-тюркскомъ, хотя бы только одномъ нарѣчій. Въ языкѣ якутскомъ названіе это

¹⁾ Ueber die Sprache der Jakuten von Otto Bühtlingk. S. Petersburg, 1848—51. 2. Lieferung.

звучить тонгусъ; такъ оно записано ученымъ знатокомъ языка Бэтлингомъ ¹⁾, такъ записано и знатокомъ практикомъ, Порадинымъ ²⁾, такъ оно произносится въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ великой земли якутской, живущихъ замкнутой жизнью цѣлыя столѣтія, успѣвшихъ обзавестись особыми говорами. Вѣрность передачи здѣсь, значить, несомнѣнна, а разъ это имѣется, то въ виду основного закона всѣхъ тюркскихъ языковъ, по коему корневые звуки словъ вездѣ и всегда сохраняются съ неприкосновенной чистотой, никакимъ перемѣнамъ не подвергаясь, единственно правильной и чистой транскрипціей этого наименованія слѣдуетъ признать якутскую форму—тонгусъ.

Правильность и чистота этой формы можетъ быть доказана и другимъ путемъ.

Фактъ, что вторая гласная *у* не подвергалась сомнѣнію, всѣми и всегда передавалась одинаково, удостовѣряетъ, что существованіе этого звука древнѣе возникновенія разногласій по отношенію къ первому, фактъ, что первая гласная сохранилась какъ звукъ *о* въ томъ тюркскомъ нарѣчіи, которое признано однимъ изъ древнѣйшихъ и чистѣйшихъ отпрысковъ тюрко-татарскихъ языковъ, удостовѣряетъ, что это *о* древнѣе попытокъ его измѣненія, а разъ это такъ, то попытки видоизмѣненія звука *о* въ *у* не тюркскія попытки, ибо тогда вышло бы, что предшествующая гласная ассимилировалась послѣдующей, что по законамъ фонетики невозможно. По законамъ этимъ послѣдующая гласная никогда не ассимилируетъ предыдущей, а наоборотъ, предшествующая ассимилируетъ послѣдующую.

Такимъ образомъ и отсюда слѣдуетъ тотъ же выводъ, что форма тонгусъ есть единственно-правильная и измѣняемой быть

¹⁾ Erste Lieferung Iakutisch—deutsches Wörterbuch, S. 96.

²⁾ Въ рукописномъ словарѣ якутскаго языка, находящемся въ библіотекѣ И. Р. Г. Об-ва, словарь этотъ, хотя и лишенный научныхъ достоинствъ словаря Бэтлинга, заслуживаетъ, однако, болѣе вниманія. Въ немъ замѣчательно много медицинскій или, точнѣе, анатомическій словарь. Порадись, если не ошибаюсь, мѣстный уроженецъ, вдобавокъ фельдшеръ, имѣлъ возможность сойтись близко съ такими туземными сферами, съ коими тамъ никогда или, по крайней мѣрѣ, не скоро никакой пріѣзжій интеллигентъ не сойдется. Лексическій матеріалъ, собранный Порадинымъ, безцѣнный. Сотни—другой словъ, коихъ, быть можетъ, уже никто не услышитъ, нельзя купить ни за какія деньги. Любопытно, въ какой мѣрѣ общество удовлетворило скромныя требованія убогаго автора?

не можетъ, пока не будетъ доказано, что законы гармоніи и замѣны гласныхъ не тѣ, кои нынѣ признаны наукой.

Утверждая такъ, я вовсе не утверждаю, чтобы названіе тонгусъ не могло появляться даже среди относительно чистыхъ тюркскихъ племенъ въ измѣненной формѣ. Возможны и употребляются, должно-быть, разновидности не только согласныя, но и вовсе не согласныя съ законами тюркской фонетики, какъ, напр., принятая европейцами форма тунгусъ. Племена тюркскія подвергались и подвергаются столь разнымъ и невыясненнымъ еще вліяніямъ, что отступленій и подчасъ значительныхъ отъ указанной чистой формы найдется немало. Возстановляемъ чистую ради отысканія дѣйствительнаго значенія загадочнаго названія.

Слово тонгусъ есть сложное и образовалось изъ двухъ самостоятельныхъ словъ: тонгъ (tong) и уосъ (üos), значеніе второго отыскать нетрудно; остается отыскать значеніе перваго.

Въ языкахъ якутскомъ и татаръ алтайскихъ находимъ многочисленную (сравнительно съ собраннымъ понинѣ лексическимъ матеріаломъ) группу словъ съ корнемъ тонг (tong). Группу эту по значенію словъ можно раздѣлить на три части:

Первая, самая многочисленная, состоитъ изъ словъ для выраженія понятія холода, но кажется первоначальнымъ значеніемъ корня было *твердѣть, длѣться твердымъ*. Вотъ эти слова:

1) Тонг, тонгобую як. мерзнуть забнуть, алт. тоже.

2) Тонг як. мерзлый, смерзшій, алт. мерзлый, крѣпкій, твердый, но въ якутскомъ яз. въ выраженіи тонгучча, по Бэтлингу и Уваровскому, значить вмѣстѣ ein Stockrusse.

3) Тонгот или въ соединеніи со словомъ хар тонгот хар, недавно, свѣже-смерзшій снѣгъ.

4) Тонгор, тонгоробун як. мерзнуть.

5) Тонгыр алт. заморозить.

6) Тонгу як. холодъ.

7) Тонгуй

8) Тонгунас } як. морозный, холодный.

Затѣмъ слѣдуютъ слова, обозначающія *стучаніе, рубку, шумъ*:

1) Тонгсуй як. стучать, шумѣть.

2) Тонглак алт. стучаніе.

3) Тонгогос и тонгсогой як. дятель.

4) Тонгуртка алт. дятель.

- 5) Тонгуо як. рубить.
- 6) Тонгу як. засѣвка для ловли оленей.
- 7) Тонгонох як. аршинъ.

Каждый знакомый съ сибирскими морозами согласится, что понятіе холода естественно здѣсь должно связываться съ понятіемъ специфическаго стука, шума, изъ которыхъ уже явилось дальнѣйшее понятіе рубки. Выраженія морозъ трескучій, *trzaskający*, до сихъ поръ употребляемая въ русскомъ и польскомъ языкахъ, легко убѣждаютъ въ логичности этой связи.

Въ послѣдней, наконецъ, части:

- 1) Тонгус як. Тунгусъ.
- 2) Тонгусту як. тунгускій.

3) Тонг извѣстное Бэтлингу въ такомъ выраженіи, какъ тонгнучча, но неправильно причисленное имъ къ тонг-мерзлый и не совсѣмъ правильно переведенное имъ однимъ только выраженіемъ *ein Stockrusse*.

Слова этого въ собранномъ пока (у Бэтлинга и Порадина) лексическомъ матеріалѣ нѣтъ и нѣтъ по той простой причинѣ, что слово это въ разговорѣ съ не-якутами почти не употребляется по его неудобопонимаемости. На вопросъ, понимаетъ ли якутъ по-русски, каждый изъ нихъ старательно высовываетъ языкъ, тыкаетъ въ него пальцемъ и, смѣясь, добродушно отвѣчаетъ: „тыла сыох“, что дословно значитъ: „языкъ нѣмой“. Ради удобопонимаемости якутъ коверкаетъ родную рѣчь и обозначаетъ свое незнаніе языка словомъ, которое служить для обозначенія нѣмого; непонимающій же по-якутски, но владѣющій способностью рѣчи, есть: тонг.

Слово это впервые было найдено мной въ спискѣ якутскихъ словъ, собранныхъ въ Верхоянскомъ округѣ г. Закомъ ¹⁾, но Бэтлингъ не зналъ истиннаго значенія этого тонг, которое вошло, какъ составная часть, въ сложное тонгнучча, и потому помѣстилъ его при тонг-мерзлый, руководствуясь исключительно совуціемъ, внѣшнимъ сходствомъ. Не могъ же онъ не знать, что для составленія сложнаго слова, отвѣчающаго сложному *Stockrusse*, нужно было народу пользоваться прилагательнымъ или словомъ, обозначающимъ вообще не одно только физическое

¹⁾ Жившимъ нѣсколько лѣтъ въ Верхоянскомъ округѣ, при томъ нѣкоторое время въ одной юртѣ съ якутами.

качество. Вѣдь, въ томъ же словарѣ ¹⁾ записано у него якутское выраженіе для обозначенія точно такого же сложнаго понятія, это цинг-саха что Бэтлингъ переводить ein Stock-Jakute, но входящее здѣсь цинг по тому же словарю значить: richtig, genau, vollkommen, Richtigkeit и т. д. Тонг въ выраженіи тонгнучча дѣйствительно есть дальнѣйшее развитіе тонг-мерзлый, но значеніе его въ этомъ сложномъ словѣ столь далеко отъ первоначальнаго, что пріобрѣсть его оно могло, перейдя извѣстную ступень.

Дѣйствительно, въ языкѣ народа, не склоннаго къ отвлеченному мышленію, тонг-мерзлый безъ осязаемаго реального перехода не могло принять столь отвлеченнаго значенія. Такой ступенью, возводящей простое реальное понятіе на болѣе высокую ступень, послужило слово тонгус.

Слово это сложное, состоитъ изъ двухъ словъ: тонг-мерзлый и ѱос (ѱos), что по Бэтлингу и Уваровскому ²⁾, значить губы, ротъ, а по Порадину—и это, какъ увидимъ, вѣрнѣе—верхняя губа. Тонг-ѱос первоначально означало: по отношенію къ человѣку, человѣка съ мерзлой, какъ бы отвердѣвшей губой, человѣка, говорящаго невнятно, неразборчиво, непонятно, человѣка не понимающаго по-татарски, по-якутски, однимъ словомъ, того человѣка, котораго древніе славяне называли *нѣмецъ*. Вѣрнѣйшій поэтому и кратчайшій для насъ переводъ этого слова будетъ: нѣмецъ—это истинное значеніе слова по отношенію къ человѣку.

По отношенію къ животному названіе это очень естественно послужило для наименованія того животнаго, которое рѣзко отличается устройствомъ своихъ губъ. Такое отличіе находимъ у свиньи, и тонгос и понынѣ у татаръ сибирскихъ означаетъ это животное. Въ виду того, что отвердѣніемъ отличается у нея верхняя губа, думаемъ, что передача значенія ѱос Порадинымъ вѣрнѣе. И естественно, если бы ѱос означало обѣ губы, оно не могло бы послужить для образованія названія, означающаго человѣка, говорящаго невнятно, непонятно: такой человѣкъ былъ бы почти нѣмой.

Какимъ же путемъ тонг приняло въ якутскомъ языкѣ значе-

¹⁾ 175 стр.

²⁾ Его же Wörterbuch, 41 стр.

ніе, въ коемъ не встрѣчаемъ этого слова у алтайцевъ. Отвѣтъ коротокъ: какъ отсутствіе извѣстныхъ условій, вычеркнуто изъ языка якутовъ слово тонгос-свинья, такъ наличность другихъ принудила ихъ къ обращенію собственнаго въ первоначальное нарицательное.

Дѣйствительно, тонгусъ, примѣняемое вначалѣ, какъ нарицательное, съ теченіемъ времени приурочилось къ извѣстнымъ опредѣленнымъ племенамъ, сдѣлалось собственнымъ, какъ славянское пѣмецъ.

Но въ то время, когда не только славянскія, но и всѣ другія тюркскія племена, первыя вслѣдствіе расширенія ихъ умственного кругозора и болѣе близкаго знакомства съ чужими народами, другія вслѣдствіе постоянныхъ столкновеній съ все новыми и новыми народностями, вскорѣ убѣдились въ неудобопримѣняемости одного общаго наименованія ко всѣмъ чуждымъ народностямъ и приурочили его къ той исключительно, знакомство съ которой вызвало появленіе самаго названія; въ то время когда и славяне и турки стали все болѣе и болѣе убѣждаться, что съ однимъ названіемъ пѣмецъ или тонгусъ разобратъся среди все новыхъ и все разныхъ иноземцевъ все труднѣе и труднѣе,—судьба бросила якутовъ въ страну, отрѣзанную отъ остальнаго міра человѣческаго непроходимыми пустынями. Въ странѣ этой никакихъ уже инородцевъ, кромѣ древнихъ знакомствъ—тунгусовъ, встрѣчать имъ до прихода русскихъ не приходилось, все не-якутское, непонятное очель удобно совмѣщалось съ тунгусскимъ. Когда поэтому явились новые, доселѣ невиданные иноземцы, якутъ естественно обратился къ единственному источнику, изъ котораго можно было почерпнуть наименованіе новаго знакомаго. Прибавимъ, что знакомые эти, придя въ очень незначительномъ количествѣ и долго поджидая подкрѣпленій, не покорили кроткаго племени ужасомъ; видимъ это и въ добродушномъ названіи огнестрѣльнаго оружія, прозваннаго якутами лающимъ оружіемъ. Кроткіе вначалѣ, пришельцы не получили поэтому ни названія дьяволовъ, какъ у бурятовъ, ни громометалей, какъ у чукчей, а названы прямо сначала тонгъ, а потомъ, когда стало извѣстнымъ ихъ тунгусское прозвище луччи,—тонгучча, дословно русскій тунгусъ. Только со временемъ тонгучча могло принять значеніе Stockkrussa.

Вѣдь, и въ Польшѣ и въ Россіи въ глухихъ участкахъ тоже, собственно говоря, нѣмецъ употребляется какъ нарицательное, и польскій и русскій мужикъ тоже готовы окрестить каждаго, говорящаго на непонятномъ имъ языкѣ, какимъ-то нѣмцемъ, т.-е. такъ, какъ якуты называли русскихъ.

Нельзя при этомъ, рассматривая происхожденіе и значеніе слова тонгус, не замѣтить того чувства деликатности, съ какимъ почти дикія племена оставались вѣрными дивнымъ законамъ, коимъ слѣдуютъ языки въ своемъ развитіи, пользуются этими законами для избѣжанія оскорбительныхъ синонимовъ.

Такъ первоначально тонгус, лишь только стало примѣняться къ человѣку и животному, должно было подвергнуться переработкѣ. Ассимилируя послѣднее *o* въ *y*, получилось тонгус, и это осталось названіемъ человѣка. Не желая же оскорблять этого человѣка, для обозначенія животнаго ассимиляція гласныхъ пошла дальше, а тонгус перешло въ тонгось. Естественно, что каждый обратитъ вниманіе на ту странную аналогію, съ какой племена славянскія и тюркскія наименовали своихъ ближайшихъ сосѣдей. Каждый легко тоже замѣтитъ, что турки окрестили своихъ тунгусовъ логичнѣе, чѣмъ мы нѣмцевъ. Мы людей говорящихъ называли нѣмцами, они — людьми, говорящими невнятно. Но аналогія здѣсь еще не оканчивается.

Первоначальная зависимость племень славянскихъ отъ воинственныхъ германцевъ произвела то, что слово славянинъ, *slavus*, сдѣлалось синонимомъ рабства и неволи. То же самое, можно предполагать, произошло и на отдаленнѣйшемъ востокѣ, только благодаря обратному положенію вещей въ обратномъ порядкѣ.

Тонгусскія племена были отовсюду тѣснимы воинственными и могучими тюрками, и слово тонгусъ дѣлается въ понятіяхъ господствующихъ тюрковъ синонимомъ того печальнаго состоянія, которое нѣмцы обозначали славянскимъ именемъ. Въ алтайскихъ нарѣчіяхъ находимъ одно слово, несомнѣнно, отсюда происходящее, это тонгкой *повалить внизъ, обезглавить*, гораздо выразительнѣе якутское тунгасын — *задушить, усмирить, заставить замолчать*, но о происхожденіи его отъ тонг не рѣшаюсь сказать что-либо, въ виду основного закона о неизмѣняемости корневыхъ звуковъ. Слово тонгкой есть пока единое, указывающее на воз-

возможность дальнейшей аналогии. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что, во-1-хъ, лексической матеріалъ турецкихъ нарѣчій пока очень не полонъ и, во-2-хъ, что уже почти три столѣтія сибирскіе турки живутъ рядомъ съ тунгусами на одинаковыхъ правахъ, что въ центральной Азіи это уравненіе началось еще 3 столѣтіями раньше, проводилось безпощадно и монголами и китайцами, и не одинъ изъ подобныхъ синонимовъ исчезъ, чтобы никогда уже не возродиться. Вотъ все, что можемъ теперь сказать о значеніи и по поводу значенія слова тунгусъ. Если примемъ во вниманіе, что турки появились на исторической аренѣ во времена, о которыхъ даже китайскіе лѣтописцы говорятъ скудно и сбивчиво, то уразумѣніе происхожденія и значенія наименованія, съ которымъ каждый изслѣдователь о современной и древней Азіи встрѣчается постоянно, окажется для насъ небезполезнымъ. Къ вопросу этому, впрочемъ, надѣемся еще вернуться, пока же ограничимся знакомствомъ съ именемъ этого симпатичнаго племени, благодаря языку котораго обнаружилось значеніе загадочнаго слова.

Адамъ Шиманьскій.

С М Ъ С Ь.

Изъ сибирской народной сатиры.

Среди мѣщанъ и мастеровыхъ г. Томска очень распространена приводимая ниже пѣсня. Она поется хоромъ, рѣдко въ одиночку. Пѣсня крайне любопытна, ибо содержитъ явную сатиру на монаховъ. Въ Сибири пѣсня эта имѣетъ большой смыслъ: несмотря на незначительное количество монастырей, они почти безъ братіи, которой зачастую наберется всего два—три человѣка, да и тѣ далеко не безупречнаго поведенія. Таковы были сибирскіе мужскіе монастыри и встарину, особенно въ XVIII в., когда братія формировалась изъ бывшихъ служилыхъ людей. Быть можетъ, сложилась эта пѣсня давно, но постепенно модернизируясь, она получила свой теперешній видъ, съ «трахмальными юбочками» и «золотыми часами».

На Сеѣнскихъ ¹⁾ горахъ,

Тамъ спасался монахъ.

Ахъ, жаль! ахъ, жаль!

Я жалѣю, что—монахъ...

Противъ неба, на востокъ

Монастырь стоялъ высокъ.

Ахъ, жаль! ахъ, жаль!

Я жалѣю, что—монахъ...

Меня мати родила

И въ монахи обрела.

Ахъ, жаль! ахъ, жаль!

Я жалѣю, что—монахъ...

Надѣвали каблукъ ²⁾ новый,

Самъ я—бѣлый, чернобровый.

Ахъ, жаль! ахъ, жаль!

Я жалѣю, что—монахъ...

Надѣвали синь кастанъ,

Золоты часы въ карманъ.

Ахъ, жаль! ахъ, жаль!

Я жалѣю, что—монахъ...

Миѣ монаху двадцать лѣтъ:

Я расцвѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ!

Ахъ, жаль, ахъ жаль!

Я жалѣю, что—монахъ...

Псалтыри я разбираю,—

Самъ я милу вспоминаю.

Ахъ, жаль! ахъ, жаль!

Я жалѣю, что—монахъ...

Я съ кадиломъ выхожу,—

Самъ на миленькихъ гляжу.

Ахъ, жаль! ахъ, жаль!

Я жалѣю, что—монахъ...

¹⁾ Сіонскихъ.

²⁾ Клобукъ.

Я на крылосѣ ¹⁾ стою,
 Громкимъ голосомъ пою.
 Ахъ, жаль! ахъ, жаль!
 Я жалѣю, что—монахъ...
 Оглянулся я назадъ—
 Тамъ двѣ барошни ²⁾ стоять:
 Ахъ, жаль! ахъ, жаль!
 Я жалѣю, что монахъ...

Трахмальные ³⁾ юбочки,
 Аленькія губочки...
 Ахъ, жаль! ахъ, жаль!
 Я жалѣю, что—монахъ...
 Еслибъ не былъ я монахъ,
 Полюбилъ бы двухъ заразъ!..
 Ахъ, жаль! ахъ, жаль!
 Я жалѣю, что—монахъ...

Запис. въ Томскѣ отъ А. Табанакова.

С. К—съ.

Коляда въ Ярославской губерніи.

Въ бытность мою въ деревнѣ Столыпино Городецкой волости Мологскаго уѣзда, находящейся на границѣ съ Пошехонскимъ у., мнѣ пришлось услышать въ первый день Рождества (1899 г.) пѣніе коляды. Заинтересовавшись этимъ остаткомъ старины, я записалъ текстъ со словъ пѣвшихъ ребятишекъ. Пѣніе (вѣрище выкрикиваніе) коляды происходитъ при слѣдующей обстановкѣ: ребятишки (мальчики и дѣвочки отдѣльно) собираются гурьбой и, остановившись подъ окномъ, выкрикиваютъ: «благослови, хозяинъ, подъ окошкомъ постоять, коляду разсказать!» и, обыкновенно не дождавшись разрѣшенія начинаютъ также выкрикивать самую коляду. Слова ея слѣдующія:

Что ходила коляда
 Накануиъ Рождества;
 Что искала коляда
 Государева двора.
 Государевъ дворъ
 На семи верстахъ,
 На восьми столбахъ.
 Что къ водѣ-то идутъ

Всѣ помыкиваютъ,
 Отъ воды-то идутъ
 Все поигрываютъ,
 На жерновѣ—пирогъ,
 Подавай—не ломай!
 На полицѣ—кошелекъ,
 Подавай—не считай!

Если хозяйка внимательно отнесется къ просьбѣ ребятишекъ и вынесутъ имъ кусокъ пирога или чего-другого, то имъ отвѣчаютъ за это пожеланіемъ: «сметаной бы доили, а масломъ бы цѣдили!» Въ случаѣ же отказа, по адресу хозяевъ сыплются ругательства и обратныя пожеланія «дегтемъ бы доили, а смолой бы цѣдили».

Такъ ребятишки обходятъ всю свою деревню. Собранныя подаянія дѣлятся между участниками поровну, при чемъ подаянія натурой переводятся на деньги.

А. Ф.

¹⁾ На кларосѣ.

²⁾ Барышни.

³⁾ Крахмальныя.

Прибаутки Ярославской губерніи.

же дереваѣ Столыпиннѣ я записалъ, со словъ мѣстныхъ дѣвушекъ, нѣсколько коротенькихъ четверостишій, называемыхъ *прибаутками* (въ отличіе отъ «*протяжныхъ*» пѣсенъ). Эти прибаутки—самыя распространенныя пѣсенки въ Городецкой волости; ихъ напѣваютъ даже малолѣтнія дѣти, дѣвушки же, посѣщающія бесѣды, знаютъ ихъ сотнями. Это и не удивительно, если принять во вниманіе краткость и потому легкость запоминанія ихъ и захватывающее, близкое молодому сердцу, содержаніе. Всѣ послѣднія событія въ деревнѣ, задѣвающія интересы молодежи, запечатлѣваются въ прибауткахъ. Незадолго до моего пріѣзда былъ такой случай: маслодѣль, имѣющій здѣсь скотный дворъ и сыроварню (такъ здѣсь называются маслодѣлки) угостилъ столыпинскихъ крестьянъ, съ которыми ему приходится часто имѣть дѣло по приемкѣ молока, обработкѣ земли и т. д. Случилось, что одинъ крестьянинъ выпилъ болѣе, чѣмъ слѣдовало, и отдалъ Богу душу. Слѣдствіе открыло, при какихъ обстоятельствахъ умеръ крестьянинъ. А надо сказать, что мѣстный земскій начальникъ энергично преслѣдуетъ пьянство и, главнымъ образомъ, выпивку насчетъ общественныхъ доходовъ. Услышавъ объ этомъ происшествіи, онъ велѣлъ старостѣ переписать всѣхъ, кто пилъ общественную водку, и вотъ въ число пившихъ попали даже дѣвицы, не отстающія въ такихъ случаяхъ отъ родителей. Тогда одна изъ нихъ составила пѣсенку (№ 37); ей же принадлежитъ нѣсколько другихъ приводимыхъ ниже прибаутокъ.

П Р И Б А У Т К И:

1. Я стояла у вагона
И читала дорогомю:
«Оставляешь, милый мой,
Ни солдаткой, ни вдовой».	5. Что къ Воятицамъ дорожка,
Листъ осиновый лежитъ,
По охотѣ выйду замужъ,
По неволѣ нужно жить.
2. Неужели же не парочки
Съ тобой, мой дорогой?
Живемъ въ деревенькѣ одной,
Свиданье рѣдкое съ тобой.	6. Говорила я ему,
Милому игровому:
«Мимо домику съ тальяночкой
Играй по мѣму».
3. Неужели это сбудется
Въ нынѣшнемъ году,
Золотой вѣнецъ надѣбнуть
На головушку мою?	7. Прилехеня, милый Вася,
Перетерпѣла много басенъ,
Много слезъ
Изъ-за тебя, паршивый песъ.
4. Я не утка, ты не гусь,
Плавать не умѣю,
Не скажу, въ какомъ дому
Милаго имѣю.	8. Я сойду, порасшатаю
Въ полюшкѣ рябинушку,
Посажу, позавлеку
Нынѣшнюю зимушку.

9. Миленькій куражится,
Уваги дожидается.
Уважу кошку и kota,
Тебѣ, милый, никогда.
10. Пуцай нишеть на бумагѣ
Старшина за денежки,
Молодого писаря
Полюбили дѣвушки.
11. Отъ Берегова канава,
По канавѣ-то отава,
По отавѣ-то слѣды,
Ходилъ съ тальяночкой сюды.
12. Прихехенечка ты мой,
На что ты спонадѣлся:
Не красивѣ лицомъ
На товарку кинулся.
13. Ты играй, моя тальяночка,
Веселѣ для меня,
Чтобы весело милашечкѣ
Сидѣть возмѣ меня.
14. Не ругайте за его,
За дорогого моего;
Посижу пока молоденькая,
Отстану отъ него.
15. Прихехенька Всеволодъ,
Позаморозилъ у воротъ,
Заверни въ поддевочку
Молоденькую дѣвочку.
16. Отъ Кулиги до Мологи,
Всѣ деревни обошелъ,
Лучше Лунина деревни
Подаянья не нашелъ.
17. Запрягу я кошку въ ложку,
А собаку въ тарантасъ,
Посажу свою Акульку
Всѣмъ ребятамъ на показъ.
18. Подержи, родимый батюшка,
Во строгости годокъ;
Поразстроился у дѣвушки
Молоденькій умокъ.
19. Два любые, оба Вани,
Не скажите оба мамѣ:
Заругаетъ, забранить,
Велить обѣихъ позабыть.
20. Тятка, милый, милый мой,
Меня сваталъ становой.
- Посижу годочка два,
Становихой буду я.
21. Вы, родители, я въ Питерѣ
Сударушку завелъ,
На сударушку, родители,
Всѣ денежки извелъ.
22. Не судите, бабоньки,
Не судимы будете;
Не поминайте милаго,
Скорѣ позабудете.
23. Не хотѣлось мнѣ, дѣвушкѣ,
На улицу идти:
Ни въ артели, ни на улицѣ
Любого не найти.
24. Хороша дѣвочка Маша,
Маша старостина дочь.
Купили Машенькѣ гостинца
Провожать кажинну ночь.
25. Напишу писемышко
Милашкѣ на суденышко,
Напишу письмо туда,
Не выгружаютъ ли суда.
26. Что-не-что мнѣ не плясать,
Что мнѣ не топнуть?
У милашки домъ худой,
Жердочки не лопнуть.
27. Вѣтеръ дуеть-то,
Подуваетъ-то,
Милый любить-то,
Забываетъ-то.
28. Въ Городкѣ-то-ли дороженька,
Поставленъ огородъ.
Не пиши, милашка, письма,
Не пошлю наоборотъ.
29. Приневольили родители
Икону цѣловать.
Я заплакала, сказала:
«Дайте годикъ погулять».
30. Бабы въ бабахъ каются,
Дѣвки замужъ ладятся,
Это вамъ не миновать,
Придется сборникъ надѣвать
31. Молотить не молотили,
Только груди почали,
Не судите, бабы дуры,
У которыхъ дочери.

32. Я слышала игру,
Рѣзнуло сердечко.
Свою товарку подь бочокъ:
«Выйдемъ на крылечко».
33. Прихехелечка, постой
У вереснички густой.
У бѣленькаго камушка
Постой, моя сударушка.
34. Не послѣднее ли лѣто
Эту травушку кошу,
Не послѣднюю ли зиму
На бесѣду похожу?
35. Не судьба ли менѣ, дѣвушкѣ:
Приснилася во снѣ
Рубашка бѣла, грудь повышлата,
Тальяночка въ рукѣ.
36. Подь коровушку садилася,
Правой титьки не нашла;
Лѣвая попалася,
Съ дуракомъ связалася.
37. Сыроварня на углу,
Велико украшеньице,
На столыпинскихъ дѣвицъ
Написано прошеньице.
38. Сыроварки намолили
Холодную зимушку,
Какъ недолго погулять
За Бузьму недѣлюшку.
39. По бережку идучи,
Рыбкою идучи,
Славы, горя претерпѣлъ,
Ничего не знаючи.
40. Моя русая коса
На картинѣ списана,
Неужели не попасть
За Васеньку за писаря?
41. Неужли не понимаешь
Что тѣ дома говорятъ.
Твои родители, миленочекъ,
За что меня бранятъ.
42. Прихехеньку мою сватають,
Пойду на перебой.
Возьму нову итальяночку,
Товарища съ собой.
43. Играй, тальяночка, наразъ,
Съ молодымъ позанилася.
Дѣвушкой посканлася,
Молода прославилася.
44. Итальяночку подь полку
Латата гулять на горку.
Ой-ой-ой какая даль,
До чего любого жаль!
45. Неужели буду каяться
Духовному отцу?
Неужели же достануся,
Солдату подлецу?

Критика и библиографія.

Ehrenreich, P. Die Mythen u. Legenden der südamerikanischen Urvölker u. ihre Beziehungen zu denen Nordamerikas u. der alten Welt. Berl, 1905. Suppl. z. Ztsch f. Ethnologie 1905.

Передъ нами небольшая (102 стр.), но чрезвычайно содержательная работа спеціалиста по этнографіи южно-американскихъ индѣйцевъ. Собираніе мифовъ и преданій народовъ Южной Америки привлекло вниманіе ученыхъ сравнительно лишь недавно. Оно производилось, при томъ же, далеко не съ такой ревностью, какъ среди индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки, гдѣ подобное собраніе дало богатѣйшіе результаты, позволивъ выяснитъ отношеніе мифовъ къ религіознымъ воззрѣніямъ и мистеріямъ племени, также и значеніе мифовъ для искусства и символикки. Прочно установленное положеніе о связи мифовъ и преданій сѣверо-западнаго побережья Америки съ таковыми же у народностей сѣверо-восточной Азіи—было другимъ важнымъ результатомъ изученія народнаго творчества сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Собранный въ Южной Америкѣ матеріалъ не даетъ пока возможности выставить много ясныхъ положеній. По выраженію самого автора настоящей работы, его изслѣдованіе больше поставило, чѣмъ разрѣшило вопросовъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать цѣнность труда Эренрейха, именно благодаря тому, что онъ намѣтилъ эти вопросы, а также сумѣлъ и отвѣтить на нѣкоторые изъ нихъ, весьма интересные для занимающихся мифологіей малокультурныхъ племенъ. Прежде всего заслуживаетъ вниманіе методъ Эренрейха. Тщательное знакомство съ литературой предмета, разумеется, является первымъ требованіемъ подобнаго изслѣдованія, и Эренрейхомъ просмотрѣна вся литература о народахъ Южной Америки. При этомъ оказалось, что и въ сочиненіяхъ XVI и XVII вв. встрѣчаются, хотя и отрывочныя, но все же интересныя свѣдѣнія о мифологіи южно-американскихъ народовъ. Какъ извѣстно, старинныя сочиненія о Южной Америкѣ испанцевъ-завоевателей и монаховъ-просвѣтителей даютъ, кромѣ того, богатый матеріалъ, по которому можно прослѣдить передвиженія южно-американскихъ племенъ, а это проливаетъ свѣтъ и на пути распространенія преданій.

Далѣе, Эренрейхъ подробно характеризуетъ содержаніе южно-американскихъ мифовъ. Детально прослѣжены имъ мифическія представленія о солнцѣ и прочихъ свѣтилахъ, о метеорологическихъ явленіяхъ, сотво-

решіи міра, всемірномъ потопѣ и пожарѣ, небѣ и землѣ, родоначальникахъ культурныхъ и герояхъ, солнцевыхъ сыновьяхъ, чудесныхъ рожденіяхъ, добываніи (похищеніи) огня и пр. Выдѣлены имъ также въ южно-американскихъ мѣоахъ типы и мотивы, получившіе опредѣленные названія въ мѣологической литературѣ: Симплегады, Гэнзель и Гретель, дѣвица Лебедь, цѣпь изъ стрѣлъ и пр.—это облегчаетъ ихъ сопоставленіе съ преданіями и сказками другихъ материковъ. Въ высшей степени интересной является сдѣланная Эренрейхомъ общая характеристика мѣоовъ южно-американскихъ народовъ. Ей онъ предпосылаетъ свой собственный взглядъ на созданіе мѣоовъ народной фантазіей. По мнѣнію Эренрейха, который причисляетъ себя (съ нѣкоторыми ограниченіями) къ сторонникамъ Зикке (Siecke, Liebesgeschichte d. Himmels. Strassb. 1892 и *Mythologische Briefe*, Berl. 1901), «мѣоъ является выраженіемъ реальныхъ, конкретныхъ представленій». Первобытный человекъ говорилъ объ явленіяхъ природы, когда онъ ихъ видѣлъ; при этомъ «уже при простомъ описаніи явленій природы языкъ развивалъ присущую ему силу творить мѣоы, такъ какъ человекъ могъ изображать эти явленія лишь въ тѣхъ выраженіяхъ, въ которыхъ онъ говорилъ о своей собственной дѣятельности». Первобытный мѣоъ обыкновенно лишь мѣоъ объ явленіи природы (*Naturmythe*); поэтому число первобытныхъ мѣоовъ (*Urmythe*) весьма ограничено. Первобытная мѣологія низко стоящихъ въ культурномъ отношеніи племенъ совершенно еще независима отъ религіозныхъ представленій, «если подъ названіемъ религіи понимать что-либо болѣе чѣмъ грубый анимизмъ, страхъ передъ духами и вѣру въ колдовство». Для того, чтобы грубые мѣоы объ явленіяхъ природы развились до мѣологической системы, въ которой дѣйствующія въ мѣоѣ силы (*Agenzien*) индивидуализировались бы и стали божественными личностями, требуется развитіе культа и ритуала. Огромное же различіе между индѣйцами Южной и Сѣверной Америки заключается именно въ томъ, что у первыхъ, въ противоположность вторымъ, весьма мало развиты религіозныя идеи и проявленія культа въ обрядахъ. Какъ извѣстно, религію «въ смыслѣ вѣры въ боговъ, поддерживаемую культомъ при посредствѣ жреческаго сословія, обособленнаго отъ обыкновенныхъ шамановъ-колдуновъ», мы встрѣчаемъ въ Южной Америкѣ только въ области Андъ. Анимизмъ, по мнѣнію Эренрейха, т. е. вѣра въ то, что все въ природѣ обладаетъ жизнью, на самыхъ низшихъ ступеняхъ культуры уже терпитъ измѣненіе въ томъ смыслѣ, что человекъ, благодаря ежедневному опыту, становится весьма скоро ясной разницей между дѣйствительно живымъ и неживымъ. На этой ступени развитія анимизмъ живетъ доселѣ у южно-американскихъ народовъ, такъ какъ у индѣйцевъ Сѣверной Америки онъ сильно эволюционировалъ подъ вліяніемъ культа мертвыхъ, вѣры въ духовъ и пр. Мѣсто дѣйствій южно-американскихъ мѣоовъ—страны, далеко отстоящія отъ моря. Лишь въ мѣоахъ перуанцевъ и населенія Антильскихъ о-въ сказывается знакомство съ моремъ. Большую роль въ преданіяхъ играютъ рѣки, что обуславливается ихъ выдающимся значеніемъ въ жизни южно-американскихъ племенъ. Отдѣль-

ныя вершины горъ и скалы, рѣдкія сравнительно въ Южной Америкѣ озера вызвали къ жизни преданія, относящіяся къ нимъ. Окружающая природа и растительность положили свою печать на созданія народной фантазіи. Въ мѣстностяхъ, покрытыхъ дремучими лѣсами, преобладаютъ сказанія о лѣсныхъ духахъ и сказочныхъ животныхъ, въ преріяхъ, подверженныхъ засухѣ и грандіознымъ паламъ, развились мѣны о всемирномъ пожарѣ. Охарактеризовавъ, такимъ образомъ, южно-американскіе мѣны, Эренрейхъ пытается классифицировать ихъ. Онъ намѣчаетъ три цикла преданій, каждый съ особыми присущими ему мотивами: 1) тупигуаранскій циклъ, 2) аровакскій и 3) караибскій. Издавна между отдельными народами Южной Америки имѣло мѣсто живое взаимодействие.

На островахъ и побережьи Антильскаго моря, въ Гуйянь, по р. Ориноко и его притокамъ соприкасались и вліяли другъ на друга караобы, ароваки и варроу. Въ центральной Бразиліи, — караобы, ароваки, суйя (изъ народовъ Гесъ), трумаи. Въ области средняго теченія Ріо-Негро и его западныхъ притоковъ ароваки и караобы имѣли сношенія съ племенами бетойя. Особенно же важно въ вопросѣ распространенія мѣновъ вліяніе ароваковъ. Женщины изъ племенъ ароваковъ, похищенныя карабами и взятыя мирнымъ путемъ другими племенами, ознакомили, какъ теперь установлено, многіе южно-американскіе народы съ гончарнымъ искусствомъ и воздѣлываніемъ мандіокки. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ же содѣйствовалъ знакомству новыхъ своихъ соплеменниковъ съ преданіями родного племени.

Особенное вниманіе Эренрейхъ посвящаетъ вопросу о возможномъ переходѣ мѣновъ Сѣверной Америки въ Южную. Указавъ на два противоположныхъ теченія въ объясненіи причины существованія въ разныхъ отдаленнѣйшихъ другъ отъ друга мѣстностяхъ земного шара одинаковыхъ мѣноческихъ сюжетовъ и сказочныхъ мотивовъ: на теорію заимствованія и теорію самостоятельнаго возникновенія однихъ и тѣхъ же идей и представленій у различныхъ отраслей человѣческаго рода, Эренрейхъ относительно мѣновъ Америки считаетъ возможнымъ оба явленія: самостоятельное возникновеніе и заимствованіе сюжетовъ. Если принять одну только теорію заимствованій, пришлось бы заключить, что народы и племена, тысячелѣтія обитавшіе Южную Америку, не сумѣли самостоятельно выработать себѣ мѣноческихъ представленій, это, очевидно, немислимо. На самомъ же дѣлѣ сходство и даже тождество мѣноческихъ мотивовъ можетъ объясняться тѣмъ, что одно и то же явленіе природы вызываетъ одни и тѣ же представленія и объясненія въ различныхъ мѣстностяхъ. Съ другой стороны, сходные иногда мотивы имѣютъ въ сущности разныя основанія. Напримѣръ, мѣны о людяхъ, скрывающихся подъ звѣриннымъ образомъ и становящихся людьми вполнѣ лишь послѣ сожженія покрывающей ихъ шкуры, можно, по мнѣнію Эренрейха, причислять къ мѣнамъ астральнымъ; съ другой стороны, нѣкоторые изъ нихъ несомнѣнно возникли изъ вѣры въ оборотней. Но возможность заимствованія сюжетовъ нельзя отбросить совершенно. Дѣйствительно, новѣйшія этнографическія изслѣдованія открыли пути распространенія отъ одного

материка къ другому различныхъ типовъ оружія, орудій и другихъ предметовъ матеріальной культуры. Произведенія духовной культуры распространялись съ еще большей легкостью между народами, при чемъ оба явленія совершенно независимы другъ отъ друга. Пути странствованія сказочныхъ мотивовъ не всегда легко бываетъ прослѣдить, потому что мотивъ нерѣдко возвращается въ область своего возникновенія и снова пускается обратно въ путь. Такъ, по мнѣнію Эренрейха, въ глубокой древности индогерманскіе народы принесли съ собой въ Европу сказочные мотивы изъ своей прародины, быть можетъ, уже запечатлѣнные вавилонскимъ вліяніемъ. Во время македонскихъ войнъ греческія преданія хлынули волной въ Азію и въ Индію, а въ средніе вѣка при посредствѣ арабовъ индійскія сказки обогатили вновь народное творчество европейскихъ народовъ. На югъ и востокъ Азіи, въ Малайскомъ Архипелагѣ и въ Японіи точно также перекрещиваются пути передвиженій индійскихъ, китайскихъ и малайскихъ элементовъ. Велико было также и вліяніе Ислама, благодаря которому въ Индію и Индокитай проникли преданія семитовъ и персовъ. Не только географическое положеніе страны обуславливаетъ заимствованіе въ области народнаго творчества, но также и историческіе, и культурно-историческіе моменты: переселеніе народовъ, торговля, образованіе колоній, ввозъ рабовъ, религиозное движеніе и пр. Какъ ни трудно прослѣдить распространеніе сказочныхъ сюжетовъ, относительно Азіи можно, по мнѣнію Эренрейха, намѣтить движеніе ихъ по периферіи, принимая за центръ Индію и переднюю Азію. Широкое распространеніе буддизма сыграло и въ этомъ отношеніи выдающуюся роль. Что касается до Америки, то проникновеніе въ нее азиатскихъ мотивовъ черезъ Беринговъ проливъ и Алеутскіе острова и движеніе ихъ съ сѣвера на югъ является совершенно естественнымъ и уже доказано. Проникало ли азиатское вліяніе въ материкъ Нового Свѣта черезъ Полинезію—пока стоитъ еще открытымъ вопросомъ. Особого вниманія заслуживаетъ изученіе европейскаго вліянія на южно-американскія сказки во времена, слѣдующія за открытіемъ Америки. Вліяніе это въ Южной, а также и въ Сѣверной Америкѣ болѣе значительно, чѣмъ принято предполагать. Наконецъ, Эренрейхъ не исключаетъ возможности вліянія нормановъ, посѣщавшихъ побережья Сѣверной Америки, на народное творчество индѣйцевъ. Интересно особенно прослѣдить взаимодѣйствіе азиатскихъ и американскихъ мифовъ и сказокъ, доказанное трудами Боаса и В. Г. Богораза. Для того, чтобы точно прослѣдить путь сказанія между двумя далеко отстоящими другъ отъ друга мѣстностями, требуется найти промежуточные этапы. При этомъ мотивы въ сказаніи должны быть дѣйствительно тождественными и повторяться въ одинаковыхъ комбинаціяхъ. На всемъ длинномъ пространствѣ, раздѣляющемъ крайнія сѣверныя племена Америки отъ жителей Южной, можно найти нѣсколько этаповъ, пройденныхъ однимъ и тѣмъ же сказаніемъ. Если прослѣдить далѣе путь, въ Азіи, мы найдемъ однородные мотивы не только у арктическихъ народовъ этого материка, но также и въ Японіи. Матеріалъ, доставляемый намъ Японіей, является

необычайно цѣннымъ; существуютъ записи легендъ и преданій въ японской литературѣ, которыя оказываются наиболѣе древними изъ записанныхъ въ восточной Азій и Америкѣ.

Скромная на видъ работа Эренрейха, произведенная имъ съ добросовѣстной тщательностью, дала ему возможность выставить нѣсколько интересныхъ положеній. Если культура народовъ Америки и отличается рѣзкой своеобразностью, зато народное творчество ихъ, наоборотъ, хранитъ слѣды различныхъ вліяній. Изъ этого слѣдуетъ, что переходъ, между прочимъ, азіатскихъ сказочныхъ мотивовъ въ Америку совершился тогда, когда народы Америки выработали свою собственную культуру. Азіатскіе мотивы встрѣчаются чаще и въ болѣе чистомъ видѣ въ народномъ творествѣ низшихъ племенъ, какъ, напримѣръ, въ перуанскихъ мѣстныхъ мѣоахъ временъ до владычества инковъ. Несмотря на сравнительную недостаточность матеріала, Эренрейху удалось намѣтить, какъ было указано выше, нѣсколько мѣологическихъ цикловъ въ Южной Америкѣ, также нѣсколько областей распространенія мѣоовъ. Такъ племена типичны и ароваковъ распространили свои преданія по всему теченію р. Амазонки, также и р. Ориноко. Вліянію же Перу шло на востокъ и югъ (исключая самую южную часть материка).

В. Х—на.

Joseph Bédier. Les plus anciennes danses françaises.

Въ январской книжкѣ *Revue des deux mondes* (15 Janvier 1906) помѣщена интересная статья Жозефа Бедье о стариннѣйшихъ французскихъ танцахъ. Танцы эти происходили подъ пѣніе пѣсень, назначеніе которыхъ было разъяснять пантомиму танцевъ. Цѣликомъ пѣсни, подъ которыя танцы велись, не сохранились; строфы изъ нихъ встрѣчаются въ средневѣковыхъ романахъ (*Guillaume de Dole, La Violette*) въ текстѣ описаній придворныхъ празднествъ. Отрывки этихъ пѣсень собраны вмѣстѣ г. Alfred Jeanroy, и, благодаря изслѣдованіямъ его и Гастона Париса, можно до нѣкоторой степени возстановить цѣликомъ нѣкоторые древніе средневѣковые французскіе танцы. Тексты пѣсень не восходятъ далѣе 13-го в., но обычай вести танецъ подъ пѣсню, по замѣчанію г. Бедье, существовалъ и ранѣе, а средневѣковые танцы—это продолженіе стариннѣйшихъ народныхъ французскихъ танцевъ. Пѣсни, подъ которыя шелъ танецъ при дворахъ феодальныхъ владѣльцевъ, обыкновенно отдѣлывались и варьировались профессиональными поэтами; схема этихъ пѣсень проста: всю пѣсню пѣли главные дѣйствующія лица (танцующая женщина и вызванный ею мужчина), а хоръ повторялъ одинъ и тотъ же припѣвъ (кругъ взявшихся за руку мужчинъ и женщинъ). Какъ назывались танцы и какъ они исполнялись, говоритъ текстъ средневѣковыхъ романовъ, изъ котораго и можно заключить, что танцы эти представляли собою нѣчто вродѣ небольшого, но законченнаго балетнаго представленія, въ которомъ иногда участвовала не пара танцующихъ, а болѣе. Нѣкоторые танцы были особенно любимы, такъ какъ

описанія ихъ попадаются во многихъ средневѣковыхъ романахъ, и пѣсни, подъ которыми они исполнялись, почти цѣликомъ сохранины въ текстѣ. Къ такимъ танцамъ относится одинъ подъ именемъ „Bele Aelis“, которому Гастонъ Паризъ посвятилъ отдѣльную замѣтку «Bele Aalis», помѣщенную въ *Mélanges de Philologie romane dédiés à C. Wahlund*, Мâcon 1896. — Нѣкоторые танцы, если судить по названію и сохранившимся отрывкамъ пѣсней, исполнялись съ какимъ нибудь предметомъ въ рукахъ, напр. *Chapelet de fleurs* (цвѣточные четки). — Къ сожалѣнію тексты средневѣковыхъ романовъ, описывая тотъ или другой танецъ, не всегда приводятъ сопровождающую ихъ пѣсню, поэтому трудно судить, какова она была и поскольку сохранила въ себѣ древній народный характеръ. Заклѣчиваетъ г. Бедье свою статью, которая главнымъ образомъ представляетъ перечень старинныхъ балетобразныхъ танцевъ, замѣчаніемъ, что современные танцы французскихъ крестьянъ могутъ быть разсматриваемы, съ достаточною долею вѣроятности, какъ упрощеніе средневѣковыхъ придворныхъ танцевъ.

Е. Е.

Morris Jastrow: Die Religion Babyloniens und Assyriens. 8 Lieferung.

Въ появившемся (8-мъ) выпускѣ серьезной работы американскаго проф. Ястрова, о которой въ свое время говорилось на страницахъ Этногр. Обозрѣнія, помѣщены покаянныя молитвы и жалобныя умолиствительныя пѣсни (*Klagelieder*). Тѣ и другія не имѣютъ рѣзкаго различія и, начинаясь прославленіемъ боговъ, заключаютъ въ себѣ сокрушеніе о грѣхахъ и прошенія, цѣль которыхъ умолиствителенъ грядущій гнѣвъ боговъ. Очень большое количество этихъ пѣсней заставляетъ предполагать цѣлый ритуалъ умолиствленія боговъ, въ которомъ главная роль, вѣроятно, принадлежала царю; ему въ уста вкладывались эти умолиствительно-покаянныя пѣснопѣнія, которыми имѣлось въ виду отвратить надвигающіяся бѣдствія.

Авторъ даетъ подробное и точное изслѣдованіе вышепоименованныхъ пѣсней, въ связи съ тѣми событіями, которыя вызывали покаяніе и прошенія. Приводимые тексты даютъ возможность хорошо ознакомиться съ вновь открытымъ богатымъ литературнымъ матеріаломъ древняго культурнаго народа. Въ этихъ, сохранившихъ слѣды дѣйствительныхъ историческихъ событій, пѣснопѣніяхъ вскрывается передъ нами не только поэтическое творчество древнихъ ассирійцевъ, но и ихъ религіозныя воззрѣнія, ихъ бытовыя особенности. Покаянныя и умолиствительныя пѣсни стоятъ въ тѣсной связи съ заклинаніями, которыя въ большинствѣ случаевъ являются заключительными строфами излагаемыхъ молитвъ. Эти пѣснопѣнія обращены къ различнымъ божествамъ (богамъ и богинямъ) и такимъ образомъ могутъ служить матеріаломъ для опредѣленія состава древнеассирійскаго пантеона и соотношенія его членовъ. — Обильный ма-

териалъ, изложенный проф. Ягровымъ, является прекраснымъ подспорьемъ при изученіи исторіи религій и можетъ послужить для новыхъ интересныхъ заключеній.

Е. Е.

Adolf Harnack: Reden und Aufsätze. B. I. 1906.

Извѣстный профессоръ церковной исторіи А. Гарнакъ недавно издалъ сборникъ своихъ въ разное время печатанныхъ статей, между которыми обращаетъ на себя вниманіе статья «*Legenden als Geschichtsquellen*». Въ ней авторъ затрагиваетъ интересный вопросъ о происхожденіи легенды и ея соотношеніи съ дѣйствительностью. Проф. Гарнакъ опредѣляетъ легенду, какъ «сужденіе объ исторіи (истор. фактъ, лицѣ) въ формѣ историческаго разсказа» (*Beurteilung der Geschichte in der Form der Geschichtserzählung*), сужденіе полное преувеличенія. Это преувеличеніе является неизбежнымъ вслѣдствіе того, что легенда имѣетъ своею цѣлью словами и изображеніемъ вызвать то сильное впечатлѣніе, которое было въ свое время получено отъ историческихъ лица или событій. Какъ историческій источникъ, легенда, по мнѣнію автора, не имѣетъ значенія, но интересна, какъ показатель впечатлѣній, вынесенныхъ отъ дѣйствительныхъ событій.

Оригинальныя, останавливающія вниманіе опредѣленія и замѣчанія проф. Гарнака могутъ имѣть цѣнное значеніе для изслѣдователей произведеній народнаго творчества, легендарныя и сказочныя черты котораго не разъ заставляютъ обращаться къ вопросу о взаимодѣйствіи дѣйствительности и воображенія.

Е. Е.

И. Кузнецовъ - Красноярскій. Рафли. Памятники старинной русской письменности. Томскъ. 1905. 14 стр. 8°.

Авторъ этой брошюрки принадлежитъ къ числу немногихъ въ Сибири усердныхъ собирателей старины, которую онъ не хранитъ подъ спудомъ, а публикуетъ по мѣрѣ возможности. Въ свое время онъ издалъ написанный *Д. А. Клемяномъ* трудъ—«Древности Минусинскаго музея», съ атласомъ; потомъ онъ выпустилъ свой большой трудъ «Древнія могилы Минусинскаго округа», съ массой рисунковъ и издалъ два выпуска «Историческихъ актовъ XVII столѣтія» (1630—1699), относящихся главнымъ образомъ до Сибири. О другихъ его изданіяхъ я не упоминаю.

Изъ предисловія къ разсматриваемой брошюркѣ видно, что у г. Кузнецова-Красноярскаго скопилось порядочное собраніе рукописей XVII и XVIII столѣтій, представляющихъ собою плодъ трудовъ сибирскаго служилаго класса, часто закинутого въ непроходимую глушь. Принято вообще думать, опираясь на историческіе памятники обличительнаго свойства, что служилое сословіе Сибири—отъ рядового казака до воеводъ—коротало свои досуги въ пьянствѣ, развратѣ и азартной игрѣ, чередуя

ихъ съ наѣздами на мирныхъ инородцевъ, которыхъ безпощадно грабило и убивало. Такова точка зрѣнія на служилое сибирское сословіе въ трудахъ Серафимовича-Шашкова, Ядринцева и Буцинскаго. Собрание г. Кузнецова-Красноярскаго и принадлежащія пишущему эти строки архивы частныхъ сибирскихъ лицъ изъ XVII и XVIII в. говорятъ, однако, противное. Среди служилого сословія, особенно среди казачества, сформированнаго изъ политическихъ ссыльныхъ, встрѣчалось много свѣтлыхъ головъ, искренно преданныхъ литературнымъ интересамъ. Въ какомъ-нибудь медвѣжьемъ углу, сидя въ засыпанномъ снѣгомъ острожкѣ, пѣшій казакъ любовно переписывалъ «Сибирскую лѣтопись» Саввы Есипова, «Просвѣтитарій» Арсенія Суханова, «Сказаніе о царицѣ Динарѣ» (Тамарѣ) или записывалъ пѣсни, которыя пѣлись кругомъ, или рождественскія вирши, издавѣка занесенныя въ глухую Сибирь. Къ числу такихъ-то произведеній принадлежатъ «Рафли», изданныя г. Кузнецовымъ-Красноярскимъ.

Доставшаяся издателю рукопись представляетъ фрагментъ безъ начала и конца. Статьи расположены въ немъ въ разбивку, начинаясь съ 666-й и кончаясь 19-й, но въ отрывкѣ заключены лишь немногія изъ общаго числа статей, именно:

a) изъ 600-хъ статей . . .	21	f) изъ 100-хъ статей . . .	1
b) > 500-хъ статей . . .	14	g) одна статья	19-я
c) > 400-хъ статей . . .	9	h) безъ отиѣтки	2
d) > 300-хъ статей . . .	5		
e) > 200-хъ статей . . .	3		
		всего статей	56.

Такимъ образомъ, предъ нами лишь жалкія остатки гадательной книги, во многомъ отличающейся, по свидѣтельству издателя,—мы вѣримъ ему на слово,—отъ напечатанной въ III вып. «Памятниковъ старинной русской литературы», изд. гр. Бушелева-Безбородки (Спб. 1862, стр. 161—166).

Всматриваясь ближе въ напечатанный отрывокъ «Рафлей», мы замѣчаемъ большое однообразіе въ отвѣтахъ. Начинаются статьи въ большинствѣ случаевъ какимъ-нибудь сравненіемъ: а) изъ области явленій природы, напр.:

1) 666. «Якоже солнце восходитъ на высоту небесную, тогда (пропускъ) обновляется и тогда младъ бываетъ, тогда возрадуются вси люди и вся тварь свѣту дневному».

2) 665. «Красная заря просвѣщаетъ божественнымъ свѣтомъ, тогда вси звѣря дубравныя и птицы возрадуются...»

3) 664. «Якоже орелъ возлетаетъ на высоту небесную и тогда младъ бываетъ...» б) или изъ области поговорокъ и пословицъ, напр.:

1) 655. «Якоже лютое желѣзо варити или супротивъ воды плиты трудно есть...»

2) 653. «Якоже въ полѣ за вѣтромъ не угоняться, егоже настигнута невозможно. И хочешь ты, человѣче, поймать оленя за рога, онъ

давно въ поле ушолъ...» с) или, наконецъ, изъ области духовной литературы (такихъ—большинство), напр.:

1) 631. «Святый Агапій взялъ съ собою сокола и соколя поймалов; тогда святый Агапій возрадовался соколову лову...»

2) 622. «Онаиный Іуда поиде на море, ввергъ удицу въ море и улови себѣ змію скорпію, и тако пресвѣтлый свѣтъ Божій остави, но возлюби тьму кромѣшную...»

3) 441. «Пріиде Господь въ Кану Галилейску на брак и претвори воду въ вино, и тогда возрадовашася вся людіе и прославиша Господа...»
д) но иногда сравненія берутся изъ явленій обыденной жизни, напр.:

1) 331. «Ходила коза около огорода и выколола себѣ глаза. О, горе мнѣ, бѣдной козѣ, досыта я не набѣлась, а глаза себѣ выколола...»

2) 421. «Бѣжал заяц и попаде въ сѣть; тогда заяц нача выдираться изъ сѣти, а когда выдереся, тогда вельми радостень бысть и побѣже въ дальнюю страну...»

Кончаются гадательныя статьи однообразно: изъ 56 статей 42 даютъ счастливыя или несчастныя предсказанія насчетъ пути, и только 14—о чемъ-либо иномъ. Вотъ образцы предсказаній о пути:

1) 111. «Тако и ты, человекѣ, о чемъ думал и гадал на умѣ своемъ, радостень да будещи; аще о пути, путь тебѣ покажет радостень во всем, а недруга своего не бойся, ибо онъ самъ тебя боится».

Или еще проще:

2) 432. «Тако и ты, человекѣ, о чем думал и гадал на умѣ своемъ, во оный путь не ходи и недруга своего опасайся».

Образчикомъ предсказаній иного рода могутъ служить:

1) 633... «О чем думал и гадал, и маши возрадоватися, покажет тебѣ печаль, да скоро минется на радость».

2) 644. «Человѣче! о чем ты думал и гадал на умѣ своем, стерегись смертнаго часа: смерть твоя за плечами, ибо злые люди говорятъ и зло мыслятъ».

3) 643. «Человѣче! Скоро тебѣ да будетъ радость, а именно отъ добрыхъ людей получишь; тогда и маши возрадоватися, а недруга своего ни въ чемъ не бойся».

Приведемъ, въ заключеніе, цѣликомъ статью съ предсказаніемъ смѣшаннаго характера.

552. «Не мѣшай свинець съ серебромъ, также худыя мысли съ добрыми. Аще упадетъ на пол хрусталь, тогда разбѣется. Тако и ты, человекѣ: о чем думал и гадал на умѣ своемъ, онаго дѣла своего не начинай; аще хочешь ити въ путь, во оный путь не ходи: велить обождать добраго времени. А недруга своего опасайся со всѣхъ сторонъ. Загадай, что на оную вторая метъ (= метаніе) покажет, а сія негодна».

Выясняется такимъ образомъ, что по разліямъ гадали, бросая (мечъ, откуда и терминъ «метъ») на кругъ, жспещренный цифрами, восковой шарикъ или зерно, совершенно такъ же, какъ и нынѣ гадаютъ еще въ

деревняхъ на оракулѣ или на кругѣ царя Соломона. Во всякомъ случаѣ, изданіе г. Кузнецова-Красноярскаго является довольно любопытнымъ, и мы охотно прощаемъ ему нѣкоторые корректурные недосмотры.

С. К. К—въ.

В. К. Магницкій. Чувашскія языческія имена. Казань 1905 8°. (Изъ Изв. Казанскаго Общ. арх., ист. и этногр., т. XXI, вып. 2).

Предъ нами—посмертный трудъ извѣстнаго, но мало оцѣненнаго при жизни знатока чувашъ, до тонкостей знавшаго ихъ быть и хорошо говорившаго на чувашскомъ языкѣ. Юристъ по образованію, все время прослужившій (то слѣдователемъ, то инспекторомъ народныхъ училищъ) среди инородцевъ вятской и казанской губ., В. К. Магницкій, какъ этнографъ, является типомъ чистаго самоучки, но онъ превосходно знакомъ былъ съ современнымъ состояніемъ этнографической науки. Конфузливый и скромный до послѣдней степени, онъ никогда не выдвигался впередъ, но тихо и незамѣтно дѣлалъ свое дѣло. Трудолюбивъ обладалъ покойный замѣчательнымъ, и настоящий трудъ служить тому доказательствомъ.

Заинтересованный тѣмъ обстоятельствомъ, что имя «чувашъ» въ нашихъ историческихъ памятникахъ не встрѣчается ранѣе 1548 года, авторъ въ дѣломъ рядѣ свидѣтельствъ дѣлаетъ попытку доказать, что въ старину чуваша исчезли въ общей массѣ инородцевъ, называемыхъ въ историческихъ актахъ «татарами». Многие изъ чувашъ успѣли совершенно отатариться, и только названія ихъ селеній и полевыхъ урочищъ указываютъ на ихъ происхожденіе. Авторъ думаетъ также, что подъ исчезнувшимъ племенемъ *буртасы* всего скорѣе слѣдуетъ разумѣть чувашъ (стр. 1—2).

У чувашъ, какъ и у всѣхъ инородцевъ, есть двойкаго рода фамиліи—родовыя (*тавраши*) и уличныя прозвища (*хожамайт*). Авторъ давно слышалъ о нихъ, но надлежащимъ образомъ въ различіи ихъ убѣдился въ 1896 г., когда, въ качествѣ счетчика по всеобщей переписи Россіи, переписывалъ чувашъ ядринскаго уѣзда. Характерно, что чуваша охотно сообщаютъ свои родовыя фамиліи, а уличное прозвище каждаго узнать довольно трудно, потому что оно часто бываетъ обиднаго или насмѣшливаго свойства (стр. 8). Таковы, напр., прозвища: *хирхэ*—краснорожій, рыжій, *чалыш*—кособокаій, *сѣкур*—кривой. Въ то время, какъ прозвища и клички легко объясняются изъ чувашскаго языка, большинство родовыхъ, т.-е. фамильныхъ именъ не объяснено, и только немногіе сравнительно обнаруживаютъ татарскіе корни (стр. 10).

Матеріалъ для извлеченія собственныхъ именъ и фамильныхъ прозвищъ доставили Магницкому сказки первой, второй и четвертой ревизіи. Любопытно, что во время первой (1718) и второй ревизіи населенія Россіи записывался только мужской полъ, но въ сказкахъ четвертой ревизіи (1782) и пятой (1795) переписаны уже оба пола. Кромѣ того, авторъ извлекъ чувашскія имена изъ «Актовъ историческихъ и юридическихъ» *Мельникова*, изъ церковныхъ метрикъ двухъ старыхъ чуваш-

скихъ сель и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ; такимъ способомъ ему удалось собрать солидную цифру чувашскихъ языческихъ именъ—10582 (стр. 12—13). Родовыхъ же прозвищъ или фамилій собрано авторомъ относительно немного—173. Во многихъ случаяхъ писаря и подъячїе сильно искажали чувашскїя имена, такъ что требовалось нѣкоторое усилїе возстановить правильное чтенїе. Цѣлый рядъ именъ, представляющихъ собою искаженїе христіанскихъ, до сихъ поръ дается чувашами новорожденнымъ, напр.: *Крэхї* — Аграфена, *Мамыр* — Мавра. Явленїе это Магницкїй объясняетъ тѣмъ, что христіанскїя имена сдѣлались извѣстны чувашамъ еще въ отдаленное время, когда къ нимъ попадали русскїе плѣнники (стр. 10 и 14).

Громадное количество языческихъ личныхъ именъ, собранныхъ изъ разнообразныхъ источниковъ покойнымъ Магницкимъ, должно бы, казалось, исчерпывать весь чувашскїй ономастиконъ, но оказывается, что до этого еще очень далеко. Когда свящ. *Архангельскїй* доставилъ автору алфавитъ языческихъ именъ чувашъ, составленный имъ по брачнымъ обыскамъ одного прихода за 1803—1819 г., то нашлось много именъ, которыхъ не оказывалось въ спискѣ Магницкаго (стр. 13).

Ближайшимъ побужденїемъ къ составленїю алфавита языческихъ именъ чувашъ служило для автора желанїе имѣть подъ руками данныя для объясненїя хорографическихъ названїй, въ частности—названїй селенїй Казанской губ. отъ инородческихъ именъ (стр. 19). Въ этой области до сихъ поръ сдѣлано еще очень мало, хотя въ центрѣ инородческаго района—въ Казани—этимъ вопросомъ интересуются давно. Покойный *Н. И. Золотницкїй* работалъ въ этомъ направленїи съ конца 60-хъ годовъ до смерти (1880); его трудъ продолжалъ *И. А. Износковъ*; въ трудахъ Ярославскаго археологическаго съѣзда появилась статья послѣдняго, какъ введенїе къ статьѣ *Т. Семенова*, содержащей объясненїе многихъ названїй инородческихъ селенїй ярославскаго края; проф. *И. Н. Смирновъ* пользовался въ своихъ монографїяхъ уже въ значительной мѣрѣ подготовленными данными. Въ теченїе столь длиннаго періода отчасти видоизмѣнялся и самый приѣмъ толкованїя хорографическихъ названїй. Такъ, *Золотницкїй* объяснялъ многія названїя чувашскихъ селенїй изъ татарскаго языка; *И. А. Износковъ*, какъ лингвистъ, соглашался съ тѣми объясненїями, которыя ему давали его многочисленныя случайныя сотрудники—священники и учителя, какъ директору народныхъ училищъ, и только у *Т. Семенова* находимъ болѣе сносное объясненїе чисто-черемисскихъ названїй, тогда какъ проф. *Смирновъ* ограничился однимъ спискомъ селенїй, для каждаго племени, чтобы показать предѣлы расселенїя послѣдняго.

Въ заключенїе нашего обзора любопытнаго посмертнаго труда В. Б. Магницкаго приведемъ его свидѣтельство о томъ, что священники инородческихъ приходовъ при веденїи метрикъ тщательно устраняютъ чувашскїя родовыя прозвища, напоминающїя о быломъ язычествѣ, чтобы вывести привычку чувашъ называть себя въ домашнемъ быту языческими именами (стр. 7). До 1840 г. родовыя названїя заносились въ

метрическія книги, но св. синодъ распорядился о прекращеніи этого обыкновенія. Мудрено, разумѣется, рѣшить, зачѣмъ понадобился синоду такой странный экспериментъ; но курьезно, что и свѣтскія власти начали придерживаться этого порядка, почему въ мірскихъ приговорахъ перестали встрѣчаться фамиліи чувашъ. Духовенство въ чувашскихъ приходяхъ, какъ и русское смежное населеніе возмущаются тѣмъ, что чуваша однимъ именемъ часто называютъ своихъ дѣтей и собакъ; напр., *Омай* обозначаетъ «пеструю собаку» и ребенка съ лицомъ, покрытымъ веснушками. Трудолюбивый Магницкій собралъ 128 собачьихъ ключекъ и—къ удивленію своему—нашелъ, что многіе изъ нихъ вполнѣ совпадаютъ съ именами чувашъ; но онъ благоразумно дѣлаетъ отсюда лишь тотъ выводъ, что собаки часто называются у чувашъ по именамъ домохозяевъ, а не наоборотъ, какъ думаетъ русское простонародіе (стр. 11).

Сличая списки именъ у чувашъ, черемисъ, вотяковъ, мордвы и татаръ, В. К. Магницкій пришелъ къ заключенію, что между ними очень много сходства, но что имена эти у чувашъ очень рѣдко могутъ быть объяснены изъ чувашскаго языка, а чаще изъ татарскаго, чего нельзя сказать о личныхъ именахъ другихъ народностей, не объясняемыхъ изъ родного языка ихъ. Такимъ образомъ остается большой процентъ личныхъ и фамильныхъ именъ, не поддающихся никакимъ этимологическимъ ухищреніямъ (стр. 6). Къ какому языку или нарѣчію слѣдуетъ отнести подобныя имена, остается пока загадкой.

С. К. К—ев.

Чурсинъ Г. Ф. Народные обычаи и вѣрованія Кахетин. Тифлисъ. 1905. («Зап. Кавказск. Отд. И. Р. О.» кн. XXV, в. 2).—Мысль автора заключалась въ желаніи «дать хоть сколько-нибудь цѣльную картину народныхъ воззрѣній и обычаевъ кахетинскаго населенія, характеризующую его съ религіозно-бытовой стороны, для чего собранный имъ самимъ матеріалъ былъ имъ пополненъ имѣющимися въ литературѣ данными. Мысль эта осуществлена вполнѣ удачно. Въ стройномъ цѣломъ представлены остатки, еще очень живые, изыскаго міросозерцанія населенія Кахетин, частью сохранившаго свою самобытность, частью инфильтровавшагося въ христіанское вѣроисповѣданіе и обряды христіанской церкви. Особенно интересно въ послѣднемъ отношеніи почитаніе отдѣльныхъ св. Георгіевъ въ различныхъ мѣстностяхъ, при чемъ св. Георгій, очевидно, замѣнилъ собою различныхъ родовыхъ и локальныхъ покровителей и божествъ. Культъ деревьевъ и камней, культъ огня, желѣза, животныхъ, аграрные обряды, суевѣрія, связанные съ земледѣліемъ, охотой и скотоводствомъ, обрядъ при рожденіи ребенка, свадебные и похоронные обряды, лѣченіе болѣзней и пр.—все носитъ на себѣ живой отпечатокъ первобытныхъ вѣрованій. Полнота изложенія, многочисленность интересныхъ данныхъ, сравненіе съ вѣрованіями другихъ кавказскихъ народностей позволяетъ особенно выпукло представить себѣ внутренней смыслъ обряда, мотивъ его возникновенія и соблюденія.

Авторъ знакомъ съ крупными научными этнографическими сочиненіями, что дало ему возможность освѣтить нѣкоторые вѣрованія и провести параллель съ вѣрованіями и обрядами другихъ народовъ. Намъ остается пожалѣть, что при собираніи матеріала такого добросовѣстнаго этнографа не проявилось знакомство съ болѣе новыми учеными этнографами, особенно съ англійской и французской школой. Быть можетъ, оно помогло бы ему при его изслѣдованіи еще глубже прослѣдить основы обрядовъ и вѣрованій: напр., въ почитаніи животныхъ можно было бы, быть можетъ, найти слѣды тотемическихъ воззрѣній, въ лѣченіи болѣзней, въ культѣ огня и др.—вѣру въ магію и пр.

В. Х—на.

М. Довнаръ-Запольскій. Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ. 1905. 8°. VI+307+VIII+168 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Два очерка, входящіе въ этотъ трудъ М. В. Довнаръ Запольскаго, были напечатаны раньше въ Журналѣ Мнѣ. Нар. Просвѣщенія (въ 1897 и 1905 г.). Первый изъ нихъ теперь значительно переработанъ. Оба же они вмѣстѣ представляютъ большой интересъ не только для историка, но и для этнографа.

Въ очеркѣ первомъ «Западно-русская волостная и сельская община» (1—155 стр.), авторъ, несмотря на то, что въ литературѣ вопроса уже существуютъ труды г-жи П. Е. Ефименко, проф. И. В. Лучицкаго, проф. М. В. Владимірскаго-Буданова, проф. Ф. И. Леонтовича, кн. Любомирскаго, проф. Иванишева, проф. Любавскаго и другихъ, выступилъ съ самостоятельной аргументаціей своихъ научныхъ тезисовъ, какъ потому, что, будучи специалистомъ въ исторіи Западной Руси, составилъ о ней свое определенное представленіе, такъ особенно и потому, что располагалъ новыми архивными матеріалами. Въ послѣднемъ кроется и главный этнографическій интересъ.

Авторъ изслѣдуетъ зап.-р. общину XVI вѣка, т.-е. въ періодъ, когда она разлагается, когда за старые ея устои борются крестьяне противъ государственныхъ и помѣщичьихъ эксплуататорскихъ силъ. Этотъ періодъ болѣе поддается документальному изслѣдованію, и уже отъ него смѣлѣе можно дѣлать заключенія о періодахъ древнѣйшихъ.

Разсматривая всѣ три типа общины—дворищную, сельскую и волостную (по Владимірскому-Буданову),—авторъ считается и съ взглядами проф. Любавскаго, «очень отрицательно относящагося ко всякаго рода проявленіямъ общинной жизни въ Западной Руси». Пользуясь своими матеріалами, г. Довнаръ-Запольскій постепенно освѣщаетъ ту мысль, что зап.-русская община XVI вѣка сохранила еще ясные слѣды своего древняго строя, по которому она была общиной автономной: и въ видѣ судебной инстанціи, и какъ извѣстная форма землевладѣнія. Волость XVI вѣка борется противъ всякихъ (невыгодныхъ для нея) новизнъ. «Подлугъ старицы», «введе стародавнаго обычая», она управлялась «вы-

борнымъ старцемъ», дѣйствовавшимъ съ ея согласіемъ. Теперь въ ея компетенцію воровались господарскіе державцы, урядники и другія лица, которые оказывали даже нежелательное для волости давленіе на «старца». Прежде волостныя потребности, самооблаженіе и размѣры сбора устанавливались самой общиной, а теперь разные паны вводятъ новшны, о которыхъ волость челоуъ бьетъ господарю. Иногда эти «драпежства» переходили всякую мѣру, и тогда поднималось открытое возстаніе крестьянъ противъ администраціи (напр., жмудскій бунтъ 1536 года). Все это вело общину къ разложенію. Причина разложенія общины исходила, гл. обр., изъ правящаго центра. Ради своихъ выгодъ правительствомъ поощряло переходъ изъ тяглоу общины на чиншъ, раздавало шляхтѣ въ громадныхъ размѣрахъ земли съ поселенными на пей крестьянами и церквдо при этомъ съ пожалованіемъ владѣльцу господарскихъ податей, которыя приходились на долю жалюемыхъ крестьянъ; оно въ извѣстныхъ случаяхъ издавало и спеціалныя распоряженія, освобождаяшья владѣльческихъ крестьянъ отъ несенія тягла съ волостью и мн. др. Результатомъ этихъ конфликтовъ и процесса разложенія общины было и выдѣленіе города изъ волости, съ которой онъ порвалъ прежшя экономическія связи.

Прежде члены волости назывались «мужи», «люди», община «всею волостью», «всѣми людьми», «но очень вѣроятно,—говоритъ авторъ,— что къ волостной общинѣ прилагались тѣ же названія, что и къ сельской—*громада*, *крууъ*, можетъ быть, *кома*»; въ документахъ сохранилось и назаніе «*вѣче*». На общинномъ совѣщаніи участвуютъ 1) лица, облеченныя довѣріемъ общества, *добрые люди*, и 2) все посольство. Въ нѣкоторыхъ документахъ названы «присяжники» (давше присягу) «рады» (совѣтники), «старше». Есть документы, свидѣтельствующіе о процедурѣ вѣчевого рѣшенія дѣлъ (стр. 49—51): «Вѣче разсаживается на деревянной или земляной «лавѣ», или становится «на копѣ у громады». На первомъ планѣ фигурируютъ «панове старцы», но можетъ подняться и какой-нибудь заурядный мужъ и высказать свое мнѣніе. Вѣче крикомъ одобряетъ и не одобряетъ дѣлаемыя предложенія. Можетъ быть, «бросаютъ шапки» въ кругъ для счета голосовъ или для выраженія своего намѣренія стоять заодно «отъ мала до велика». Тогда составляется общественный приговоръ, скрѣпляется «клеями» старшинъ.

Сохранившіеся пережитки XVI вѣка свидѣлствуютъ также, что древняя община территориально состояла изъ города (центра) и извѣстнаго числа сель. Блюстителемъ интересовъ общины былъ выборный глава ея *старецъ* (это «обычай стародавній»). «Старцы» выбирались ежегодно весной. Они въ литовско-русскихъ областяхъ «несомнѣнно древнѣе литовскаго владычества: наиболѣе раннее упоминаніе о нихъ относится къ концу XIV столѣтія и въ полоцкихъ волостяхъ, гдѣ въ то время не могли еще утвердиться литовскіе порядки» (стр. 61). Иногда (въ Смоленскомъ княженіи) они называются «приказниками» и (въ Бѣвской землѣ) «атаманами». «Старецъ», какъ мірской выборный, дѣй-

ствовавъ съ согласія волости и при помощи волостныхъ присяжниковъ. Онъ имѣлъ нѣкоторыя судебныя полномочія.

Компетенція самого общиннаго собранія касалась прежде всего раскладки податей и повинностей среди волощанъ (термины раскладки: разметы, меты, разрубы, порубы); затѣмъ—стройка общины и отношенія ея къ землѣ. Наиболее важный послѣдній вопросъ—о землѣ—авторъ считаетъ и у себя «слабо намѣченнымъ». Древнѣйшимъ терминомъ, означающимъ общинную землю, авторъ считаетъ, по датѣ Пинской писцовой книги, терминъ «общая земля» и даже, по другимъ древнѣйшимъ даннымъ, «община»; терминъ же «спольная земля», «посполитая»—позднѣйшаго происхожденія. Есть указанія, что мѣстами соучастники пользуются спольною землею погодно, или же пахали ее «въ равной долѣ» или же дѣлили ее, но не всегда, повидимому, окончательнымъ раздѣломъ; отдавали также общую землю и въ арендное пользованіе какъ своимъ односельчанамъ, такъ и стороннимъ людямъ. Община, какъ думаетъ авторъ, за рѣдкими (вынужденными) исключеніями, не сдвигала границъ отчины, не передѣляла земель, т.-е. здѣсь община не представляла чего-ниб. похорога на позднѣйшую великорусскую общину. Наблюдаемую форму зап.-р. общины авторъ считаетъ пережиткомъ древнѣйшихъ отношеній. «Изъ такой общины могла выработаться и великорусская община съ ея равеніемъ и душевыми надѣлами, но могъ произойти и распадъ на отдѣльные дворы» (стр. 140). Хотя г. Довнаръ-Запольскій ограничилъ свою задачу общиной, гл. обр., въ подлѣпровскихъ и подвинскихъ волостяхъ, но этимъ вопросъ далеко не исчерпывается; выводы его не оказываются изолированными; въ такимъ же выводамъ относительно древней общины Малороссіи пришли проф. И. В. Луничкій и проф. Д. И. Багалъй; много общихъ пунктовъ найдется въ общинѣ Сибири, какъ она изучена Кауоманомъ.

Въ разнородныхъ группахъ зап.-р. крестьянства интереснѣйшій разрядъ представляютъ данники. Они пользовались правомъ перехода, и этотъ повсемѣстно въ Литовско-русскомъ государствѣ извѣстный земледѣльческій классъ ступевывается въ XVI вѣкѣ только постепенно. Когда въ государствѣ назрѣлъ широкій планъ реформъ, западно-русская община уже не могла сильно бороться съ дѣйствовавшимъ противъ нея правительствомъ, и она претворилась въ новыя формы. Этимъ реформамъ посвященъ «второй очеркъ» (стр. 157—307).

Очеркъ этотъ представляетъ большой историческій интересъ; но здѣсь, по необходимости, о немъ можно сказать лишь кратко. Реформа разрушила общину въ ея древнѣйшихъ основахъ: она выдѣлила изъ волости городъ, уничтожила финансовую самостоятельность общины, очень ослабила самостоятельность выборныхъ ея органовъ и усилила контроль государственной администраціи.

Въ «Приложеніи» къ этимъ двумъ очеркамъ (1-168 стр.) приведены тексты отдѣльныхъ документовъ, иллюстрирующихъ западно-русскую общину XVI вѣка и крестьянскіе идеалы въ борьбѣ съ нею.

Нельзя не пожалѣть, что М. В. Довнаръ-Запольскій все же не сдѣлалъ нѣкоторыхъ общихъ сравненій съ древней общиной какъ въ остальныхъ областяхъ Руси, такъ и у инородцевъ. Напрасно, въ своемъ введеніи онъ оговаривается, что «такая спеціальная тема можетъ вызвать интересъ лишь въ средѣ небольшого круга специалистовъ и, вѣроятно, только тѣхъ, кто интересуется вопросами западно-русской старины», и что только поэтому онъ придалъ своему труду характеръ «очерковъ», «ограничившись изученіемъ только тѣхъ вопросовъ, которые не подвергались обстоятельному изученію». Вѣдь онъ и самъ не могъ не указать на нѣсколькихъ страницахъ своего изслѣдованія, что древнѣйшіе фазисы развитія западно-русской общины являются наиболѣе важными для науки, что они даютъ наиболѣе цѣнный источникъ для уясненія древне-русской общины вообще, и что, наконецъ, само собой напрашиваются сравненія съ выводами другихъ изслѣдователей, работавшихъ надъ древней общиной другихъ областей. А такъ какъ для древнѣйшихъ періодовъ, бѣдныхъ историч. документами, исторія можетъ найти матеріалъ въ сравнительно-этнографическомъ анализѣ, то и въ настоящемъ случаѣ это было бы какъ нельзя болѣе у мѣста. ¹⁾ Кромѣ того, вопросъ объ общинѣ въ нашей политической практикѣ одинъ изъ важнѣйшихъ а между тѣмъ онъ рѣшался въ политическихъ инстанціяхъ съ такимъ смутнымъ знаніемъ природы этого института и въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что наука едва ли въ правѣ ограничиться однимъ лишь кабинетомъ специалиста, не давъ освѣщенія по болѣе широкому горизонту. Не безъ умысла нѣсколько выше сказано о необходимости сравненія древней формы общины, между прочимъ, и у инородцевъ. Это не только полезно для научнаго анализа, но и поучительно для лицъ, безъ всякаго анализа, а главное и безъ всякаго смысла нарушающихъ древне-обычные общинные порядки у инородцевъ, измѣряя все и всѣхъ на одинъ казенный аршинъ.

Здѣсь было бы у мѣста напомнить также, что вопросъ объ общинѣ, о ея происхожденіи, организаціи, составѣ и возможномъ разложеніи или процвѣтаніи поставленъ и у серьезныхъ изслѣдователей ея неодинаково и не рѣшенъ окончательно. Напомнимъ также, что П. Н. Милюковъ считаетъ, что въ наше время «все крестьянское сословіе Россіи представляетъ одно цѣлое» и что «нѣтъ надобности искать родственной ему формы въ далекомъ прошломъ, когда недавнее настоящее представляло всѣ нужные элементы для возникновенія вновь этой формы». «Очерки» (I, 189 стр.). П. Н. Милюковъ смотритъ на русскую общину, какъ на «поздній и въ разныхъ мѣстностяхъ разновременный продуктъ владѣльческаго и правительственнаго вліянія». Это дало ему возможность выставить за основаніе сложенія общины «великую ассимилирующую силу одинаковыхъ экономическихъ условій и одинаковой финансовой

¹⁾ Напомнимъ, что М. М. Ковалевскій въ своемъ трудѣ: „Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія“ сдѣлалъ удачную попытку дать историко-сравнительный очеркъ постепеннаго разложенія коллективныхъ формъ землевладѣнія на востокъ и на западъ.

системы», сообщившую всёми этимъ разнороднымъ частямъ и одинаковую социальную-экономич. структуру» Едва ли это заключеніе исчерпываетъ вопросъ.

Наука еще ждетъ многихъ обстоятельныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ историческимъ областямъ и этническимъ группамъ, чтобы съ большей вѣроятностью приступить къ обобщеніямъ или къ сравнительно-культурнымъ выводамъ.

Изслѣдованіе М. В. Давнаръ-Запольскаго, во всякомъ случаѣ, является въ этомъ смыслѣ очень полезнымъ и желательнымъ. Оно наводитъ уже само на многія незаурядныя размышленія, и документы, которыми онъ первый воспользовался, даютъ удачныя факты для положительныхъ утвержденій по вопросу объ общинѣ.

Вл. Б.

Д. Зеленинъ. Черты быта усень-ивановскихъ старовѣровъ. Казань. 1905. 8°. 58 стр.

Въ послѣднее время въ русской научной литературѣ замѣчается снова нѣкоторое оживленіе къ быту старовѣровъ и сектантовъ. Очень желательно, чтобы оживленіе захватило все болѣе и болѣе кругъ научно-безпристрастныхъ изслѣдователей и наблюдателей, а главное, чтобы возможно-скорѣе былъ собранъ научный (а не специально-миссіонерскій) матеріалъ по старообрядчеству и сектантству. Спѣшить надо особенно потому, что жизнь, съ ея новыми нарождающимися формами, захватываетъ, разрушаетъ и реформируетъ старину и въ средѣ, казалось бы, консервативныхъ старообрядцевъ, а также упорныхъ сектантовъ. Между тѣмъ имѣющіеся до сихъ поръ матеріалы и изслѣдованія въ большинствѣ случаевъ составились и писались не безъ пристрастія, въ лучшемъ случаѣ—не безъ ортодоксальнаго фанатизма.

Небольшую работу Д. К. Зеленина о бытѣ усень-ивановскихъ старовѣровъ можно привѣтствовать, именно какъ безпристрастную хотя и необширную этнографическую хронику, составленную опытнымъ наблюдателемъ за короткое время пребыванія въ Усень-Ивановскомъ Заводѣ въ белебеевскомъ уѣздѣ.

Здѣсь есть интересныя указанія статистическія, о фамиліяхъ и именахъ, о физическомъ типѣ, о занятіяхъ, одеждѣ, жилищѣ, религиозной жизни, отношеніи къ иновѣрцамъ, богослуженіи, праздникахъ, грѣхахъ, повѣрьяхъ и примѣтахъ, народной медицинѣ, играхъ, бесѣдахъ и другихъ развлеченіяхъ, свадьбахъ, о положеніи женщины, дѣтей, о читаемыхъ книгахъ и просвѣщеніи вообще, о новыхъ вѣяніяхъ, объ общемъ характерѣ населенія. Вообще содержаніе этого очерка, не исчерпывающее, конечно, изображаемаго быта во всей полнотѣ, вполне научно и интересно. Что этотъ старый бытъ отживаетъ (и стало быть нужно спѣшить съ его изученіемъ), это подтверждается и наблюденіями автора. «Усеньчане очень боятся за будущее, съ ужасомъ думаютъ, что будетъ дальше. Взгляды ихъ въ этомъ отношеніи мрачны». Старики боятся

земской школы, города, отхожих промысловъ. Это все ведетъ молодое поколѣніе къ отчужденію отъ старины: «Они уже будутъ не наши».

Есть и другая причина, побуждающая къ ускоренію изслѣдованій по старообрядчеству и сектантству. Нѣкоторое (пока еще не полное фактически) улучшение въ правахъ свободнаго исповѣданія вѣры, наступившее у насъ еще совсѣмъ недавно, ставить старообрядца и сектанта въ болѣе нормальное, независимое положеніе относительно православнаго духовенства и администраціи, а стало-быть вызываетъ и болѣе довѣрчивости къ цѣлямъ ученаго изслѣдователя.

Г. Зеленинъ попалъ еще не въ особенно интересную старообрядческую среду, и то извлекъ изъ нея много цѣннаго для науки. А сколько же у насъ настоящихъ «очаговъ» старообрядчества и сектантства! Сколько среди нихъ интересныхъ вѣяній, мыслей, традицій! Сколько удивительныхъ характеровъ, вродѣ Терентія Хохлова и его единомышленниковъ, посѣщенныхъ В. Г. Короленкомъ! Къ нимъ надо спѣшить.

Вл. Б.

П. Щукинъ. „У зырянъ“. Очерки. «Русское Богатство», кн. 7, 8, 1905 г.

Главная заслуга автора заключается въ томъ, что онъ вѣрно схватилъ и въ формѣ очерковъ передалъ самобытныя особенности зырянъ въ ихъ повседневной бытовой обстановкѣ.

Зыряне, несмотря на то, что подвергались постороннему вліянію, все же прекрасно сохранили самобытныя черты.

Этимъ они исключительно обязаны равнодушію русскаго народа, который не вноситъ въ страну зырянъ никакой положительной ассимилирующей культуры: земство чуждо народнымъ интересамъ, русскіе купцы только безбожно эксплуатируютъ массу зырянскаго населенія; чиновники дѣйствуютъ заодно съ купцами; здѣсь и тамъ произволь, грубое насилие, клевета—все это обычныя явленія.

Отсюда естественно, что зыряне недовѣрчивы къ русскимъ. И они встрѣчаютъ послѣднихъ не менѣе пугливо, чѣмъ ихъ предки—удалую шайку разбойниковъ, свободно гулявную по р. Вычегдѣ.

Но обособленность зырянъ, почти полное отсутствіе всякаго культурнаго вліянія на нихъ скверно отражается на ихъ экономическомъ благосостояніи. Охотническій народъ настолько плохо приспособленъ къ условіямъ современной жизни, что не въ силахъ на наличныя деньги, когда нужно, запастись мукой, и ему приходится голодать. За пенніемъ сѣмянъ, поля остаются незасѣянными, что уже ведетъ къ нищетѣ.

Изъ характерныхъ особенностей зырянъ авторъ отмѣчаетъ ихъ судопроизводство. Нѣкто Іокимъ укралъ гачи. Пострадавшій обратился къ совѣсти случайныхъ мужиковъ и бабъ. Виножникъ отпирался, клялся... Мужики равнодушно озирались кругомъ; бабы переходили уже на сторону Іокима. Но остроумная находчивость портного Леонтія выдаетъ вора, и Іокиму остается признаться въ своемъ преступленіи. Мужики и удо-

взтворенныя бабы—расходятся, не сказавъ вору ни одного слова упрека. Пострадавшій дружелюбно треплетъ Юкима по плечу... А тамъ они уже виѣстъ пируютъ...

Изъ отдѣльныхъ лицъ особенно типиченъ Ивѵ Вас зять, этотъ скромный, съ жалкимъ видомъ, мужикъ, въ которомъ еще много наивной вѣры въ правду и добро и наивнаго же отвращенія къ злу. Онъ всюду стоитъ за справедливость. На пароходной пристани онъ упрекаетъ русскихъ купцовъ за сбытъ зырянамъ недоброкачественной муки. И когда ему заявляютъ на это, что совсѣмъ не продавать хлѣба такому «смутьяну», онъ обрекаетъ себя на голодъ, лишь бы другіе получили настоящую муку. Капитанъ парохода хватается его за горло и, оклеветавъ въ возбужденіи умовъ противъ власти, передаетъ въ руки полиціи. На сходѣ онъ порицаетъ дѣйствія старшины, писаря и выборныхъ лицъ, пропивающихъ общественныя деньги. Ивѵ Вас зять значительно отличается отъ другихъ поборниковъ правды. Послѣдніе обыкновенно чувствуютъ свои преимущества предъ толпой, идутъ на страданія съ сознаниемъ добровольной жертвы, идеализируя свое «я», а этотъ, наоборотъ, мучится своимъ ничтожествомъ и, очутившись въ рукахъ сильныхъ, несправедливыхъ, напоминаетъ маленькую птицу въ когтяхъ ястреба. Его поступки—есть результатъ его органической душевной простоты и прямоты, безъ ложной идеализаціи.

Другой зырянинъ Стѣпъ-Ивѵ, молодой парень, путешествуетъ по святымъ мѣстамъ; онъ очень религіозенъ и съ увлеченіемъ читаетъ книги духовнаго содержанія, но не одніи святыни влекутъ его вдаль; онъ чувствуетъ потребность путешествовать вообще, какъ нѣкоторые герои древне-христіанскаго благочестія.

Толпа зырянъ, взятая виѣстъ, робка, труслива. Она не только не сумѣла защитить Ивѵ Вас-зятя отъ грубаго произвола, но оказала лишь еле замѣтный протестъ. Женщины отнеслись, пожалуй, болѣе сочувственно къ нему, но и онѣ не оправдывали его благороднаго поступка, такъ печально окончившагося.

Зыряне (да и не они одни) слабовольны, и это у нихъ доходитъ до чудовищныхъ размѣровъ. Стѣпъ-Ивѵ и другіе посылаютъ деньги монахамъ-шарлатанамъ, не имѣя воли отказать имъ въ ихъ просьбѣ.

Отстаивать свои взгляды, убѣжденія, оказывать активное сопротивление злу, зыряне совсѣмъ не могутъ.

На сходѣ крикуны, пьяницы, кулаки одерживаютъ побѣду, потому что благоразумные зыряне не сумѣли организовать и дать достойнаго отпора міроѣдамъ. Благоразумные ограничиваются только демонстративнымъ уходомъ со сходки.

Зыряне весьма напдки къ крѣпкимъ напиткамъ. Но среди этихъ отрицательныхъ явленій авторъ подмѣтилъ нарождающуюся молодую силу, которая цѣнитъ и понимаетъ значеніе просвѣщенія и борется за него виѣстъ съ благоразумными людьми, какъ, Ивѵ Вас-зять и др.

Рѣдко у кого проявляется такая любовь къ ученію, какъ у зырянскихъ дѣтей.

Затѣмъ еще авторъ даетъ цѣлый рядъ другихъ картинъ изъ быта зырянъ.

Авторъ не даетъ прямого отвѣта на вопросъ: «робость, трусость зырянна есть ли его національная особенность, или только результатъ долгаго историческаго порабощенія?» Повидимому, онъ болѣе склоненъ къ послѣднему мнѣнію, чѣмъ расходится со всеми другими изслѣдователями зырянъ.

Наблюденія автора ограничиваются волостью Иранскаго уѣзда. Желательно было бы, чтобы подобное изученіе распространилось и на мѣстности, гдѣ уже замѣтно русское вліяніе, гдѣ и собственная культура зырянъ стоитъ значительно выше. Авторъ не затронулъ еще семейнаго быта зырянъ и ихъ религіозныхъ воззрѣній, и это большой пробѣлъ.

Я только одного взгляда автора на зырянъ не раздѣляю: зыряне не больше пьютъ водки, чѣмъ русскіе и другіе народы, живущіе въ одной географической широтѣ. Если въ моментъ голодовки они злоупотребляютъ, то это объясняется истощеніемъ организма, который такъ нуждается въ искусственномъ возбужденіи.

В. Налимовъ.

С. В. Мартыновъ. Печорскій край. Очерки природы и быта. Населеніе, культура, промышленность. Спб. 1905. 8°. VIII + 276 стр. Съ иллюстраціями въ текстѣ. Ц. 1 р. 50.

Д-ръ Серг. Вас. Мартыновъ, «по независящимъ обстоятельствамъ» вынужденъ былъ поселиться въ Архангельской губерніи, гдѣ кажется, впервые ознакомился съ этимъ, все еще почти невѣдомымъ краемъ. Онъ, какъ истинный эпигонъ многихъ такихъ же «Мартыновыхъ», послышавшихся для охлажденія въ сѣверные предѣлы Европы и Азіи, доказалъ воочію лишній разъ, что и въ полярныхъ широтахъ, въ низкихъ температурахъ сибѣрныхъ горъ и равнинъ требуется огонь, свѣтъ, энергія. Тамъ есть исторія; тамъ есть жизнь; тамъ есть будущность. Вся атмосфера тамъ застыла, но человѣчeskій умъ съ болью и мученіями смотритъ на этотъ застывшій покой и непоколебимо признаетъ, что человѣкъ же и виноватъ въ этомъ прозябаніи природы и людей на далекомъ сѣверѣ.

«Логика вещей» требуетъ и тамъ не меньше, чѣмъ здѣсь, въ болѣе южныхъ широтахъ, науки, правды и труда.

Немного пожилъ тамъ нашъ «опальный» и, какъ можно думать, далеко не юный изслѣдователь, и уже успѣлъ не только привыкнуть къ оригинальнымъ мѣстамъ, людямъ, властямъ, но даже полюбить суровый край и узнать несуровыя черты многихъ мѣстныхъ исполнителей закона. А разъ жила въ немъ эта любовь къ людямъ, которою онъ отличался, какъ мы знаемъ, и вездѣ раньше,—тогда уже нѣтъ мѣста отчаянію, тоскѣ: онъ и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ и при другихъ условіяхъ, шелъ съ проповѣдью просвѣщенія человѣческой правды и неустаннаго труда.

Для этого Серг. Вас. удачно воспользовался экспедицией, снаряженной А. П. Ушаковымъ (управляющимъ арханг. каз. палаты) для изслѣдованія санитарно-бытового состоянія Печорскаго края. Черезъ годъ въ 1904 г. онъ вторично отправился туда же съ Е. А. Ляцкимъ, путешествовавшимъ по Печорскому краю для Этн. Отдѣла Музея Александра III. Правдивый, наблюдательный и образованный доктор составлялъ свой интересный дневникъ, изъ котораго и образовалась потомъ настоящая книга. Въ ней отразилась вся симпатичная личность изслѣдователя, зорко слѣдившаго за всѣми пережитками старой культуры, наслоеніями новой, за всѣми столкновениями той и другой и вездѣ прилагавшаго личныя старанія, чтобъ оздоровить затхлую атмосферу темнаго духа. А этотъ духъ свилъ себѣ здѣсь прочныя гнѣзда не столько по традиціямъ мѣстной старины, сколько по привычкѣ, прибрѣтешной имъ въ богѣ культурныхъ обиталищахъ.

Такимъ образомъ, въ книгѣ С. В. Мартынова можно ознакомиться какъ съ интереснымъ бытованіемъ старины на Печорѣ, такъ и съ не менѣе интереснымъ вопросомъ, какъ въ новѣйшее время приспосаблиется къ ней, къ старинѣ, всякая (какъ говорится въ одной народной сказкѣ)

«Птица шестеронога
Сотворена отъ Бога,
Весьма она тонкогласна,
Всѣмъ людямъ ужасна,
Прилетаетъ она во время свое,
И всякъ тогда боится ее,
Цари и вельможи ея страшатся,
Едва могутъ обороняться,
А простой народъ терпитъ великую отъ нея невзгуду
Особливо въ сѣрую погоду» ¹⁾.

«Сѣрая погода», «сѣрые» «простые» люди, «особливо» подходить эксплуататорскимъ аппетитамъ этихъ «шестероногихъ птицъ», и онѣ, надо имъ отдать справедливость, умѣютъ причинять «великую невзгуду». Край, процвѣтавшій еще въ XVI вѣкѣ, изъ-за нихъ обнищала и прозябаетъ. Это — одна сторона труда С. В. Мартынова, которую разсматривать здѣсь детально, конечно, не приходится. Можно только указать, что здѣшніе первобытные культурные пережитки хорошо извѣстны не людямъ науки, а кулакамъ и паукамъ разнаго ранга, и этими пережитками пользуются не сторонники прогресса для развитія въ массѣ самосознанія, а поборники народнаго невѣжества для укорененія въ нихъ духа угнетенности, отчужденности и потому для болѣе легкой его эксплуатаціи.

Другая сторона интересной книги г. Мартынова — это тѣ главы, въ которыхъ яркими живыми чертами рисуются самые эти пережитки стараго быта печорянъ.

Нагляднѣе всего здѣсь выступаютъ въ религіозномъ отношеніи ста-

¹⁾ „Этн. Обзор.“, 1895, XXV, стр. 128.

рообрядцы, въ социальномъ — жемцы, въ этническомъ — самоѣды. Авторъ не отмѣчаетъ при этомъ вопроса о превосходствѣ той или другой расы, племени, о вымираніи угнетенныхъ племенъ, и, надо думать, дѣйствительность вполне оправдываетъ такое отношеніе его къ этому вопросу. Онъ самъ не разъ отмѣчаетъ, что, несмотря на неблагоприятныя культурныя условія, народъ здѣсь все же здоровый, умный, предприимчивый и симпатичный. Условія жизни для всѣхъ національностей здѣсь одни, новѣйшая культура, которая всѣхъ захватываетъ здѣсь, одна, и потому разъ всѣ съ этими невзгодами борются и держатся на извѣстной высотѣ, то, стало-быть, и всѣ имѣютъ одинаковые шансы на дальнѣйшее процвѣтаніе, а не вымираніе.

Уродливыя проявленія духа и общечитія, задерживающія здѣсь всякій прогрессъ, свойственны не однимъ «низшимъ расамъ». Исследователь обнаруживаетъ ихъ и въ старообрядческой средѣ. Врачевать же ихъ считаетъ возможнымъ однимъ средствомъ: школой. Попутно въ этомъ случаѣ даются интересныя указанія на существованіе колдуновъ, еретицъ, напусканіе «икоты» и «дикости», вѣрованія въ нечистую силу, порчу, заговоры, заклинанія и т. п. «Гуреньки», т.-е. черти, здѣсь моются въ банѣ въ опредѣленные часы. Чтобы колдунъ не испортилъ молодыхъ во время свадьбы, имъ подъ платье одѣваютъ сѣтъ: дьяволъ долженъ прежде развязать всѣ узлы сѣти, чтобы получить власть и силу надъ молодыми. Въ заговорахъ, тексты которыхъ здѣсь приведены цѣлкомъ, встрѣчаются такія существа и названія: «царь громъ», «царица маганія», «дворовый мамонтъ», «мамонтъ насыльный и нахожий» и др. Колдуны напускаютъ на женщинъ «икоту» (по-зырянски «висящъ»). Въ кого она «вскочить», та «рветъ на себѣ волосы, кусается, царапается, бьется такъ, что ея не удержишь». Во время припадка этой нервной болѣзни, нѣкоторыя женщины бранятся, сквернословятъ, т.-е. вполне ходятъ на русскихъ клякушъ. По мѣстнымъ вѣрованіямъ, болѣзнь эта сверхъестественнаго происхожденія — отъ колдуновъ, которые напускаютъ бѣсовъ. Есть особые колдуны, или «икотники», которые передаютъ свою науку изъ поколѣнія въ поколѣніе черезъ своихъ «учениковъ». Интересно, что здѣсь названіе «икоты» стоитъ рядомъ съ зырянскимъ «висящъ», тогда какъ у зырянъ же понятіе «икота» существуетъ и тоже въ значеніи злого духа, но портящаго рождающихся дѣтей (см. Налимовъ: «Морь» и «Икота» у зырянъ — Этн. Обзоръ. 1903, кн. LVIII, стр. 157—8). Въ одномъ и томъ же субъектѣ можетъ быть насажено нѣсколько икотъ. Ихъ удаляютъ угощеніями (калачей, вина, табаку и т. д.). У одной женщины икота была въ формѣ раздвоенія личности: одна икота — «молодецъ», другая — «ворона»; когда женщина чувствовала себя «молодцомъ», то наряжалась по-мужски и ходила подъ окна, гдѣ были собранія дѣвушекъ, а когда чувствовала себя «вороной», то садилась въ лужу и каркала по-вороньи.

Икота — болѣзнь, крайне распространенная въ Печорскомъ краѣ исключительно среди женщинъ (среди дѣвушекъ очень рѣдко, среди мужчинъ почти никогда).

Въ числѣ причинъ этой болѣзни авторъ указываетъ, между прочимъ, и на тотъ гнетъ въ семьѣ, который ставитъ печорскую женщину на положеніе самаго забитаго и задавленнаго ея члена, особенно юнѣе, гдѣ развилось скотоводство и земледѣліе и гдѣ на женщинѣ лежитъ все это хозяйство. Авторъ пользуется и нѣкоторой статистикой распространенія этой болѣзни; статистическія свѣдѣнія эти, однако, требуютъ большихъ дополненій.

Во всякомъ случаѣ, въ Печорскомъ краѣ можно было бы задаться спеціальнымъ вопросомъ о психической заболеваемости населенія въ зависимости отъ социальныхъ и культурно-бытовыхъ условій, вопросомъ, который въ свое время заинтересовалъ д-ра Якобіа по отношенію къ другой мѣстности, гдѣ этническій составъ населенія былъ болѣе неопредѣленнымъ, чѣмъ здѣсь, и гдѣ изслѣдователь, какъ мы уже указывали въ свое время, не вполне убѣдительно выдвинулъ на первый планъ среди причинъ болѣзни расовое происхожденіе, и на второй уже — культурно-соціальную обстановку.

Обращаясь далѣе къ книгѣ г. Мартынова, само-собой уже интересуешься, даже съ точки зрѣнія только этнографіи, бытомъ населенія и его культурнымъ уровнемъ, экономическими условіями жизни и даже источниками будущаго благосостоянія края. Последнее справедливо потому, что этнографъ не изъ жестокости и не изъ празднаго любопытства изучаетъ мало-культурныя формы быта; онъ освѣщаетъ старину, чтобы расчислить правильный путь здоровому прогрессу. С. В. Мартыновъ, какъ уже сказано выше, соединилъ въ себѣ и изслѣдователя старины, пережитковъ, застоя, и проповѣдника необходимости поскорѣе внести въ этотъ забытый край свѣтъ, дѣятельность настоящаго человѣка, правду гуманныхъ отношеній. На эту тему имъ сказано много интереснаго въ главѣ 5-й (Источники будущей промышленности Печорскаго края) и 6-й (Лѣсопильные заводы на Печорѣ). Особенно много ему говорить при этомъ судьба энергичнаго изслѣдователя и культуртрегера сѣвера М. Б. Сидорова. Какъ ни давно это было, а все кажется, что недавно: ужъ очень живучи еще и сейчасъ тѣ «инстанціи», съ которыми велъ многолѣтнюю сѣверную войну Сидоровъ.

Нельзя не пожелать, чтобы и книга г-на Мартынова была принята, какъ боевой кличъ. Пусть выйдутъ одни борцы во всеоружіи науки и не дадутъ важнымъ фактамъ жизни исчезнуть въ неизвѣстности; загадочнымъ же дарамъ природы не дадутъ лежать въ безполезномъ покоѣ. Другіе пусть помогутъ устроить здѣсь сначала хоть сносную общественную и личную жизнь, а потомъ и возможно-счастливую. Край этого стоять. Здѣсь живутъ люди, на которыхъ только мундиръ и золото смотреть какъ на вещи, а наука и братство признаютъ всѣ ихъ человѣческія права.

Вл. Б.

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

Естествознание и Географія. Подъ ред. *М. П. Варавы* **В. Талиевъ**, **В.** Бѣдный Геродотъ и другіе „свѣтильники“ въ рукахъ почвенно ботанической географіи. Авторъ провѣряетъ степень достоверности показаній Геродота о природѣ юга-пшывѣйшей Россіи. Полемизируя съ г. Скальковскимъ, авторъ опирается, между прочимъ, и на данныя курганныхъ раскопокъ, которыя онъ признаетъ вообще очень важными въ почвенно-ботаническихъ изслѣдованіяхъ. **8, 9 и 10 Куртъ Гассертъ, д-ръ.** Фридрихъ Ратцель, его жизнь и дѣятельность (Перев. В. Ч-ной) Журналъ 10-й книжки закончилъ 10-лѣтіе своего существованія. Не мало за это время въ немъ было помещено статей, такъ или иначе имѣющихъ отношеніе и къ этнографіи. Вообще журналъ не замыкался въ узкія рамки специальности и тѣмъ содѣйствовалъ прогрессу смежныхъ наукъ. Пусть новое десятилѣтіе принесетъ „Естествознанію и Географіи“ такіе же и даже большіе успѣхи.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ XI. 1904. Вып. V (дополнительный) Спб. 1905. Приложение VI-е. *Олеинъ П.* Проектъ Верхоянской экспедиціи (См. здѣсь „хронику“).

Томъ XI. 1905. Вып. I. Гуртъ Я. (Заслуженный пасторъ). О псковскихъ в-топикахъ или такъ называемыхъ „сетукезахъ“. Объ этихъ сетукезахъ, изслѣдованныхъ г. Гуртомъ въ 1903 году въ пригородѣ Печеры (Petersbergi) былъ данъ очеркъ въ „Этн. Обзорѣніи“ (1904 г. № 3) по его докладу, сдѣланному въ Геогр. обществѣ. Теперъ самъ г. Гуртъ помѣстилъ свое изслѣдованіе въ „Извѣстіяхъ“ (стр. 1—22).—*Комаровъ, В. Л.* Поездка въ Тувинскій край и на озеро Косоголъ въ 1902 году (съ фототипіями). Этнографич. свѣдѣній (изъ жизни бурятъ и сайотовъ) мало. Есть свѣдѣнія изъ монастырской жизни и изъ культурной позднѣйшей дѣятельности человека. Фототипія и карта сдѣланы тщательно. *Клементъ, Д. А.* Изъ впечатлѣній во время лѣтней поездки на Алтай въ 1904 году. Дано содержаніе доклада въ г-омъ о-вѣ. Авторъ остановился на религіозной жизни народовъ, иновѣдующихъ шаманизмъ. По его мнѣнію, шаманство въ настоящее время скорѣе подходит по своимъ признакамъ къ развитому полетеизму, нежели къ культуамъ низшаго порядка. Приведенъ также извѣстный эпизодъ съ алтайцемъ Четъ-Чалпаповымъ. Ч. выступилъ борцомъ противъ шаманизма, кровавыхъ жертвоприношеній, призывалъ къ молитвѣ съ колѣнопреклоненіемъ и въ концѣ концовъ, усердіемъ волиціи, попалъ въ Бійскій острогъ.

Выпускъ II. Эдельштейнъ Я. Сѣверный и средній Сихота-Алинь (съ таблицами рисунковъ). Въ этой географической статьѣ есть этнографическія свѣдѣнія о гольдахъ, китайцахъ (вотпвцыя приношенія), ороцахъ (собственно-орочахъ и кіака (удыгъ) и отчасти русскыхъ. Есть хорошія фототипіи: 1) Кіака съ р. Хора, 2) шаманскіе столбы орочей, 3) ороческое стойбище.—Данъ подробный вполне сочувственный отзывъ *Б. А.* на извѣстную книгу *А. А. Иванова*: „Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи“ и его же на XI главу изъ Справочной книжки для путешественниковъ; краткое наставленіе для антропологич. наблюденій во время путешествія, сост. *Ю. Д. Талько-Гринцевичъ*, при чемъ рецензентъ сомнѣвается, что инструкція (въ изложеніи Т.-Г-ча) удовлетворитъ истиннымъ требованіямъ путешественника антрополога, особенно въ виду сбивчивости опредѣленій антропологич. и этнологич. и смѣшенія научныхъ понятій въ пунктахъ программы.

Выпускъ III. Бушъ, Н. А. По скаламъ Андійскаго Дагестана. (Съ рисунками). Въ статьѣ есть этн. свѣдѣнія. Лезгинцы о японцахъ думаютъ, что тѣ летаютъ

по воздуху, молятся паукамъ и насекомымъ и т. п. Дидойцы интересны по оригинальному костюму. Мужчины и женщины носят красивые самодельные шерстяные сапоги, съ очень пестрымъ и сложнымъ узоромъ. (На выработку пары сапогъ требуется мѣсяць) Женскій костюмъ: короткое платье (рубашка) по ярко-синей матеріи окаймлено по подолу очень широкой полосой ярко-краснаго цвѣта; на груди много серебряныхъ монетъ и бляхъ; на головѣ кожаный чепецъ, плотно сблегающій голову и весь покрытый серебр. монетами и бляхами; по вискамъ, закрывая уши и часть щекъ, отъ этого шлемообразнаго убора спускаются длинная полосы, доходящія до груди и усаженные также серебр. монетами и бляхами. Сзади отъ головного убора спускается широкій ярко-красный плащъ, доходящій до нижняго края рубашки, а рубашка доходитъ до середины голени. Дидойцы склонны къ воровству, особенно скота у грузинъ и тушинъ; русскія не любятъ. Въ с. Бежита живутъ тоже дидойцы, но ихъ женщины не носятъ шлемовидныхъ головн. уборовъ. На высшей точкѣ перевала стоитъ высокая Кодорская башня, а около нея—стоянка пастуховъ-тушинъ. Приведена легенда о происхожденіи озера Эзенъ-амъ (на границѣ Чечни и Андійскаго округа:) население было чеченское испорченное; пришелъ старецъ и просилъ почевать; никто не впускалъ, только одна вдова впустила; старецъ на утро вывелъ вдову и ея дѣтей изъ селенія, ударилъ посохомъ о камень, и все вмѣстѣ съ русломъ провалилось; образовалось озеро. При статьѣ есть интересныя фототипы; нѣтъ только снимковъ съ дидойцевъ.—*Рудневъ, Д.* Предварительный отчетъ о Большеземельной экспедиціи 1904 г. Есть нѣкоторыя этн. свѣдѣнія о самоѣдахъ. Самоѣды, кочующіе лѣтомъ въ этихъ широтахъ (занимаясь рыболовствомъ на озерахъ) живутъ зимой оседло въ с. Колвѣ. Олсведовы уходятъ лѣтомъ къ Югорскому Шару. Всѣ встрѣченные самоѣды не представляли чистаго типа, но имѣли долю зырянской крови. Даны хорошія фототипы: 1) Памятники-пирамиды, 2) самоѣды на Колвѣ, 3) самоѣды у истоковъ р. Адзвы и др.

Выпускъ IV. Марковичъ, В. В. Въ поискахъ за вѣчнымъ льдомъ (съ рисунками). Есть этногр. свѣдѣнія изъ поѣздки по Дигоріи. Между прочимъ, приведены легенды: 1) о происхожденіи грушъ въ мѣстности Моргъ 2) о горѣ Ваза и ея ледникахъ (часть легенды о Ваза вошла въ пѣсню, которую поютъ всѣ въ Дигоріи). Изложены также толки и мнѣнія о происхожденіи мѣстнаго осетинскаго дворянства. Канукговскую башню разбираютъ по частямъ для современныхъ построекъ. Самая важная святыня—Доифарса-Аршерипдза-кувтонъ. Это—дорожка въ отвѣсныхъ скалахъ; около дорожки сдѣланы огорожи вродѣ ложъ или небольшихъ загоновъ изъ крупныхъ камней, тянущихся шаговъ на двадцать. Внутри этихъ ложъ лежатъ кучи костей, роговъ (особенно оленихъ) и прочихъ принадлежностей кувтовъ. Такихъ ложъ нѣсколько подрядъ и каждая фамилія Доифарса имѣютъ свою ложу, гдѣ они справляютъ кувты; тутъ же видны и печи, сдѣланныя у скалъ. Брать эти рога считается большимъ грѣхомъ. Осмотрѣвъ остатки прежняго селенія Лесгоръ находившагося раньше (до снѣжнаго обвала) выше Лесгоры пьютъ домашнее пиво большими чашками, вищающими бутылки двѣ. Культы, связанные со смертью, держатся у дигорцевъ строго и иногда многихъ разоряютъ. Разорительна у нихъ и уплата калыма (выкупа за невѣсту). Для дигорскихъ баделать 1000 рублей считается средней нормой калыма, не считая подношеній лошадыми и скотомъ. Поэтому развитъ обычай похищенія невѣстъ. Есть фототипы: типъ жилья, трехъ-этажнаго (внизу скотъ, въ срединѣ хозяева, вверху кунацкая, т. е. для гостей), моста и др.—*Карскій, Е. Ѳ.* Отчетъ о поѣздкѣ въ Бѣлоруссію въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1903 года. Приведены образцы пѣсенъ, говороровъ и проч.—*Шамскій, О. А.* Киргизы-крестьяне. Изъ жизни Семирѣчья. Рѣчь идетъ о маленькой группѣ, составляющей одно небольшое селеніе въ Пишпекскомъ уездѣ Семирѣченской области.—Ташъ-тубе. Эта группа киргизовъ пожелала обособиться, чтобы въ своемъ землепользованіи не зависѣть отъ воротилъ каракиргизской жизни—мапаповъ, представляющихъ сильный пережитокъ былыхъ владителей-князьковъ. До присоединенія каракиргизовъ Пишпекскаго у. къ

Россіи (въ періодъ 1855—1865 гг.), они состояли въ подданствѣ кокандскаго ханства и дѣлились на два класса: „бухара“ или „фукара“, что соответствуетъ старорусскому „подлому“ народу, и классъ власть имущихъ „мапаповъ“, между которыми и была подвѣлена вся „бухара“, какъ между помѣщиками крестьяне, но при этомъ манапъ еще пользовался и властью князя-владыки: судить, распоряжался имуществомъ „бухары“, собиралъ ее для отраженія набѣговъ сосѣдей и т. п.

Съ присоединеніемъ кара-киргизовъ къ Россіи они получили самоуправленіе (волостные управители, аульные старшины, народные судьи, выборный волостной сѣздъ). Но манапство все же сохранилось, приспособившись къ новымъ условіямъ быта. „При наличности закона, привносящаго землю общественнымъ достояніемъ, распорядиться которымъ можетъ сѣздъ волостныхъ выборныхъ и при наличности системы, давшей манапамъ возможность захватить всю власть въ свои руки,—манапы самовольно распоряжаются землею“. Были попытки киргизовъ перейти въ казачество и получить, т. о., по 30 десятинъ на душу; но манапы прибѣгли къ клеветѣ, судебной волокитѣ и не допустили до этого. Наконецъ селеніе Ташъ-тубе, выдѣлившееся изъ кочевыхъ аульныхъ обществъ въ осѣдлую крестьянскую группу, перешло на такія условія землевладѣнія, при которыхъ манапы ихъ не касаются. Ташъ-тубинцы съ гордостью называютъ себя „крестьянами“, а не „муджики“ (т. е. русскій вообще) и не „ноколь“ (холодъ). Окрестные киргизы собираются подражать имъ.

Миръ Божій. 1905. 9. Науч. фельетонъ: Различали ли наши историческіе и доисторическіе предки всѣ цвѣта? Магнусъ (1877 г.) пришелъ къ выводу, что глазъ до-историческаго человѣка различалъ только свѣтъ отъ темноты; способность же различать цвѣта развивалась медленно. Филод. изысканія Гейгера и Гладстона подтверждали гипотезу Магнуса. (По ихъ мнѣнію, напр., греки во времена Гомера различали только красный и желтый цвѣта; во времена Ксенофонта—пурпурный и зеленый; Аристотель говорить уже о синемъ цвѣтѣ, но только въ IV вѣкѣ по Р. Х. массы стали различать синій цвѣтъ отъ чернаго. Естествоиспытатели установленную филологами эволюцію считаютъ не эволюціей органа зрѣнія человѣка, а эволюціей его умственныхъ способностей. Особенно же интересную работу далъ Кандіоти (Candioti: La notion des couleurs et la linguistique (Thèse de Bordeaux, 1904—1905). Исслѣдуя языкъ и культуру теперешнихъ „дикихъ“ народовъ, а также культуру пещернаго человѣка, эпохи микенскихъ памятниковъ и т. д., К. нашелъ, что не только основные цвѣта, но и тонкіе оттѣнки ихъ были известны человѣку далеко до Гомера.—10. Критич. замѣтки: книга Флетчера „О Государствѣ русскомъ“. Авторъ, давъ краткую характеристику этой книги, дѣлаетъ дальше величественныя и паучаго интереса сопоставленія націоналистическихъ тенденцій раньше и теперь (по поводу повѣсти Клитина: „Третій Римъ“).—12. *Фамининъ, А.* Второй сѣздъ международной ассоціаціи академій.—1-й былъ въ 1901 г., 2-й въ 1904 (въ Лондонѣ). Брайсъ доложилъ, что Британская академія сдѣлала первые шаги къ изданію международной библиографіи (каталога) по филологіи и др. наукамъ. Слѣдующій сѣздъ будетъ въ 1907 г. въ Вѣнѣ. Въ засѣданіяхъ историко-филологическаго отдѣленія сѣзда первымъ былъ поднятъ вопросъ объ обихѣ манускриптами. Инициатива въ разрѣшеніи этого вопроса предоставлена Берлинской академіи. Обсуждался вопросъ объ изданіи „Махабхараты“ по плану, предложенному академіями Геттингена, Лейпцига, Мюнхена и Вѣны. Проф. Гуйе представилъ отчетъ по изданію „Энциклопедіи Ислама“; планъ изданія выработанъ имъ и проф. Гольдштермомъ. Проф. Крумбахеръ представилъ планъ изданія „Сборника греческихъ актовъ среднихъ вѣковъ и позднѣйшаго времени“, выработанный имъ и проф. Иречекомъ. Р. Джебъ внесъ предложеніе издать полный древне-греческій словарь. Обсужденіе плана изданія *Cognus Medicorum antiquorum* отложено до слѣдующаго сѣзда. Отъ Британской академіи исходило предложеніе объ изданіи новаго словаря Пали, языка, на которомъ написана часть древнѣйшихъ буддійскихъ книгъ. Схема печатанія уже составлена обществомъ, которое специально занимается этимъ предметомъ (Pali Text Society).

Вопросъ о международномъ вспомогательномъ языкѣ, не внесенный въ программу съезда, былъ определенъ, какъ не затрагивающій научныхъ интересовъ, и обсужденіе его не только не встрѣило поддержки, но даже вызвало сопротивление со стороны парижской Academie des Inscriptions et Belles lettres.—**9, 10, 11, 12.** *Розенбергъ, Р.* Исторія искусства съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Перев. съ нѣм. О. Θ. Павловской, подъ ред. проф. А. А. Павловскаго.

Россія Вѣдомости. 1905. 245. Щукинскій музей и „Щукинскій сборникъ“. Выпъ этотъ музей составляетъ отдѣленіе Императорскаго Историческаго музея. Новый (4-й) вып. „Сборника“ вмѣстилъ обильное количество разнообразныхъ матеріаловъ—**250.** О путешествіи П. К. Козлова въ Ургу къ Далай-Ламѣ (Пов. н., н. и л.). Козлова сопровождалъ студ. Θ. И. Щербацкій, специалистъ по санскриту, и г. Кожевниковъ; послѣдній съ Далай-Ламы нарисовалъ удачный портретъ—**257.** *П—съ, В. И.* Григорій Николаевичъ Потанинъ. Къ 40-лѣтію его научно-литературной дѣятельности.—**264.** *Ковилевскій, Максимъ.* Отношеніе Россіи къ окраинамъ.—**323.** *Козловъ, П.* Тибетскій Далай-Лама. Авторъ—путешественникъ первое свиданіе съ Далай-Ламой имѣлъ 1-го іюня 1905 г. „Далай-лама, говоритъ г. Козловъ, выпъ состоитъ въ тринадцатомъ перерожденіи и является собою молодого тридцатилѣтняго изящнаго тибетца съ темными, умными глазами, съ лицомъ, слегка попорченными оспой и носящимъ слѣды великой озабоченности, подавленности. Его душевное спокойствіе сильно нарушено политикой англичанъ; онъ сталъ нервный, раздражительный. Спитъ Далай-Лама немного: встаетъ съ утренней зарей, ложится въ полночь, а то и позже. Весь день у него наполненъ занятіями свѣтскими и религіозными. Помѣщается онъ въ небольшомъ, красномъ монастырскомъ флигелѣ, раздѣленномъ на два этажа. Въ верхнемъ этажѣ у Далай-Ламы—рабочій кабинетъ и спальня, въ нижнемъ—пріемная. Весь штатъ при немъ исчисляется въ пятьдесятъ человѣкъ тибетцевъ, наполовину принадлежащихъ къ чиновничьему духовному званію. Дневъ почти безотлучно при немъ состоятъ два министра и столько же секретарей: ночью—такъ-называемый „дядька“ Сойбонъ-хамбо и два-три молодыхъ тибетца въ качествѣ приближенныхъ слугъ-охранителей. Дворъ свой Далай-Лама держитъ въ большой строгости.

Будучи отличнымъ проповѣдникомъ, мыслителемъ, говорятъ, даже глубокимъ философомъ въ области буддйской философіи, глава буддйской церкви въ то же время по отношенію къ свѣтскимъ дѣламъ—незамысловитый дипломатъ, заботящійся о благѣ народа. Ему недостаетъ лишь европейской утонченности. Со времени вступленія на престолъ „Верховный правитель Тибета“ уже успѣлъ ознаменовать свою дѣятельность слѣдующими отпадными явленіями: отменной смертной казни, обузданіемъ чиновничьяго произвола, устраниеніемъ злоупотребленій китайскихъ властей, обравившихъ тибетцевъ, поднятіемъ народнаго просвѣщенія и проч.

Надо полагать, что только одні выдающіяся умственные способности помогли Далай-Ламѣ избѣгать превратности судьбы. Предшественникъ настоящаго перерожденна двѣ достигъ двадцатилѣтняго возраста, какъ уже и умеръ; одиннадцатый перерожденецъ жилъ еще менѣе—около восемнадцати лѣтъ. Въ тринадцатомъ или современномъ перерожденіи, по опредѣленію свыше, безъ метанія жребія, Далай-Лама обнаружилъ себя въ четырехстахъ верстахъ къ юго-западу отъ Лхасы, въ округѣ Дахъ-бо. Трехлѣтнимъ ребенкомъ онъ былъ торжественно перемѣщенъ въ Лхасу, въ одинъ изъ ближайшихъ горныхъ монастырей, Рига, гдѣ проживалъ до пятилѣтняго возраста. Позднѣе его перенесли съ установленными почестями въ Поталу и посадили на тронъ. Съ семи лѣтъ онъ началъ изучать грамоту, а къ двадцати или совершеннолѣтію закончилъ свое философское образованіе въ разнѣхъ курса высшихъ лхасскихъ школъ и принялъ въ свои руки свѣтское управленіе Тибетомъ.

За малолѣтствомъ Далай-Ламъ правителями страны назначаются регенты изъ знатнѣйшихъ тибетскихъ хуругтъ.

Послѣ смерти пятаго Далай-Ламы,—говоритъ Цыбиковъ,—что, однако, вполне согласуется и съ иными данными, въ теченіе почти сорока лѣтъ Далай-Ламы

дѣляются предлогомъ политическихъ интригъ разпыхъ властолюбцевъ, пока рядъ историческихъ событий не уничтожилъ въ Тибетѣ власти монгольскихъ и туземныхъ князей и пока, наконецъ, въ 1751 году не было признано за Далай-Ламой преобладающее вліяніе какъ духовное, такъ и свѣтское. Избраніе Далай-Ламы до 1822 г.—года выбора десятого перерожденца—основывалось на предсказаніяхъ высшихъ дамъ и опредѣленіи прорицателей, что равносильно выбору вліятельныхъ лицъ, но при выборѣ десятого перерожденца впервые было примѣнено въ практикѣ установленное при императорѣ Цинь-Лунѣ металіе жребіи посредствомъ такъ-называемой „сѣрбумъ“ или „золотой урны“. Оно состоитъ въ томъ, что имена трехъ кандидатовъ, опредѣленныхъ прежнимъ порядкомъ, пишутся на отдѣльныхъ билетикахъ; послѣдніе кладутся въ золотую урну, которая сначала ставится передъ большой статуей Чжово-Сакья-муни, и возлѣ нея совершается депутатами отъ монастырей богослуженіе о правильномъ опредѣленіи перерожденца. Затѣмъ урна переносится въ Поталу, во дворецъ Далай-Ламы, и здѣсь передъ дощечкой съ именемъ императора въ присутствіи высшихъ правителей Тибета и депутаціи отъ главнѣйшихъ монастырей манчжурской амбанъ посредствомъ двухъ палочекъ, замѣняющихъ у китайцевъ вилки, вытаскивается одинъ изъ билетиковъ. Чье имя написано на этомъ билетикѣ, тотъ и возводится на далай-ламскій престолъ.

Избраніе перерожденца обыкновенно пріивѣтствуется китайскимъ богдыханомъ въ видѣ торжественной присылки высшаго духовнаго или свѣтскаго лица, хранящаго императорскую духовную печать. Означенное лицо привозитъ художественно исполненные изъ золота или драгоценныхъ камней письменные знаки, означающіе имя и титулъ перерожденца“. 325. Убіенство д-ра В. В. Воробьева.—*Минаковъ, П. Памяти В. В. Воробьева.* 326. *Анучинъ, Д. и Ивановскій, А. Памяти В. В. Воробьева.*

Русское Богатство. 1905. 10 и 11—12. *Гримченко, Б.* На безпросвѣтнотѣхъ нутти. Авторъ многими примѣрами изъ малорусскаго языка, сравненіями и объясненіями иллюстрируетъ мысль о необходимости скорѣйшаго обученія въ малорусской школѣ на малорусскомъ языкѣ. Для этнографа особенно интересны тѣ примѣры, въ которыхъ авторъ показываетъ, какъ и при какихъ лексическихъ комбинаціяхъ современный великорусскій литературный языкъ перерождаетъ малорусскую рѣчь.—11—12. *Дюнео.* Автобіографія Уоллеса. Какъ извѣстно, Уоллесу принадлежитъ честь созданія теоріи естественнаго подбора, что призналъ за нимъ и Дарвинъ. Эта теорія создавалась у него въ 1853 г. и изложена въ статьѣ „Стремленіе разнообразностей безконечно уклониться отъ первоначальнаго типа“. Въ 1864 г. онъ напечаталъ статью „Развитіе человѣческихъ расъ вслѣдствіе закона естественнаго подбора“. Здѣсь онъ показалъ, что какъ только умъ и физическая структура чловѣка привели его къ такимъ культурнымъ бытованіямъ, какъ употребленіе огня, орудія, земледѣліе, прирученныя животныя, жилище и одежда,—„дѣйствію естественнаго подбора подчинилось уже не тѣло его, а разумъ“. Въ 1890 г. онъ напечаталъ статью „Человѣчскій прогрессъ въ прошломъ и въ будущемъ“. Здѣсь онъ разбираетъ вопросъ о постепенномъ улучшеніи расы путемъ естественнаго процесса и, между прочимъ, опровергаетъ одностороннее поппманіе естественнаго подбора, высказанное нѣкоторыми англійскими и американскими писателями. Уоллесъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что естественный подборъ есть главный факторъ прогресса какъ низшихъ животныхъ, такъ и чловѣка. „Этотъ подборъ будетъ дѣйствовать благоприятно для чловѣческихъ расъ, когда установится такой соціальный строй, который дастъ всѣмъ индивидуумамъ одинаковую возможность пользоваться въ равной степени благами культуры, образованія, а также досугомъ и счастьемъ. Такія условія будутъ содѣйствовать развитію умственныхъ, физическихъ и нравственныхъ свойствъ чловѣка“. Интересны также и путешествія Уоллеса на Амазонку. (См. его книгу „Путешествіе по Амазонской рѣкѣ и по Рио-Негро“, на острова Малайскаго архипелага (гдѣ пробылъ восемь лѣтъ), а также различныя его соціальныя работы.

Новости этнографической литературы.

Абрамовъ, Ив. Черниговскіе малороссы. Бытъ и пѣсни населенія Глуховскаго уѣзда. Этн. очеркъ. Спб. 1905. Ц. 25 коп.

Баронъ, Хр. и Виссендорфъ, Г. Латышскія народныя пѣсни. Т. I и II. Митава. 1894—1898. Спб. 1903.

Довнаръ-Запольскій, М. В. Вереvныя и разрубныя книги Сѣвернаго края. Спб. 1905. 8°. 166 стр. Изд. Имп. Археогр. Комиссіи.

Зеленинъ, Д. Великорусскія народныя присловья, какъ матеріалъ для этнографіи. Спб. 1905. 8°. Съ 57—по 76 стр. (Изъ „Жив. Стар.“, вып. I—II.)

Зеленинъ, Дмитрій. Къ вопросу о ходѣ древнѣйшей русской колонизаціи въ Вятскій край. (Котельническій праздникъ „Всѣ святые“ и „выставка невѣстъ“). Вятка. 1906. 8°. 15 стр. (Изд. Вят. губ. стат. комитета.)

Зеленинъ, Дмитрій. Троицкыятница. Этнографическое изслѣдованіе Вятка. 1906. 8°. 54 стр. Изд. Вят. губ. Стат. Комитета.

Зеленинъ, Д. Черты быта усень-ивановскихъ старовѣровъ. Каз. 1905. 8°. 58 стр. (Изд. „Изв. о-ва ист., арх. и этн.“)

Назаяскій, М. Связь съ точки зрѣнія современной психопатологіи. Ч. II. Самаркандъ. 1905.

Кофодъ, А. А. Крестьянскіе хутора на падальпой землѣ (Изд. особ. совѣщанія о нужд. с.-х. пром.) Т. I. 283 стр. Т. II. Приложенія. 695 стр.

Лясноронскій, В. Г. Къ вопросу о переяславскихъ торкахъ. Спб. 1905. 8°. 27 стр. (Изд. „Журн. Мин. Нар. Пров.“)

Максимовичъ-Васильевскій, П. Я. Поездка въ Персію (есть свѣдѣнія историч. и этнографич.). Тифл. 1904 8°. (Изд. Кавк. Отд. И. Р. Г. О., т. XVII, № 4.)

Максатовъ, В. П., ин. Исторія древняго Востока. Культурно-политическая и военная. Ассиро-Халдея и Персія. Томъ второй, книга V—VIII. Спб. 1905. Ц. 5 р.

Мартыновъ, С. В. Печорскій край. Очерки природы и быта. Населеніе, культура, промышленность. Спб. 1905. 8°. VIII + 276 стр. Ц. 1 р. 50 к. (Изданіе М. М. Стасюлевича.)

Осокинъ, Г. М. На границѣ Монголіи. Очерки и матеріалы къ этнографіи юго-западнаго Забайкалья. Съ рисунками. Спб. 1906. 8°. IV + 304 стр. Ц. 1 р. 60 к. (Изд. А. А. Суворина.)

Проскуряновъ, Я. С. Замѣтки о Турціи. (Зап. Кавк. Отд. И. Р. Г. О., кн. XXV, вып. 1.) Тифл. 1905. 8°. 112 + III стр. Ц. 40 к. (Описанъ гл. обр., Эрзурумскій вилайетъ, его топографія, народонаселеніе, исторія, достопримѣчательности, преданія и т. п.)

Рыбаковъ, В. Е. прив.-доц. Гипнотизмъ и психическая зараза. Три популярныя лекціи. М. 1905. (См. рецензію въ „Русск. Богатствъ“, 1905, 11—12, стр. 121—123).

Смирновъ, Н. Н. Поѣздка въ Сѣверный Курдистанъ. Тифл. 1904. 8°. (Изд. Кавк. Отд. И. Р. Г. О., т. XVII, № 4).

Строшевскій, В. Корея. Спб. 1905. (Изд. Глаголева.) Ц. 1 р. 25 к.

Указатель къ „Сказаніямъ русскихъ летописцевъ о Вяткѣ“. Вятка. 1905.

Чичерина, С. У. Приволжскихъ инородцевъ. Путевыя замѣтки. Спб. 1905. 8°. VI + 427 + 212 стр. Съ рисунк. Ц. 2 руб.

Швальбе. Донсторическій человекъ (Die Vorgeschichte des Menschen). Перев. съ нѣм. Г. Г. Оршанскаго. Харьк. 1906. 8°. 38 стр. + 3 табл. Съ рисунк. Ц. 40 к.

Acheils, Th. Abriss der vergleichenden Religionswissenschaft. Lpz. Göschen. 1905. 8.

Adler, B. Die deutsche Kolonie Riebenendorf im Gouvernement Woronesh. (Globus. LXXXVII, 1905. См. также русскій оригиналь: въ „Русск. Антропол. журналѣ“, кн. XIX—XX, 1904, №№ 3—4.)

Anthropophytelo. Jahrbücher folkrostische Erhebungen u. Forschungen z. Entwicklungsgeschichte d. geschlechtlichen Moral. Hszv. v-Fr. S. Krauss. B. I. Leipz. 1894. 8. XXII + 530 s.

Candlotti. La notion des couleurs et la linguistique. (Thèse de Bordeaux. (1904—1905.)

Demolin, Edm. Comment la route crée le type social. T. II. Les routes du monde moderne. (Firmin-Didot). 3 fr. 50.

Dorsey, G. A. The Mythology of the Wichita. Washingt. 1904. 8°. 351 p.

Fitzner, Rudolf. Aus Kleinasien und Syrien. T. I. 240 стр. Rostock. Verlag Volkmann. 1904. 8°. Preis 5 M. (Изученіе экономяч. условій страны и пригодности ея для колонизаціи).

Folkmar, D. Album of Philippine Types. Christians a. Moras. Manilla. 1904. 4.

Goddard, P. E. Life a. Culture of the Hupa. Hupa Texts. Univ. of California Publications: Amer. Archocol. a. Ethnog. V. I. 1—2. Berkeley, 1903.

Jacoby, Paul, d-r. Etudes sur la sélection chez l'homme. Paris. (Анализируя естественный подборъ у человека, авторъ доказываетъ, что власть и талантъ порождаетъ физіологич. недостатки, источникъ наследственной дегенераціи. „Міръ Божій“.)

Laurent, Emile, d-r. Feticnistes et érotomanes.

Johnston, Harry. Liberis: The Negro Republic in West Africa. (With nearly 300 Illustration. in 2 vols. Hutchinson and Co.)

Koillmann, J. „Neue Gedanken über das alte Problem von der Abstammung des Menschen“ („Globus“, т. LXXXVII, № 7. Статья эта изложена также на русск. яз. Б. Адлеромъ въ „Русск. Антроп. журналѣ“, кн. XXI—XXII.)

Lagrauge, M. J. Etudes sur les Religions sémitiques. Paris. Lecoffre. 1-er éd. 1903. 2 éd. 1905.

de-Lanessan. La morale des religions. (Конечный выводъ: нравственность народовъ не зависитъ отъ религіи. „Міръ Божій“.)

Lange, R. Japanische Wappen. Mitt. d. Seminar f. Orient. Sprachen in Berlin. B. VI, s. 63—281. 1903. (См. рец. на эту статью Gaudefroy. Demombynes въ „Revue des Traditivis popul.“ f. XIX. 1904, p. 81—84.)

Levinstein, S. Kinderzeichnungen bis z. 14. Lebensjahre. Mit. Parallelen aus d. Urgesch., Kulturgesch. u. Völkerkunde. Leip. 1905. 119 s.

Macler. Contes arméniens. Paris. 1905. 8. Coll. des contes et chansons popul.

- Martin, R.** Die Inlandstämme d. Malaischen Halbinsel. Jena, Fischer. 1905.
- Mauss, M.** L'Origine des pouvoirs magiques dans les sociétés africaines. T. 1904. 85 p.
- Meyermann, G.** Göttinger Hausmarken u. Familien-Wappen, 1904. 97 S. u 25 Tafel mit 607 Zeichn.
- Michaux Bellaire et Salmon.** El-Qçar El-Kebir. Archives. Marocaines. V. II. № 2.
- Nelson, W.** Personal Names of Indians of N. Jersey. Paterson N. J. The Paterson Club. 1904. 8. 83 p.
- Reports of the Cambridge Anthropol. Expedition to Torres Straits. V. V. Sociology, Magic, u. Religion of the Western Islanders.** Cambridge, 1904. 8. XII+378. (Вышло еще лишь v. II. Physiology u Psychology этого интереснаго издания. Всѣх томовъ предполагено выпустить шесть.)
- Soulé, I. A.** Géographie de la principauté de Batang. (Княжество Батаанъ расположено по восточной окраинѣ Тибетскаго нагорья.) Avec une carte. La Géographie. 1904. IX, № 2. 87—104. (Есть и этнографическія свѣдѣнія.)
- Stahelin, Felix.** Antisemitismus des Altertums in seiner Entstehung und Entwicklung.
- Stumme, H.** Maltesische Studien. Maltesische Märchen, Gedichte u. Rätsel. Lpz. 1904. 8.
- Yacoub Artin Pascha.** Contribution à l'Etude du blason en Orient. Lond. 1902.

ХРОНИКА.

Отчетъ о дѣятельности Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э. и состоящей при немъ Музыкально-Этнографической Комиссiи за 1904—1905 годъ.

Бюро Этнографическаго Отдѣла, согласно выборамъ 23 ноября 1903 года, составляли: председатель—поч. чл. *В. Θ. Миллеръ*, товарищъ председателя—непр. чл. *Н. А. Янчукъ*, секретарь—непр. чл. *В. В. Бодановъ*, библиотекарь—д. чл. *А. А. Борзовъ*, помощникъ библиотекаря—д. чл. *Е. Н. Елеонская*.

Этнографическiй Отдѣлъ въ отчетномъ году имѣлъ 6 закрытыхъ засѣданiй, изъ нихъ—одно соединенное съ Музыкально-Этнографической Комиссiей. На этихъ засѣданiяхъ доложено было 14 сообщенiй:

1) *В. Θ. Миллеръ* (три сообщенiя): а) Отголоски смутнаго времени въ былинахъ. Часть I. б) То же. Часть II. в) Памяти В. П. Сизова.

2) *Н. А. Янчукъ* (три сообщенiя): а) Памяти А. Н. Шылина, б) Памяти В. М. Михайловскаго, в) О народной словесности Пермской губернии.

3) *Н. В. Васильевъ*: Бѣломорская былина и повѣсть Петровскаго времени.

4) *Е. Н. Елеонская*: Отраженiе переводныхъ повѣстей въ русскихъ сказкахъ.

5) *С. К. Кузнецовъ* (два сообщенiя): а) Изъ лѣтнихъ занятiй среди черемисъ, б) Поѣздка къ древней черемисской святынь.

6) *А. В. Марковъ*: Что такое Овсень?

7) *А. Л. Масловъ*: Мелодико-ритмическiй анализъ русскихъ былинъ.

8) *Б. В. Рудинъ*: Поѣздка въ Костромскую губершю.

9) *И. Т. Савенковъ*: Къ вопросу объ эволюцiи шахматной игры въ связи съ ея передвиженiями среди разныхъ народностей сѣверной и центральной Азiи.

Изъ изданiй Отдѣла продолжалъ выпускать журналъ «Этнографическое Обзорiе» подъ ред. *В. Θ. Миллера* и *Н. А. Янчука*, вступившiй въ 1905 году въ 17-й годъ своего существованiя.

Пожаръ, произошедшiй на складѣ изданiй Отдѣла и Общества въ апрѣль 1905 года, лишилъ Отдѣлъ почти всего научнаго богатства, накопленнаго имъ за 42-лѣтнее его существованiе.

Музыкально-Этнографическая Комиссія, состоящая при Отдѣлѣ, имѣла въ истекшемъ отчетномъ году семь засѣданій, въ томъ числѣ одно, соединенное съ Этнографическимъ Отдѣломъ. Въ засѣданіяхъ было доложено семь сообщений по вопросамъ музыкальной этнографіи. Докладывали слѣдующія лица:

Дм. Им. Архисевъ—1) О грузинской народной духовной музыкѣ, и 2) О народной музыкѣ пшавовъ и хевсуръ (съ демонстр. фонограммъ).

Пав. А.-евичъ Карасевъ—О провѣркѣ фонографическихъ записей народныхъ пѣсень.

Ал-ндръ Мих. Листопадовъ—Поѣздка въ Донскую область для записи казачьихъ великорусскихъ и малорусскихъ пѣсень (съ демонстраціей фонограммъ).

Ал-ндръ Леонт. Масловъ—Мелодико-ритмическій анализъ бѣломорскихъ былинъ.

Ник. Андр. Янчукъ—1) О музыкально-этнографическихъ матеріалахъ поэта Н. Ѳ. Щербины. 2) О преподаваніи народной музыки въ консерваторіяхъ.

Засѣданія происходили въ залѣ засѣданій Общества, а также въ залѣ Синодальнаго училища, администраціи котораго Комиссія считаетъ долгомъ принести публично свою благодарность. Предположенная и отчасти подготовленная публичная лекція Н. А. Янчука и Ю. Д. Энгеля о малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ съ музыкальнымъ отдѣленіемъ не могла состояться вслѣдствіе тревожнаго времени за невозможностью собрать малорусскій хоръ изъ учащейся молодежи. Равнымъ образомъ не могъ состояться и «Вечеръ русскихъ пѣсень», который предполагалось устроить по выработанной уже программѣ для сбора на постановку памятника на могилѣ Ю. Н. Мельгунова. Оба эти публичные предпріятія отложены до болѣе благопріятнаго и удобнаго времени.

Отъ научныхъ экскурсій въ истекшемъ году въ виду повсемѣстныхъ безпорядковъ членамъ Комиссіи пришлось воздержаться, зато усиленная дѣятельность Комиссіи была направлена, главнымъ образомъ, на изданіе ея трудовъ и матеріаловъ. Во-первыхъ, выпущенъ въ свѣтъ составленный Комиссіею и отпечатанный въ 3000 экз. «Школьный Сборникъ русскихъ народныхъ пѣсень» для дѣтей младшаго возраста, удостоившійся одобренія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Во-вторыхъ, приступлено къ печатанію серіи «Трудовъ Музык.-Этногр. Комиссіи», in-4°, куда должны войти собранные членами Комиссіи матеріалы и научныя статьи и доклады, а также протоколы засѣданій Комиссіи. Въ настоящее время уже близится къ концу печатаніе 1-го тома «Трудовъ» (отпечатано уже 20 листовъ), въ который изъ болѣе крупныхъ матеріаловъ вошли народныя пѣсни русскаго сѣвера, Донской области, Малороссіи и Кавказа, а также нѣсколько докладовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ. Одновременно готовится къ печати матеріалъ для 2-го тома.

Въ-третьихъ, значительно подвинуто впередъ дѣло изданія въ свѣтъ находящихся въ распоряженіи Комиссіи трудовъ покойнаго ученаго музы-

канта Ю. Н. Мельгунова. Благодаря близкому участию въ этомъ дѣлѣ П. Д. Самарина, положившаго немало трудовъ по подготовкѣ части этого матеріала къ изданію на его же средства, въ настоящее время Комиссія приступаетъ, во-первыхъ, къ печатанію оставшагося въ рукописи «Учебника ритмики» Мельгунова съ предисловіемъ акад. Ѳ. Е. Корша, а во-вторыхъ, готовится къ изданію въ русскомъ переводѣ изслѣдованія Вестфала «Всеобщая теорія ритмики» съ примѣчаніями Мельгунова, подъ ред. проф. Н. Д. Кашкина.

Въ засѣданіяхъ Комиссіи неоднократно трактовались нѣкоторые общіе вопросы. Такъ, напр., была переработана общедоступная программа для собранія музыкально-этнографическихъ матеріаловъ. Въ послѣднее время былъ подвергнутъ обсужденію и разработкѣ вопросъ о введеніи въ консерваторіяхъ курса народной музыки. Проектъ, выработанный Комиссіей по этому вопросу, будетъ отпечатанъ и разосланъ по всѣмъ консерваторіямъ и имъ подобнымъ музыкальнымъ училищамъ и университетамъ.

Наконецъ, необходимо упомянуть о томъ, что Комиссія, по поводу надѣлавшихъ много шума инцидентовъ съ ея уважаемыми членами Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ и С. И. Танѣевымъ, выразила свое горячее сочувствіе отправкою обоимъ названнымъ членамъ привѣтственныхъ адресовъ, а по дѣлу Римскаго-Корсакова, кромѣ того, Комиссія обратилась въ главную дирекцію И. Р. Музыкальнаго Общества съ заявленіемъ о необходимости кассировать постановленіе дирекціи петербургской консерваторіи, какъ незаконное.

Бюро Комиссіи составляли: предсѣдатель *Н. А. Янчукъ*, товарищъ предсѣдателя *Ал-дръ Тихонъ Гречаниновъ*, секретарь *Евг. Эдгардъ Линева*, казначей *Алексій Влад. Марковъ*, бібліотекаръ *Вяч. Викт. Пасхаловъ*—все по избранію 2 марта 1904 г.

Лѣтнія экскурсіи членовъ Этнографическаго Отдѣла и Музыкально-Этнографической Комиссіи въ отчетномъ году были слѣдующія:

1. *А. В. Гордлевскій*: дѣлалъ наблюденія и изслѣдованія въ Турціи въ области языка, быта и вѣрованій турокъ.

2. *С. К. Кузнецовъ*: былъ въ Вятской и смежныхъ съ ней губерніяхъ, гдѣ изучалъ бытъ, вѣрованія, языкъ и творчество черемисъ и вотяковъ.

3. *А. В. Марковъ*: былъ въ Архангельской губерніи, гдѣ дополнял нѣкоторыми наблюденіями и записями свои прежнія экскурсіи по сѣверу.

4. *А. Л. Масловъ*: былъ въ Закавказскомъ краѣ, гдѣ производилъ наблюденія и записи изъ области народной музыки и пѣсни среди мѣстнаго населенія.

5. *И. Т. Савенковъ*: былъ на Алтаѣ, гдѣ занимался изученіемъ и изслѣдованіемъ древнихъ надписей на скалахъ, камняхъ и проч.

6. *Н. Н. Соколовъ*: изслѣдовалъ народные говоры московскаго и смежныхъ районовъ.

Г. Н. Потанинъ.

(По поводу 70-лѣтїя дня его рожденїя).

21 сентября минувшаго 1905 года Сибирь, а съ нею вмѣстѣ и все образованное русское общество, привѣтствовали Григорїя Николаевича Потанина по поводу исполнившагося семидесятилѣтїя его многотрудной жизни. Трудно сказать, кого больше чествовали въ этотъ день въ лицѣ Потанина: ученаго путешественника, фольклориста, общественнаго дѣятеля, областного журналиста, безкорыстнаго друга молодежи—или просто человѣка съ дѣтски-кристалльной душой, до сѣдыхъ волосъ сохранившаго юношескую вѣру въ людей, несмотря на всѣ перенесенныя невзгоды. А невзгодъ было много. Г. Н. Потанинъ родился 21 сентября 1835 года въ Имышевской станицѣ, на прежней пограничной линїи. Базакъ по происхожденїю, Г. Н. въ 1852 г. окончилъ Омскій кадетскій корпусъ, будучи выпущенъ съ чиномъ хорунжаго. Въ 1853—54 г. Г. Н. принималъ участіе въ походѣ въ Закавказскій край. Этотъ походъ пробудилъ въ молодомъ казачьемъ офицерѣ любовь къ изученїю природы и людей. 1855 г. Г. Н. провель на Алтаѣ командиромъ казачьей сотни, но вскорѣ вернулся въ Омскъ. Его не удовлетворяла военная служба съ ея мелочами и бездѣльемъ; какъ офицеръ, онъ былъ, очевидно, плохъ и сживалъ на гауптвахтѣ за служебныя упушенїя. Арестованный офицеръ превращался въ ученаго: при гауптвахтѣ оказался заброшенный архивъ; Г. Н. разобралъ его, описалъ, и въ результатѣ появился рядъ статей, писанныхъ на основанїи архивныхъ матеріаловъ. Благодаря хлопотамъ П. П. Семенова, въ 1858 г. Г. Н. освободился отъ обязательной военной службы и осуществилъ свою завѣтную мечту—поступилъ на естественное отдѣленїе Петербургскаго университета. 1861 годъ прервалъ университетскїя занятїя Г. Н., но научная его дѣятельность продолжалась безостановочно. Въ 1863—64 г. онъ вмѣстѣ съ К. В. Струве совершилъ экскурсію въ Монгольскій Алтай и въ Тарбагатай. Въ качествѣ секретаря статистическаго комитета Г. Н. много поработалъ для изученїя быта сибирскихъ крестьянъ.

Къ этимъ годамъ относится выдающїйся моментъ общественной дѣятельности Г. Н. Волна освободительнаго движенїя, поднятая 19 февраля 1861 г., перекатилась черезъ Уралъ и приняла въ Сибири форму сознательнаго и широкаго областного движенїя. На страницахъ «Этн. Обзоръ» мы не будемъ останавливаться на характеристикѣ этого общественнаго движенїя, которое, къ тому же, еще ждетъ своего историка. Скажемъ лишь, что, по условїямъ русской жизни, довольно быстрымъ его результатомъ явился громвїй политическїй процессъ «о сибирскомъ сепаратизмѣ». Отмѣтимъ и то, что «сепаратисты»—Г. Н. Потанинъ, Н. М. Ядринцевъ, С. С. Шашковъ и ихъ друзья—обвинялись, между прочимъ, въ проповѣди о необходимости для Сибири университета, о неотложности привлеченїя мѣстныхъ силъ къ дѣлу устренїя далекой и забытой окраины.

Военный судъ приговорилъ Потанина къ смертной казни, которая замѣнена была каторжными работами въ Свеаборгской крѣпости. Въ 1872 г. кончилась каторга, и началась двухлѣтняя ссылка въ глухомъ уголкѣ Вологодской губерніи. Результатомъ жизни на Сѣверѣ Россіи явился выдающійся этнографическій трудъ — «Этнографическія замѣтки на пути отъ г. Никольска до г. Тотьмы», только недавно напечатанный въ «Живой Старинѣ».

Въ 1874 г. Географическое общество выхлопотало возвращеніе правъ Г. Н. Немедленно отправился онъ въ Петербургъ и сразу принялся за научную работу: вмѣстѣ съ П. П. Семеновымъ онъ занялся составленіемъ дополненій къ Риттеровой «Азіи».

Съ 1876 г. начинается періодъ экспедицій Потанина въ Монголію и юго-западный Китай, къ окраинамъ Тибета, и продолжается, съ перерывами, до 1894 г. включительно. Нѣтъ надобности перечислять результаты этихъ экспедицій: они давно нашли себѣ высокую оцѣнку и въ Россіи и за границей. Правда, въ экспедиціяхъ Г. Н. было меньше вишняго блеска, о нихъ говорили меньше, чѣмъ о путешествіяхъ, напримѣръ, Н. М. Пржевальскаго, по недаромъ такой осторожный историкъ русской науки, какъ покойный А. Н. Пыпинъ, сравнивая труды Пржевальскаго и Потанина, говоритъ, что работы послѣдняго были «менѣ громки, но болѣе разнообразны и богаты».

Въ описаніяхъ путешествій Г. Н. для этнографа заключается неисчерпаемый источникъ; особенно это слѣдуетъ сказать про его «Очерки сѣверо-западной Монголіи». Богатый матеріалъ по восточному фольклору, собранный во время путешествій, Г. Н. сначала обрабатывалъ въ рядѣ статей, печатавшихся, главнымъ образомъ, на страницахъ «Этногр. Обзорнія», а затѣмъ использовалъ въ капитальномъ трудѣ «Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ», вышедшемъ въ свѣтъ въ 1899 г. (трудъ этотъ переводится въ настоящее время на нѣмецкій языкъ). Въ этой работѣ Г. Н. вполне опредѣленно поставилъ и своеобразно разрѣшилъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ востока и запада въ дѣлѣ созданія средневѣкового эпоса.

Послѣдніе годы Г. Н. живетъ на родинѣ, въ Сибири, являясь живымъ центромъ всѣхъ научныхъ и общественныхъ силъ края. Бипучая и разнообразная общественная дѣятельность не мѣшаетъ ему заниматься и наукой: онъ дѣятельный участникъ и руководитель научной жизни сибирскихъ ученыхъ обществъ, редакторъ цѣнныхъ этнографическихъ сборниковъ, издаваемыхъ Красноярскимъ подотдѣломъ В.-Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества.

Трудно въ короткой замѣткѣ перечислить все, что сдѣлалъ для науки и родины Г. Н. Потанинъ за 70 лѣтъ своей жизни. Мы и не брались за такую непосильную задачу. Мы хотѣли только на страницахъ «Этн. Обзор.» напомнить, какъ многимъ обязаны Г. Н. Потанину русская наука и общественность, и пожелать еще долгихъ лѣтъ жизни славному ученому, безупречному общественному дѣятелю и рѣдкому чело-
вѣку.

50-лѣтіе научной литературной дѣятельности Владиміра Ивановича Ламанскаго чествовали 19 декабря 1904 года. Отъ Этнографическаго Отдѣла П. О. Л. Е., А. и Э., по поставленію его съ 14 декабря того же года, была послана юбиляру привѣтственная телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Этнографическій Отдѣлъ горячо привѣтствуетъ васъ, глубокоуважаемый Владиміръ Ивановичъ, какъ знаменитаго русскаго слависта, какъ талантливаго профессора, создавшаго школу учениковъ, какъ безмѣннаго председателя Этнографическаго Отдѣленія Географическаго Общества и редактора «Живой Старины», по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія вашей плодотворной научной и общественной дѣятельности и отъ души желаетъ здоровья и силъ для ея продолженія на пользу и славу русской науки».

Вл. Ив. Ламанскій родился въ 1883 году, учился на ист.-фил. факультетѣ въ Петербургѣ и рано сталъ принимать ближайшее участіе въ дѣятельности Этнографическаго Отдѣленія П. Р. Г. О. Въ 1859 г. онъ защитилъ магистерскую диссертацию: «О славянахъ въ Малой Азій, Африкѣ и въ Испаніи». Въ 1862—1864 г.г. совершилъ путешествіе по славянскимъ землямъ, въ результатъ котораго издалъ рядъ очерковъ: «Сербія и юго-славянскія провинціи Австріи», «Национальности итальянская и славянская въ политическомъ и культурномъ отношеніяхъ» и др. Тамъ же имъ былъ собранъ обильный матеріалъ, изданный въ сочиненіи: «О нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, съ филологическихкими и историческими примѣчаніями» (Спб. 1864). Въ 1865 г. Вл. Ив. получилъ кафедру и настойчиво пропагандировалъ у насъ славяновѣдніе. Въ 1869 г. имъ помѣщенъ рядъ статей въ «Ж. М. Н. П.»: «Непорѣшенный вопросъ», гдѣ выставилъ свои соображенія объ образованіи др.-слав. языка, русскаго и болгарскаго, о письменности XVI—XVII вв. и др. Въ 1870 г. Вл. Ив. защитилъ докторскую диссертацию: «Объ историческомъ изученіи греко-славянскаго міра въ Европѣ», гдѣ онъ рѣзко разграничиваетъ въ культурномъ отношеніи два міра: греко-славянскій и романо-германскій. Въ 1875 г. онъ издалъ неоконченную работу: «Видные дѣятели зап.-славянской образованности въ XV, XVI и XVII вв.» въ 1879 г.: «Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка»; въ 1883 г.: «Les Secrets d'état de Venise et les relations de la république à la fin du XV et au XVI siècle avec les grecs, les slaves et les turcs». Въ 1883—1888 гг. имъ помѣщено много статей по этнографіи, исторіи и общественной жизни славянъ въ «Извѣстіяхъ славянскаго благотворительнаго общества», а съ 1890 г. въ «Живой Старинѣ», редакторомъ которой и состоятъ со дня его основанія (1890) и по настоящее время.

В. П. создалъ цѣлую школу славистовъ, занявшихъ видное положеніе въ наукѣ ¹⁾.

¹⁾ Эта замѣтка была сдана въ типографію для 1-ой книги „Этн. Обзорнія“, но, по недосмотру, не попала ни въ 1-ю, ни во 2—3-ю.

30-лѣтіе учено-педагогической дѣятельности Николая Федоровича Сумцова, профессора Харьковскаго университета, исполнившееся 2-го октября 1905 года, было отмѣчено, какъ и пять лѣтъ назадъ 25-лѣтіе, въ широкихъ общественныхъ кругахъ и среди представителей науки. Этнографическій Отдѣлъ И. О. Л. Е., А. и Э. привѣтствовалъ юбиляра телеграммой.

Ник. Фед. родился въ 1854 г. въ Петербургѣ (предки же его—харьковскіе дворяне). Въ 1875 г. онъ окончилъ ист.-фил. факультетъ въ Харьковѣ, которому представилъ сочиненіе: «Очеркъ исторіи демонологіи» (впослѣдствіи главы изъ нея напечатаны подъ заглавіемъ: «Очеркъ исторіи колдовства въ Западной Европѣ», 1878). Въ 1876 г. онъ слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ у Куно-Фишера и Барча, въ 1878 защитилъ диссертацию *pro venia legendi* о кн. В. Ө. Одоевскомъ и сталъ читать лекціи въ университетѣ. Въ 1880 г. онъ защитилъ магистерскую диссертацию: «О свадебныхъ обрядахъ, по преимуществу русскихъ», а въ 1885—докторскую: «Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Рядъ дальнѣйшихъ его работъ касался этнографіи, народной словесности, древнерусской письменности, новѣйшей литературы и т. д. Въ «Кіевской Старинѣ», «Этнографическомъ Обзорѣнн» и «Сборникѣ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества» имъ напечатано очень много изслѣдованій и статей на указанныя выше темы. Въ 1900 г. онъ выпустилъ свой трудъ: «А. С. Пушкинъ», не лишенный большого интереса для этнографіи. Ему же въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза принадлежатъ статьи по малорусской и славянской этнографіи.

Не менѣе плодотворна дѣятельность Николая Федоровича и на поприщѣ общественномъ. Харьковъ особенно чувствуетъ на себѣ эту полезную дѣятельность выдающагося русскаго ученаго.

Докторъ Викторъ Владиміровичъ Воробьевъ, приватъ-доцентъ Московскаго университета, выдающійся русскій антропологъ, убитъ полицейскимъ приставомъ Ермоловымъ 17-го декабря въ 2 часа дня на своей квартирѣ на Бол. Прѣсиѣ. В. В. родился въ 1865 г., окончилъ медицинскій факультетъ въ Кіевѣ въ 1891, когда и былъ оставленъ тамъ же ассистентомъ по кафедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней. Въ 1892 г. онъ самоотверженно работалъ въ борьбѣ съ холерой. Въ 1894 поступилъ земскимъ врачомъ въ Курской губ.; съ 1895 по 1901 служилъ ординаторомъ и старшимъ врачомъ при лѣчебницѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней д-ра Савей-Могилевича. Съ 1901 г. въ московскомъ университетѣ защитилъ докторскую диссертацию: «Наружное ухо человѣка»; съ 1902 по ноябрь 1905 г. былъ помощникомъ прозектора при кафедрѣ судебной медицины; съ 1905-го же года былъ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ судебной психопатологіи.

Профессоръ П. А. Минаковъ подвелъ такіе итоги научной дѣятельности покойнаго:

«В. В. Воробьевъ написалъ цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ трудовъ по антропологіи и медицинѣ. За сочиненіе «Матеріалы къ антро-

пологиі великорусскаго населенія» получилъ золотую медаль отъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологиі и Этнографіи при московскомъ университетѣ. Изъ другихъ его научныхъ работъ наиболѣе извѣстны: «Къ вопросу о карантинѣ при холерѣ», «О распространеніи холеры въ 1892 году и о нѣкоторыхъ клиническихъ ея особенностяхъ», «Къ патологиі отдѣленія молока», «Къ казуистикѣ профессиональныхъ неврозовъ», «Къ физиологии рѣчи», «Случай комбинаціи протопатической прогрессивной мышечной атрофіи и множественнаго неврита», «Опытъ классификаціи выразительныхъ движеній по ихъ генезу», «Опытъ изученія взаимоотношеній между цвѣтомъ волосъ и глазъ, ростомъ и формой головы», «Выдающийся случай вѣйроманіи», «Къ вопросу объ особенностяхъ физическаго строенія душевнобольныхъ», «О дегенеративномъ ухѣ», «Великоруссы, очеркъ физическаго ихъ типа», «Наружное ухо въ антропологическомъ отношеніи», «Приволжскіе калмыки и тарбагатайскіе торгоуты; сравнительно-антропологическій очеркъ», «О соотношеніи между размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ», «Къ вопросу о такъ-называемомъ затылочномъ типѣ строенія черепа у вырождающихся душевнобольныхъ», «Великоруссы», очеркъ, «Дегенеранты и ихъ общественное значеніе» и много другихъ.

В. В. состоялъ дѣйствительнымъ членомъ московскаго Психологическаго Общества, дѣйствительнымъ членомъ Общества московскихъ невропатологовъ и психіатровъ и непрѣмленнымъ членомъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологиі и Этнографіи, въ антропологическомъ отдѣлѣ котораго принималъ самое горячее и очень полезное участіе и былъ постояннымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Русскаго Антропологическаго Журнала»¹⁾.

Имя покойнаго, какъ выдающагося и незамѣнимаго работника науки, необыкновенно гуманнаго, безкорыстнаго врача и человѣка честныхъ убѣжденій, никогда не забудется образованнымъ русскимъ обществомъ. Никѣмъ не забудется его потрясающая, трагическая смерть».

В. В. принималъ самое дѣятельное участіе въ «Русскомъ Антропологическомъ Журналѣ». Въ последнее время В. В. началъ собирать матеріалы для задуманнаго имъ изслѣдованія, имѣвшаго цѣлью выяснить степень измѣнчивости различныхъ антропологическихъ признаковъ внутри извѣстной народности или извѣстнаго племени. Но неутомимый, талантливый ученый, честный человѣкъ преждевременно погибъ.

† **Николай Андерсонъ.** Казанскому университету замѣчательно не везетъ: мы разумѣемъ каедру финскихъ нарѣчій въ этомъ университетѣ. Въ 1890 г. умеръ талантливый профессоръ *М. Веске*. 28 мая 1904 г. Казань лишилась выдающагося этнографа, проф. общей исторіи *И. Н. Смирнова*, а 21 марта 1905 умеръ въ г. Нарвѣ казанскій профессоръ по кафедрѣ финноугорскихъ нарѣчій *Н. Андерсонъ*. Покойный не обладалъ дарованіями и научною продуктивностью своего предшествен-

¹⁾ „Русс. Вѣд.“ 1906.

ника, но это въ значительной мѣрѣ объясняется крайнею болѣзненностью покойнаго, благодаря которой онъ часто долженъ былъ прерывать свой курсъ и отказываться отъ ученыхъ экскурсій. Н. Андерсонъ родился въ 1845 г. Окончивъ въ 1865 г. ревельскую гимназію, онъ поступилъ въ дерптскій университетъ (1865—1870), гдѣ занимался главнымъ образомъ сравнительнымъ языковѣдѣніемъ у проф. Лео-Мейера, и кончилъ курсъ кандидатомъ. Въ 1871 г. онъ сдѣлался преподавателемъ дерптской гимназіи, а въ 1872 г. его перевели въ Минскъ, гдѣ онъ до 1894 г. преподавалъ греческій и латинскій языкъ. Въ 1891 г. онъ получилъ степень магистра въ Дерптскомъ университетѣ, но только въ 1894 г. назначенъ былъ въ Казань в.-орд. профессоромъ. Главнѣйшіе труды покойнаго слѣдующіе:

1) *Studien zur Vergleichung der indogermanischen und finnisch-ugrischen Sprachen.* Dorpat. 1879. Несмотря на нѣкоторые промахи, трудъ этотъ до сихъ поръ можетъ быть полезенъ при изслѣдованіи арійскихъ элементовъ въ финноугорскихъ языкахъ.

2) *Wandlungen der anlautenden dentalen spirans in Ostjakischen. Ein Beitrag zur ugrofinnischen Lautlehre.* Spb. 1893. Въ этой работѣ авторъ, вопреки мнѣнію Буденца и др., впервые доказываетъ, что начальное *t* въ вогульскомъ и *l*, *t* въ ост. языкахъ, соответствующую звуку *s* въ родственныхъ языкахъ, суть не первичное явленіе, но представляютъ собою повѣйшее развитіе звуковъ.

Изъ другихъ работъ Андерсона отмѣтимъ: 3) *Ueber finnische und estnische Wortbildungen, in denen der Nasal mit dem Zischlaut wechselt.* Dorpat. 1878.

4) *Ein ostjakisches Sprachdenkmal.* Dorpat. 1891.

Кромѣ того, въ «Изв. Сиб. Акад. Наукъ» за 1896 г. онъ помѣстилъ отзвы о трудахъ: а) *S. Patkanow. Die Jrtysch-Ostjaken und ihre Volks-Poesie*; б) *В. В. Барменевъ и И. П. Росляковъ.* Обдорское нарѣчіе остяцкаго языка.

5) *Die Etymologie des Namens Dorpat.* Dorpat. 1897. -

На десятомъ археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ (1896) покойный сдѣлалъ доклады о происхожденіи словъ *kantele*, *Viarmia*, *Perm*, *пермяки* и *зыряне*. Доклады эти, равно какъ рѣчь его о заслугахъ императрицы Екатерины II на поприщѣ сравнительнаго языковѣдѣнія, до сихъ поръ остаются ненапечатанными.

Н. Андерсонъ занимался также собираніемъ матеріала для сравнительнаго словаря финноугорскихъ нарѣчій, для археологій, исторіи и этнографіи этихъ племенъ, а въ 1896 г. на средства казанскаго университета совершилъ небольшую экскурсію къ вассильсурскимъ (Нижегор. губ.) черемисамъ. Въ 1897—98 гг. покойный предполагалъ, было, вмѣстѣ съ С. Паткановымъ совершить экспедицію къ остякамъ на средства нашей Академіи, но болѣзнь помѣшала ему исполнить это. Но всего болѣе приходится сожалѣть, что покойный не опубликовалъ своихъ матеріаловъ, относящихся до инородцевъ Поволжья. С. К. К—съ.

† **Вл. Викт. Лесевичъ**, выдающийся русскій философъ, скончался на 68 году отъ роду въ Петербургѣ.

Исходя первоначально изъ позитивной философіи Огюста Конта, В. В. выработалъ впоследствии свое серьезное философское мировоззрѣніе, которому онъ былъ вѣренъ и въ другихъ областяхъ своего научнаго служенія людямъ. Между прочимъ, оригинальны и заслуживаютъ полнаго вниманія его работы по фольклору и буддизму, а также публицистическая его дѣятельность, полная сочувствія національно-литературному украинскому движенію.

† **Германъ Узенеръ** (Hermann Uzenar), извѣстный нѣмецкій филологъ скончался 21-го октября 1906 г. Германъ Узенеръ былъ дѣятельнымъ и главнымъ сотрудникомъ журнала „Archiv für Religionswissenschaft“. Ему принадлежить цѣлый рядъ работъ по исторіи религій, въ которыхъ онъ старается выяснить зарожденіе и развитіе религиозныхъ идей человѣчества. Первая работа по этимъ вопросамъ издана Узенеромъ въ 1868 г. („Kallone“), затѣмъ въ 1875. 79 и далѣе въ 80 годахъ появляются его изслѣдованія, въ которыхъ обнаруживается серьезная научная подготовка автора и его талантливость въ смѣлыхъ и оригинальныхъ выводахъ. Прослѣживая ростъ религиозныхъ идей человѣчества, Узенеръ ставитъ въ неразрывную связь идеи языческаго и христіанскаго міра („Der alte Glaube war unausrottbar und ergoss sich mit der Naturnotwendigkeit... in die neuen Formen...“); его сочиненіе „Das Weihnachtsfest“ представляетъ собою изложеніе этого воззрѣнія; въ сожалѣнію, смерть помѣшала ему довести до конца эту обширную работу.—Интересною по замыслу и по разработкѣ представляется, изданная въ 1896 г., книга подъ заглавіемъ „Götternamen“, въ которую вошли лекціи г. Узенера, читанныя имъ въ Боннскомъ университетѣ (курсъ міеологіи).—Послѣднею крупною работою покойнаго ученаго было изслѣдованіе о символическомъ и религиозномъ значеніи числа 3: „Dreiheit“ появилось въ 1903 году.—Кромѣ большихъ изслѣдованій по исторіи религій, перу г. Узенера принадлежитъ множество небольшихъ статей, въ которыхъ онъ излагаетъ, объясняетъ и изслѣдуетъ частности различныхъ религій: повѣрья, преданія и т. д. Всѣ работы свои, касающіяся религій человѣчества, г. Узенеръ строилъ на филологическихъ основаніяхъ, считая эти основанія наиболѣе надежными. Г. Узенеръ былъ глубокимъ знаткомъ своего народа, воззрѣнія котораго ему были близки и понятны. Какъ сотрудникъ „Archiv'a“, г. Узенеръ работалъ до послѣдняго дня, и ему этотъ журналъ обязанъ многими интересными, серьезными статьями. „Nur das im Menschen ist dauernd, was in den Herzen von anderen fortlebt“,—говаривалъ г. Узенеръ. Можно думать, что идеи покойнаго найдутъ себѣ мѣсто въ сознаніи многихъ, и память о немъ останется среди тѣхъ, кому дороги научные интересы.

Е. Е.

† **Альфредъ Рамбо** (Alfred Rambaud 1842—1905), талантливый историкъ, скончался въ ноябрѣ прошлаго года (10 нояб.) въ Парижѣ. Касаясь въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, затрогивая различныя темы, А. Рамбо посвятилъ нашему отечеству нѣсколько талантливо написанныхъ сочиненій. Самое обширное изъ нихъ „Histoire de la Russie depuis les origines jusqu'à l'année 1877“, представляетъ собою живое и ясное изложеніе русской исторіи. Это сочиненіе было переведено на русскій, англійскій, нѣмецкій, датскій и кroatскій языки; такимъ же успѣхомъ пользовались и другія его сочиненія, касающіяся русскихъ; его произведеніе „La Russie épique, étude sur les chansons héroïques de la Russie“ представляетъ собою интересное изслѣдованіе русскихъ эпическихъ пѣсень. Кромѣ названныхъ капитальныхъ произведеній, А. Рамбо помѣщалъ въ различныхъ журналахъ статьи о Россіи. Рамбо былъ знакомъ съ нашимъ отечествомъ не изъ книгъ только, онъ путешествовалъ по Россіи; здѣсь, интересуясь образованіемъ и воспитаніемъ юношества, подробно ознакомился съ состояніемъ женскихъ гимназій, результатомъ чего явилась его статья: „L'Education des filles et les gymnases féminins“.

Капитальное сочиненіе было посвящено А. Рамбо византійской исторіи. Его обширное изслѣдованіе „L'Empire grec au X-e siècle, Constantin Porphyrogenète“ до сихъ поръ не потеряло своего научнаго значенія.

Изслѣдованія А. Рамбо, относящіяся къ исторіи Франціи, весьма многочисленны и отличаются живымъ и увлекательнымъ изложеніемъ серьезнаго матеріала.

Необыкновенная работоспособность А. Рамбо дѣлала для него возможнымъ сочетаніе серьезныхъ научныхъ занятій съ занятіями въ министерствѣ Жюльа Ферри. Пребываніе А. Рамбо въ министерствѣ дало ему поводъ въ составленію обширныхъ статей, выясняющихъ колониальныя отношенія Франціи.

Отдыхомъ для А. Рамбо было писаніе историческихъ романовъ, для которыхъ онъ предпринималъ путешествія въ тѣ страны, въ которыхъ, по его плану, должна была развиваться фабула романа. Статьею романистомъ—было мечтой Рамбо, но мечта эта не осуществилась и его „L'Anneau de César“, „L'Empereur de Carthage“ и др. не способствовали расширенію извѣстности, приобретенной многочисленными трудами по исторіи, перечень которыхъ занялъ бы слишкомъ много мѣста.

Е. Е.

† **Ю. Оппертъ**, знаменитый ассириологъ, скончался въ истекшемъ году. Маститый ученый родился въ 1825 г. въ Гамбургѣ. Среднее и высшее образованіе онъ получилъ въ Германіи. Будучи по происхожденію евреемъ, онъ не имѣлъ возможности проявить на своей родинѣ блестящія ученныя дарованія, выпавшія ему на долю. Онъ переехалъ во Францію, гдѣ труды молодого ориенталиста были уже замѣчены. Скоро его работы начинаютъ появляться на страницахъ *Revue archéolo-*

gique и Journal Asiatique. Впослѣдствіи онѣ вышли отдѣльнымъ изданіемъ: Les inscriptions achéménides. 1852. Въ 1851—54 гг. онѣ принималъ участіе въ экспедиціи Fresnel и Thomas, производившихъ раскопки на развалинахъ Вавилона и Ниневіи. За участіе въ научныхъ экспедиціяхъ Франціи онѣ получилъ въ ней права гражданства. Со времени его возвращенія изъ Месопотаміи его научная карьера была обезпечена. Одинъ за другимъ выходятъ его труды: Expédition scientifique en Mésopotamie. 1857 — 64.—Grammaire sanscrite. 1858.—Grammaire assyrienne. 1860.—Fastes de Pargon. 1863 (въ сотр. съ J. Ménont) и др. Ю. Оппертъ былъ необыкновенно трудолюбивымъ и плодовитымъ писателемъ. До 1891 г. количество его работъ достигло цифры 366. Онѣ отличался разносторонней эрудиціей и до конца жизни сохранилъ ясность научной мысли, увлеченіе наукой, превосходную память.

„Rev. de l'Hist. des Rel.“

† Германъ Виссманъ, извѣстный африканскій путешественникъ, скончался 15 іюня н. с. Интересъ къ Африкѣ возбудило въ немъ уже въ раннихъ годахъ знакомство съ изслѣдователемъ джубей Африки Родде. Виссманъ совершилъ нѣсколько путешествій по неизвѣстнымъ европейцамъ путямъ въ западной и восточной Африкѣ, отчасти въ качествѣ участника экспедиціи, отчасти какъ руководитель ихъ. Его перу принадлежатъ нѣсколько книгъ: Im inneren Afrika. Leipz. 1888.—Unter deutscher Flagge quer durch Afrika, Berl. 1889—Meine zweite Durchquerung Aequatorialafrikas. Frankf. a. O. 1890. и др. Въ нихъ замѣчается большая наблюдательность, но они уступаютъ значительно по цѣнности матеріала сочиненіямъ другихъ изслѣдователей Африки.

„Globus“.

† П. Дешармъ (Paul Decharme) скончался 29-го авг. н. с. 1905 г. Перу покойнаго принадлежало нѣсколько работъ по греческой мифологіи, а именно: Les Muses. P. 1869.—Mythologie de la Grèce antique. P. 1879.—La critique des traditions religieuses chez les Grèce. P. 1904.

„Rev. de l'Hist. des Rel.“

Памятникъ Мортилье. 26-го (13) октября въ Парижѣ въ сквѣрѣ des Arènes de Lutèce (rue de Navarre) открытъ памятникъ извѣстному изслѣдователю первобытныхъ древностей Габріэлю де-Мортилье.

Причины расовыхъ различій, служившія темой для многихъ изслѣдователей, нашли оригинальное освѣщеніе въ недавнемъ трудѣ Edmond Demolins: «Какъ дорога создаетъ социальный типъ» („Comment la route crée le type social“ Т. II. Les routes du monde moderne). Въ своемъ 1-мъ томѣ, посвященномъ дорогамъ древности, авторъ изучаетъ вообще вліяніе на народы дорогъ, по которымъ они передвигались во время своихъ переселеній. Каждая такая дорога, по его мнѣнію, слу-

жить причиной различія народовъ и расъ. Во 2-мъ томѣ онъ изучаетъ дороги современныя (и не только пути передвиженія, но и проходившіяся области и мѣста поселеній). Это—степи, тундры, саванны, лѣса, великія имперіи, основанныя въ Азіи и на берегахъ Средиземнаго моря въ древности, пустыни и т. д. Отъ этихъ условій опредѣляются имъ и складывавшіеся социальныя типы.

„Миръ Божій“.

Къ исторіи эволюціи человѣческаго общества относится вышедшая недавно книга Fr. Cosentini „La Sociologie génétique“, съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. Авторъ высказывается въ пользу полигенизма человѣческихъ расъ и начинаетъ свое изложеніе съ очерка каменнаго вѣка. Подробно разсматривается вопросъ о происхожденіи семьи, а затѣмъ изслѣдуются вопросы о первобытной религіи, языкѣ, морали, происхожденіи общественныхъ классовъ, искусства, промышленности и т. д.

„Русс. Вѣд“.

Къ изученію африканскихъ племенъ. А. van Genner въ критическомъ отдѣлѣ *Revue de l'Histoire des Religions*, t. LII, № 2 обращаетъ вниманіе на вышедшіе въ 1904 г. и 1905 гг. три крупныхъ труда по народностямъ Африки: Burgt, van der, *Un grand peuple de l'Afrique Equatoriale. Elements d'une monographie sur l'Urundi et les Warundi*. Bois le Duc (Голландія) 1904. 8.—Merker, *Die Masai*. Berlin. 1904. 4.—Holles, *The Masai; their language a. folklore*. Oxford. 1905. 8.—Бургтъ—миссіонеръ, долгое время прожившій среди племени варундовъ. Ему принадлежитъ оцѣненный спеціальной критикой словарь языка варундовъ: *Dictionnaire Français—Kirundi*. Bois le Duc. 1904. Словарь этотъ отличается тѣмъ, что при отдѣльныхъ словахъ слѣдуетъ иногда очень пространное объясненіе, освѣщающее мировоззрѣніе варундовъ, ихъ вѣрованія, описывающее точно предметы ихъ матеріальной культуры. Такимъ образомъ, трудъ Бургта является неоцѣнимымъ пособіемъ для этнографа, изучающаго племя варундовъ. Въ новомъ своемъ трудѣ Бургтъ располагаетъ матеріалъ также въ видѣ словаря, избѣгая связаннаго изложенія, и въ этомъ von Genner видитъ его существенный недостатокъ. Онъ иллюстрируетъ свою мысль слѣдующимъ примѣромъ. Сидней Гартландъ въ статьѣ, помѣщенной въ *Folk-Lore*, t. XI, 1900, p. 22—37, поднялъ вопросъ, весьма интересный и важный для исторіи развитія религіи. Онъ старался доказать, что у различныхъ племенъ банту замѣчается слѣдующее явленіе: тамъ, гдѣ сильно развита зоолатрія съ тотемическими чертами, культъ предковъ очень слабъ и, наоборотъ, развитіе культа предковъ будто обусловлено паденіемъ тотемическаго культа. Въ высшей степени интересно было бы, замѣчаетъ van Genner, чтобы новые изслѣдователи народностей банту представили матеріалъ, подтверждающій или опровергающій это положеніе. Между тѣмъ въ столь содержательномъ трудѣ Бургта прослѣдить этотъ или другой вопросъ развитія религіи весьма

трудно. Свѣдѣнія о культѣ животных у варундовъ приходится искать подъ рубриками: лѣсъ, погребеніе, близнецы, болѣзнь, жрецъ, духъ, королевская власть и др.; культы предковъ—не только подъ словомъ духи предковъ, но и гончарныя издѣлія, жертвоприношеніе, храмъ и пр. Вредить также цѣнности труда Бургта его миссіонерское образованіе. Для него малокультурное племя, среди котораго онъ распространялъ и свѣтъ и истину, является дегенерированнымъ и павшимъ; ихъ вѣрованіе—«отклоненіемъ отъ единой истинной вѣры»; въ этой псевдо-религіи можно, по его мнѣнію, отыскать обломки единой религіи, посредствомъ божественнаго вѣрованія ставшую достоинствомъ человѣчества. Такой взглядъ на вѣрованія примитивныхъ народовъ можетъ вызвать грубыя ошибки со стороны предвзятаго изслѣдователя. Къ счастью, Бургтъ отличается большою добросовѣстностью при записываніи собраннаго имъ матеріала; у него нѣтъ непровѣренныхъ записей, вездѣ приложены слова и текстъ на языкѣ кирунда, могущіе также служить проверкой. Коллекція предметовъ отъ быта варундовъ, представленныхъ имъ въ этнографическіе музеи Берлина и Лейдена, составлена съ большимъ знаніемъ и превосходно систематизирована.—Весьма интересна критическая замѣтка van Genner'a о книгахъ Меркера и Холлиса. Трудъ Меркера, вышедшій въ 1904 г., обратилъ на себя серьезное вниманіе. Послѣ знаменитаго сочиненія Томсона, *Through Masai Land* 1885. и *Baumann'a, Durch Masai Land zur Nilquelle*. Berl. 1894, въ этнографической литературѣ не появлялось значительныхъ трудовъ объ этомъ интересномъ народѣ (для полноты упомянемъ кн. *Kallenberg'a Auf dem Kriegspfad gegen die Masai*. 1892). Масай были вообще плохо изучены.

Нѣмецкіе офицеры, посланные отвоевывать у масай ихъ земли ради расширенія области германскаго протектората и встрѣчавшіе у этого воинственнаго народа нерѣдко кровавый отпоръ, величали ихъ разбойниками и во имя культуры требовали ихъ полного истребленія. Книга Меркера представила масай совершенно въ другомъ свѣтѣ. Проживъ долгое время среди нихъ, Меркеръ вынесъ о нихъ гораздо болѣе выгодное впечатлѣніе. Онъ отмѣтилъ въ ихъ строѣ и бытѣ печать долгаго періода культуры, записалъ пословицы, сказки, преданія и пр. Произведенія народнаго творчества масай указываютъ на то, что народъ имѣетъ за собой вѣка культурной жизни. Меркеръ явился горячимъ защитникомъ изученнаго имъ народа—въ этомъ заключается одна сторона его заслуги. Другая кроется въ обильномъ матеріалѣ. Но и при появленіи на свѣтъ труда Меркера возникли нѣкоторыя сомнѣнія. Не являлось ли ошибкой съ его стороны приписыванье масай монотеистической идеи? Какую цѣну имѣютъ записанныя имъ преданія, въ которыхъ болѣе чѣмъ ясно выступаетъ сходство съ библейскими и ассирио-вавилонскими сказаніями? При современномъ состояніи этнографическихъ изслѣдованій почти необходимымъ требованіемъ является записываніе текста сказокъ вмѣстѣ съ переводомъ. Такой гарантіи въ вѣрности перевода въ книгѣ Меркера нѣтъ. Неизвѣстно, знаетъ ли онъ самъ языкъ

масаи, какими переводчиками онъ пользовался. Сомнѣніе увеличивается еще тѣмъ, что преданія и сказки переданы Меркеромъ въ литературномъ изложеніи. Въ 1905 г. вышло новое сочиненіе о масаи, англичанина Холлиса. Если Меркеромъ были тщательно изслѣдованы масаи въ области нѣмецкихъ восточно-африканскихъ колоній, Холлисъ предпринялъ подобное же изслѣдованіе относительно масаи, живущихъ въ британской колоніи (British East Africa). Въ обѣихъ областяхъ туземное населеніе не представляетъ рѣзкихъ различій. Тѣмъ интереснѣе, говоритъ van Geppер, изученіе ихъ англійскимъ и нѣмецкимъ этнографомъ, что обыкновенно нѣмцы и англичане, изучая на мѣстѣ полукультурную народность, обращаютъ вниманіе на разныя стороны ихъ жизни: нѣмцы изслѣдуютъ преимущественно матеріальную культуру, англичане интересуются болѣе вѣрованіями и произведеніями народнаго творчества. И въ данномъ случаѣ Меркеръ посвятилъ 20 главъ списанію матеріальнаго быта масаи, ихъ политической и экономической организациі, лѣченію и три только главы вѣрованіямъ, мифамъ и сказкамъ. Холлисъ, со своей стороны, даетъ грамматику языка масаи и большой сборникъ сказокъ, загадокъ, пословицъ и т. п.; политической же организациі масаи, между тѣмъ, отводитъ лишь три страницы. Всѣ произведенія народнои словесности записаны Холлисомъ съ величайшею тщательностью. Текстъ на языкѣ масаи сопровождается надстрочнымъ переводомъ на англійскій. Съ удивленіемъ читатель (обоихъ трудовъ замѣтитъ разногласія въ вѣрованіяхъ и преданіяхъ масаи, изслѣдованныхъ обоими этнографами. Весьма возможно, замѣчаетъ van Geppер, что причиной этому различіе методовъ англійскаго и нѣмецкаго авторовъ. Во всякомъ случаѣ, въ запискахъ преданій у Холлиса можно отнестись съ абсолютнымъ довѣріемъ, чего нельзя сказать о преданіяхъ въ книгѣ Меркера. Но оба труда составляютъ большой вкладъ въ литературу по Восточной Африкѣ.

Нъ этнографіи Конго. Редакція періодическаго изданія Bulletin de la Soc. Royle belge de Géographie предприняла изданіе отдѣльныхъ монографій по племенамъ, по теченію р. Конго. Изданіе выходитъ подъ общимъ заглавіемъ: Ethnographie congolaise. Изъ выпедшихъ трехъ книжекъ наибольшій интересъ представляетъ очеркъ г. Vedy о племени бабуа.

„Globus“.

О татуировкѣ въ связи съ орнаментомъ неолитической культуры въ „Arch. d'Anthropologie criminelle (1904 № 130, 15, X) напечатана небольшая, но интересная работа г. Bertholon, Origine néolithique et muséienne des tatouages des indigènes du nord de l'Afrique. Бертолонъ, изучивъ татуировку у туземцевъ Сѣверной Африки, пришелъ къ выводу, что по типу своему эти рисунки близко подходятъ къ орнаменту неолитической эпохи, встрѣчаемому на гончарныхъ и другихъ издѣліяхъ первобытнаго человѣка. Бертолонъ склоненъ думать, что «на зарѣ берберской цивилизациі, вышедшей изъ европейской неолити-

чекской культуры, въ сѣверной Африкѣ, распространились неолитическія расы, принесшія съ собой свои способы погребенія, ж. пр. и мегалиты, погребеніе въ сидячемъ положеніи, окрашиваніе костяковъ, типы гончарныхъ издѣлій, обычай трепанациі и пр.

„Bull. et Mem. de la S. d'Anthr. de Paris“.

Въ высокогорныхъ областяхъ Боливіи и Аргентины въ 1903 г. работала французская экспедиція, въ составѣ которой Mortillet занимался палеонтологіей, М. Guellaume—антропологіей, Н. Voman археологіей и этнографіей. Исслѣдованія привели къ цѣннымъ и богатымъ результатамъ объ исторіи жизни человѣка въ этой области. Свѣдѣнія о ней даны въ работѣ „G. de Crequi Montfort: Exploration en Bolivie“ („La géographie“, 1894, IX, № 2).

Индійскія племена по Амазонкѣ. Бар. Эрлаиръ Норденшельдъ сообщилъ краткія свѣдѣнія о своемъ 18-тимѣсячномъ пребываніи въ Андахъ Боливіи и *изученіи индійскихъ племенъ*, открытыхъ имъ въ неизслѣдованныхъ еще округахъ по верхнимъ притокамъ Амазонки. Нѣкоторые изъ этихъ племенъ только что выходятъ изъ стадіи каменнаго вѣка и упорно избѣгаютъ въ своихъ дѣлахъ сношеній съ бѣлыми. Обружающія озеро Титикаку племена Квичуа и Аймара, хотя и числятся давно христіанизированными, сохранили еще въ своихъ обычаяхъ много стародавняго, отзывающагося временами инковъ.

„Русс. Вид“.

Къ изученію исторіи религій. Въ истекшемъ году вышелъ французскій переводъ известной исторіи религій Шантени де ла Сосса: Hubert et Lévy: Manuel d'Histoire des Religions de Chantepie de la Saussye. Paris, Colin. 8. Кромѣ цѣности библиографическихъ указаній, сдѣланныхъ переводчиками, обращаетъ на себя вниманіе предисловіе Н. Hubert'a, въ которомъ изложены взгляды на религію и религіозныя явленія, создавшіяся преимущественно подъ вліяніемъ новой французской соціологической школы.

Занимающіеся изученіемъ религій Египта съ благодарностью воспользуются библиографическимъ трудомъ г. J. Capart: Bulletin critique des religions d'Egypte. 1904. (Revue de l'Histoire des Religions. P. 1905. t. LI, № 2). Авторъ сдѣлалъ подробный критическій обзоръ литературы по исторіи религій и культовъ Египта, начиная съ трудовъ представителей различныхъ теорій относительно возникновенія, развитія и основной мысли обрядовъ и культовъ, стяжавшихъ своими трудами почетную извѣстность: Бругна, Ле-Пажъ, Ренуфъ, Масперо, Либлейнъ и др. Особенно подробно остановился онъ на литературѣ по данному предмету за 1904 г.

Въ первой половинѣ истекшаго года вышелъ Verhandlungen des II-ten internationalen Kongresses für allgemeine Religionswissen-

schaft in Basel. Basel, Helbiny и Lichtenhahn. 1905, 8, VIII+382. Второй международный конгрессъ по наукѣ о религіи собирався въ Базель въ 1904 г. Слѣдующій предполагается созвать въ 1908 г. въ Оксфордѣ.

„*Rev. de l'Hist. des Rel.*“

Изъ исторіи религіознаго мистицизма многие факты оригинально освѣщены у Emile Jaurent, недавно обнародовавшаго свой трудъ: «Фетишисты и эротоманы» (Fetichistes et érotomanes). Это серьезное научное изслѣдованіе, между прочимъ, разсматриваетъ интересную исторію Аполлонія Тиаскаго, освѣщая ее совсѣмъ иначе, чѣмъ другіе изслѣдователи въ области исторіи религій.

„*Mirь Божій*“.

Къ изученію буддизма много интересныхъ статей привлекаетъ основавшійся въ истекшемъ году новый нѣмецкій журналъ «Der Buddhist». Это періодическое изданіе предполагаетъ знакомить читателя въ оригинальныхъ и переводныхъ статьяхъ съ ученіемъ буддизма и съ успѣхами его распространенія. Цѣль изданія—пропаганда буддизма, а не научное его изслѣдованіе. Это, навѣрное, не исключаетъ возможности встрѣтить въ немъ и чисто научныя статьи о буддизмѣ. Содержаніе № 1 слѣдующее: Carus, P. Ein Weckruf aus d. Evangelium Buddhas.—Bhikkhu Ananda Maitriya, Der Wert d. Buddhismus.—Mac Gregor, Die vier erhabenen Wahrheiten.—Seidenstücker, Verjunglichkeit.

„*Rev. de l'Hist. de Rel.*“

Пережитки языческаго культа въ христіанствѣ. Ученый критикъ Revue de l'Histoire des Religions Ж. Ревиль обращаетъ вниманіе на вышедшій посмертный трудъ E. Lucius'a: Die Anfänge des Heiligtums in der christlichen Kirche, hrsg. v. G. Anrich. Tübingen Mohr. 1904. 8. XI+536, явившійся плодомъ долготѣнныхъ научныхъ изысканій автора. Э. Луціусъ приводитъ въ генетическую связь возникновеніе культа святыхъ въ первые вѣка христіанства и культа демоновъ, мертвыхъ и героевъ въ языческомъ мірѣ. Формы языческаго культа мертвыхъ воспринимаются христіанствомъ: вѣра въ пребываніе души близости отъ могилы переходитъ и къ христіанамъ; христіанскія поминки совершаются поэтому близъ могилъ. Поминальные дни—третій, девятый, сороковой—соблюдаются и новой религіей; наконецъ, христіане, такъ же, какъ язычники, кладутъ съ покойниками различныя предметы домашняго обихода и даже пищу. Могильныя надписи доказываютъ, что оставшіеся въ живыхъ обращались къ умершимъ съ просьбой заступаться за нихъ передъ Богомъ. Разница съ языческими вѣрованіями заключалась въ томъ, что души умершихъ у христіанъ считались лишь заступниками, у язычниковъ же онѣ становились демонами, могущими непосредственно вліять на судьбу человѣка. Язычники, мало знакомые съ сущностью христіанскаго вѣроученія, не разъ упрекали ихъ въ томъ, что вѣра ихъ есть не что иное, какъ культъ мертвыхъ. Получивъ новую форму въ

христианствѣ, культъ мертвыхъ даѣ возможность развиться культу святыхъ; онъ является расширеніемъ монотеизма, какъ культъ героев былъ расширеніемъ языческаго пантеона. Два фактора лежали въ основѣ этой эволюціи христианской религіи: вѣра, что нѣкоторые люди богѣ способны служить Богу, чѣмъ другіе, а именно презрѣвшіе блага міра сего ради исповѣданія вѣры и служенія Богу (мученики, аскеты), и вѣра, что борьба съ міромъ есть въ сущности борьба противъ ложныхъ боговъ, слившихся въ представленіи христіанъ первыхъ вѣковъ съ злыми силами. Побѣдившіе демоновъ, главу которыхъ, Сатану, побѣдилъ Христосъ, являясь для христіанъ героями, приближающимися къ понятію о герояхъ язычниковъ. Первыми святыми христіанской церкви были мученики. Въ своемъ трудѣ, отличающемся богатствомъ привлеченнаго матеріала, Э. Луціусъ прослѣживаетъ прежде всего развитіе культа мучениковъ. Въ началѣ мученики пользуются почитаніемъ въ одной какой-нибудь мѣстности; далѣе отдѣльные области, города и пр. выказываютъ стремленіе имѣть своего собственнаго покровителя-мученика. Отыскиваютъ могилы пострадавшихъ за вѣру, или же мученикъ самъ, посредствомъ видѣній и сновъ, открываетъ мѣсто своего упокоенія. Позднѣе начинаютъ прибѣгать къ защитѣ и помощи святыхъ другихъ областей и мѣстъ. По аналогіи съ языческими демонами отдѣльнымъ мученикамъ приписывается сила помогать при извѣстныхъ случаяхъ, въ извѣстныхъ болѣзняхъ и пр. Основаніемъ служатъ преданія о ихъ житіи и страданіяхъ, объ ихъ чудесахъ. Почитаніе того и другого мученика распространяется. Препятствіемъ этому служить, однако, нѣрѣдко соображенія церковной политики. Восточная и западная церкви долгое время не признаютъ многихъ чтимыхъ съ той и другой стороны святыхъ. Впослѣдствіи, когда церковь западная приняла нѣкоторыхъ святыхъ церкви восточной, почитаніе ихъ не нашло вѣншнаго выраженія въ культѣ. Особую главу Э. Луціусъ посвящаетъ почитанію чудотворцевъ и мучениковъ воиновъ. Культъ многихъ изъ нихъ обусловливался тѣмъ, что они заняли мѣсто языческихъ божествъ, почитаемыхъ въ данной мѣстности. Такъ, св. Димитрій Фессалоникійскій наследовалъ культъ македонскаго Кавира; св. Фекла въ Селевкіи являлась замѣстительницей Аэины и бога-цѣлителя Сарпедона и пр. Далѣе, на основаніи многочисленныхъ фактовъ, прослѣжены культы святыхъ цѣлителей, пустынниковъ и прославившихся своею жизнію епископовъ, наконецъ, развитіе культа Св. Девы Маріи. Трудъ Э. Луціуса, какъ видно, является цѣннымъ не только для историка, но и для этнографа.

О **громовыхъ камняхъ** въ *Bulletine et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris* за 1904. fasc. 5, помѣщена работа гг. Baudouin et Bonnemère: *Les haches polies dans l'histoire jusqu'au XIX siècle* (p. 496—548). Авторы прослѣдили на основаніи источниковъ, начиная съ писателей классической древности, вѣрованія, сопряженныя съ такъ-называемыми «громовыми камнями» (названіе, съ уди-

вительнымъ однообразіемъ относимое у многочисленныхъ народовъ древности и современности къ орудіямъ каменнаго вѣка, находимымъ въ землѣ, также и къ нѣкотораго рода ископаемымъ). «Громовые камни», «стрѣлы» служили и служатъ до сихъ поръ у легковѣрнаго народа амулетомъ, предохраняющимъ отъ грозы, отъ сглаза, также средствомъ лѣченія. Причины, вызвавшія вѣру въ связь между ударомъ грома и каменными орудіями (ими собственно и даже извѣстными видами ихъ занимаются преимущественно французскіе археологи), авторы статьи видятъ въ случайныхъ находкахъ каменныхъ орудій на мѣстѣ, пораженномъ молніей, также и въ томъ, что кремешъ при ударѣ даетъ искру; это давало возможность сближать его съ молніей.

По этнографіи Востока, тамъ же, fasc. 6, отиѣтнмъ статьи Заборовскаго: *Races de la primitive Egypte* и *Origine des Slaves*; также Ch. François, *Notes sur les Lo-Lo du Kien-Tchang*, иллюстрированную нѣсколькими картинами и представляющую интересныя данныя о сѣмьломъ горномъ народѣ Ло-ло, живущемъ по теченію р. Кіень-Чанъ и держащемъ въ странѣ земледѣльческое китайское неселеніе долины той же рѣки. Здѣсь же находится весьма интересная работа De la Maze-lière: *L'évolution de la famille japonaise*. Авторъ прослѣдилъ эволюцію японской семьи съ VIII-го вѣка по Р. Хр., въ которой еще ясны слѣды древнихъ воззрѣній на женщину, власти, рода и пр., далѣе—вліяніе конфуціанства и китайской цивилизаціи на измѣненіе общественнаго и семейнаго строя, культъ предковъ, вліяніе шинтоизма, измѣненіе нравовъ въ Японіи и развитіи культуры и заканчивается японскимъ гражданскимъ уложеніемъ новѣйшаго времени. Въ fasc. I t. VI (1905) этнографъ съ интересомъ прочтетъ статью van Gennep'a: *Notes sur l'héraldisation de la marque de propriété et les origines du blason*, имѣющую особенное значеніе для изучающихъ знаки собственности, тамги и пр. и ихъ эволюцію.—Въ докладѣ P. Roux, *Note ethnographique sur les peuples du Haut-Tonkin* приведены краткія свѣдѣнія о племенахъ, населяющихъ названную область. Болѣе подробно докладчикъ остановился на племени тай, *Thaïs* или *Thôs*, на ихъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ, семейномъ строѣ, жилищахъ, пищѣ и пр.

Путь Александра Македонскаго описанъ г-мъ Янке, специально заданнымъ цѣлью прослѣдить его лично и отыскать мѣста историческихъ битвъ. Много интересныхъ географическихъ, этнографическихъ и другихъ свѣдѣній далъ онъ въ своемъ описаніи, помѣщенномъ въ *Zeitschrift d. Gesell. f. Erdkunde zu Berlin*. 1904, № 6, № 7. Janke, A., „Die Ergebnisse einer historisch-geographischen studienreise in Klein-Asien im Jahr 1902“.

Новое путешествіе Свенъ Гедина. Извѣстный шведскій путешественникъ Свенъ Гединъ собирается отправиться въ новое путешествіе— въ Центральную Азію.

На этотъ разъ онъ отправляется изъ Константинополя, гдѣ уже находится въ настоящее время и откуда онъ пробѣдетъ въ Тегеранъ, а затѣмъ займется изслѣдованіемъ мало извѣстныхъ пустынь въ восточной Персіи. Оттуда онъ намѣренъ пробѣхать черезъ Белуджистанъ въ Индію, а изъ Индіи—на плоскогорія Тибета, чтобы дополнить свои прежнія работы и съемки.

„Русс. Вѣд.“

Библиографія Туркестана, начатая указателемъ В. Межова и доведенная до 1888 года, будетъ продолжена въ издаваемыхъ въ Ташкентѣ при окружномъ штабѣ «Свѣдѣніяхъ о странахъ, сопредѣльныхъ съ Туркестанскимъ военнымъ округомъ».

Руководство къ научнымъ наблюденіямъ во время путешествій, подъ редакціей проф. Неймайера, выходитъ 3-мъ изданіемъ въ 2-хъ томахъ; вышла 1-я часть, заключающая въ себѣ инструкціи по географіи, антропологіи, археологіи.

„Русс. Вѣд.“

По этнографіи эскимосовъ, подъ скромнымъ заглавіемъ „Phonetical Study of the Eskimo Language, вышло въ Копенгагенѣ въ 1904 г. интересное изслѣдованіе г. W. Thalbitzer'a. Авторъ совершалъ многократныя поѣздки въ сѣверной Гренландіи въ 1900—1901 гг. и основательно изучилъ языкъ и бытъ эскимосовъ. Трудъ его по фонетикѣ эскимосскаго языка и его отдѣльныхъ нарѣчій составленъ образцово. Таблицы, карты, библиографическій указатель поднимаютъ цѣнность изданія. Кроме того, въ приложеніи помѣщены рассказы эскимосовъ, описаніе ихъ дѣтскихъ игръ, пѣсни и мелодіи. До выхода отдѣльнымъ изданіемъ трудъ г. Тальбицера былъ напечатанъ въ Meddelelser om Groenland, v. XXXI.

„Globus“.

„Острова Фарро и Исландія“ („The Faroes and Iceland“, *Studees in Island Life, by Nelson Annandale*)—авторъ этой небольшой книги исходитъ изъ того убѣжденія, что человѣка нужно изучать въ его природной обстановкѣ. Описанія туземной жизни, изученной имъ лѣтомъ и зимой, весьма интересны.

„Миръ Божій“.

Этнографическія изслѣдованія сѣвера, производившіяся въ 1904 г. Н. Е. Ончуковымъ, дополняютъ его прежнія путешествія на сѣверъ. Въ предыдущіе годы онъ посѣтилъ и обследовалъ Печору, Мезень, Поморье, Терскіе и Мурманскіе берега, а въ 1904 году посѣтилъ Олонецкую губернію. Имъ собраны большія коллекціи для Музея Александра III, 147 рукописей для Академіи Наукъ и обработанъ докладъ «Старина и старообрядцы».

Большеземельская экспедиція, организованная студентомъ А. В. Журавскимъ въ 1904 году и давшая нѣкоторые результаты и для этнографіи (см. «Отчетъ Д. Руднева»—здѣсь, въ отдѣлѣ «Журналы и Газеты»—Извѣстія И. Р. Г. О., 1905, вып. III), продолжена была г. Журавскимъ и въ 1905 году. Отъ 5-го іюля отъ него получены вѣсти изъ Усть-Цыльмы, при чемъ и на этотъ разъ энергичный изслѣдователь попутно не забываетъ и этнографіи и археологіи. Въ Оранецкомъ районѣ онъ присутствовалъ на раскопкахъ крестьянами (это они дѣлаютъ по собственной инициативѣ) чуждскихъ могилъ и приобрѣлъ металлическое изображение «существа, средняго между совою и летучей мышью». Чуждскіе и печуждскіе предметы туземцы сбываютъ за немнѣшныя цѣны. Далѣе онъ предполагаетъ отправиться, между прочимъ, въ область рѣки Кары исключительно съ этнологическими цѣлями для изслѣдованія быта, возрѣній, орбитъ кочеванія, нуждъ и т. п. вопросовъ вымирающихъ «самоедвыненьчскій» («некрещенныхъ») и для собранія матеріаловъ по специальному порученію Русскаго Музея Александра III. Далѣе, двигаясь къ Вашуткинскому водораздѣлу, «попутно» будетъ продолжать «русско-зырянско-самоедскій словарь».

Приобскіе зыряне и Тазовскіе самоеды, посѣщенные мѣстнымъ сибирскимъ дѣятелемъ А. М. Сибиряковымъ еще осенью 1890 года во время поѣздки на пароходѣ «Сѣверъ» изъ г. Обдорска въ Тазовскую губу, изучались вообще очень скудно. Не очень щедро они отмѣчены нѣкоторыми этнографическими и экономическими замѣчаніями въ недавно появившейся въ печати замѣткѣ: Bergesow zu Schiff zur Mündung des Tas (Petormanns Mitteilungen, 1904, IX).

Этнографическія свѣдѣнія о Туруханскомъ краѣ, собранныя уже нѣсколькими изслѣдователями, а въ послѣднее время прожившимъ здѣсь нѣсколько лѣтъ П. Е. Островскимъ, будутъ въ скоромъ времени пополнены еще экспедиціей (не этнографической, впрочемъ) П. П. Толмачева, отправившагося въ началѣ 1905 года къ оз. Ессею и рр. Хатангѣ и Анабарѣ. Съ дороги отъ экспедиціи пришли вѣсти, что членъ ея г. Васильевъ дѣятельно занимается этнографіей среди тунгусовъ, коллективированіемъ предметовъ ихъ быта и языкомъ.

По Енисею этнографическую поѣздку совершилъ А. А. Макаренко. Имъ зарегистрировано до 30 старинныхъ пѣсенъ (о Стенькѣ Разинѣ, объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, Петрѣ Алексѣевичѣ, Суханкѣ Тумановичѣ и др.), сдѣланы описанія дѣтскихъ игръ и «игрищъ» деревенской молодежи, собраны свѣдѣнія по народной медицинѣ, нар. праздникамъ и т. д. (по программѣ Имп. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этн.). Кромѣ того, для музея Александра III приобрѣтены старинныя («досельныя») одежды, вооруженіе и костюмъ ангарскихъ звѣропромышленниковъ (заимствованнаго отъ тунгусовъ), модели предметовъ и т. д.

Верхоянская экспедиция. П. В. Оленинъ, участникъ экспедиціи лейтенанта Колчака, отправленнаго въ свое время въ поиски за экспедиціей Барона Толя, нынѣшнимъ (1905 г.) лѣтомъ самъ долженъ былъ отправиться въ самостоятельную экспедицію въ Верхоянскія горы. Цѣли его экспедиціи, главнымъ образомъ, — чисто географическія, но въ нее включены и нѣкоторыя этнографическія задачи. При этомъ главнымъ объектомъ изслѣдованія предполагаются ламуты, среди которыхъ экспедиція рассчитываетъ собрать возможно-полную коллекцію предметовъ быта, а также матеріалы по языку, обычаямъ и культурѣ. Экспедиція субсидируется Русскимъ Географическимъ обществомъ и Музеемъ Александра III.

Вопросъ о вятчачь нашелъ почтеннаго изслѣдователя въ лицѣ д-ра П. Якобія, представившаго въ Русское Географическое Об-во свой рукописный трудъ «Вятчи въ Орловской губерніи. Географическо-этнографическій этюдъ».

Изслѣдованіе старообрядчества, много обязанное члену-сотруднику Географическаго общества А. С. Пругавину, имъ же ставится теперь на очередь въ упомянутомъ обществѣ. А. С. внесъ въ Географическое об-во записку объ организациіи всесторонняго изслѣдованія современнаго положенія русскаго старообрядчества и сдѣлалъ по тому же поводу сообщеніе: «Значеніе раскола и сектантства въ русской народной жизни и необходимость всесторонняго изслѣдованія этого явленія».

Докладчикъ указалъ на то, что 20 лѣтъ тому назадъ въ Отдѣленіи Этнографіи онъ поднялъ тотъ же вопросъ, и была выработана и напечатана программа для собранія свѣдѣній по расколу и старообрядчеству, но осуществить собранія матеріаловъ не удалось, такъ какъ правительство смотрѣло тогда на расколъ, какъ на явленіе, не подлежащее гласному обсужденію. Теперь времена измѣнились, и можно надѣяться, что русскіе изслѣдователи обратятся къ безпристрастному и всестороннему изученію раскола.

«**Древности Украины**», издаваемая Императорскимъ московскимъ археологическимъ обществомъ, вышли 1-мъ выпускомъ (Кіевъ, 1905 г.), заключающимъ въ себѣ трудъ профессора кіевского университета Г. Г. Павлуцкаго «Деревянные и каменные храмы» въ пяти южно-русскихъ губерніяхъ. Выпускъ иллюстрированъ 12-ю таблицами фототипій и 85-ю рисунками въ текстѣ (виды, планы, разрѣзы, детали старинныхъ церквей, изображенія алтарей, церковныхъ скульптуръ и т. д.).

„Русск. Вид.“

Необходимость преподаванія народной музыки въ консерваторіи была не разъ предметомъ академическаго обсужденія въ средѣ московскихъ музыкантовъ-этнографовъ, и когда произошелъ извѣстный инци-

дентъ съ уважаемымъ проф. С. И. Танъевымъ въ московской консерваторіи, эта мысль была выдвинута и какъ общественный вопросъ. Яркое освѣщеніе его дано въ слѣдующемъ адресѣ, посланномъ С. И. Танъеву членами Этнографическаго Отдѣла и Музыкально-Этнографической Комиссіи:

«Глубокоуважаемый Сергѣй Ивановичъ!

Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи и состоящая при Отдѣлѣ Музыкально-Этнографическая Комиссія, собравшись въ первомъ осеннемъ засѣданіи 16-го сентября, единогласно постановили выразить вамъ свое искреннее участіе и глубокое сожалѣніе по поводу вашего выхода изъ состава профессоровъ московской консерваторіи.

Какъ Отдѣлъ, такъ и Комиссія высоко ставятъ вашъ музыкальный талантъ и вашъ крупный научный авторитетъ въ области теоретическаго изслѣдованія музыки вообще и въ частности въ вопросахъ музыкальной этнографіи. Состоя много лѣтъ членомъ Этнографическаго Отдѣла и принимая дѣятельное участіе въ его занятіяхъ, особенно со времени учрежденія при немъ Музыкально-Этнографической Комиссіи, вы всегда являлись не только въ качествѣ почтеннаго сотрудника, но и объективнаго посредника между художественной европейской музыкой и музыкой народной, послужившей богатымъ источникомъ для музыкальных твореній многихъ выдающихся композиторовъ.

Въ недавнее время, когда въ Комиссіи возникъ вопросъ о введеніи въ консерваторскій курсъ преподаванія народной музыки, какъ самостоятельнаго предмета изученія, вы приняли самое близкое и сочувственное участіе въ обсужденіи вопроса и выработкѣ программы этого предмета. Несомнѣнно, что ваша преподавательная дѣятельность въ Консерваторіи и съ этой точки зрѣнія является крайне желательной и необходимой для дѣлей русской музыкальной этнографіи. Эта наука, еще не завоевавшая себѣ прочнаго мѣста среди другихъ научныхъ дисциплинъ, до настоящаго времени не была допущена въ кругъ преподаванія въ музыкальныхъ школахъ, такъ какъ среди официальныхъ и неофициальныхъ представителей музыкальнаго міра господствовалъ неправильный взглядъ на народную музыку, не признававшій органической связи между народнымъ и современнымъ европейскимъ музыкальнымъ творчествомъ. Въ послѣднее время русская музыкальная этнографія, хотя и не безъ труда, пробила солидную брешь въ этомъ косномъ взглядѣ жрецовъ музыки, и русскіе этнографы вѣрятъ, что недолго осталось ждать, чтобы изученіе народной музыки стало такимъ же необходимымъ предметомъ въ курсѣ русскихъ консерваторій и другихъ музыкальныхъ школъ, каковымъ является въ курсѣ гимназій и университетовъ изученіе народной словесности, народныхъ вѣрованій, народнаго обычнаго права, народнаго труда. Тогда консерваторіи дадутъ русскому обществу научно-подготовленныхъ изслѣдователей русской народной музыки,—и это будетъ большимъ торжествомъ для науки.

Ваше всѣми признанное авторитетное положеніе въ московской консерваторіи, ваша научная объективность въ приѣмахъ изслѣдованія и преподаванія и ваше талантливое пониманіе основъ музыки позволяютъ видѣть въ васъ самое надежное лицо, способное въ стѣнахъ консерваторіи оказать необходимую поддержку проведенію въ жизнь вышеупомянутой идеи и тѣмъ существенно послужить дѣлу развитія русской музыкальной этнографіи. Вашъ уходъ изъ консерваторіи является поэтому незамѣнимой потерей не только для музыки вообще, но и для музыкальной этнографіи.

Но Этнографическій Отдѣлъ и Музыкально-Этнографическая Комиссія вѣрятъ, что скоро наступитъ благоприятное время, когда вы вступите въ стѣны обновленной консерваторіи, которой вы до этого ревностно служили болѣе 25 лѣтъ, и что еще долго послужите высокому дѣлу серьезнаго художественнаго и научно-музыкальнаго образованія молодого поколѣнія русскихъ музыкантовъ.

Въ ожиданіи этого дня члены Отдѣла и Комиссія желаютъ вамъ, дорогой Сергѣй Ивановичъ, бодрости, силъ и здоровья».

Третій Областной Историко-Археологическій Съѣздъ, не состоявшійся въ прошломъ году, вновь назначенъ на 20—30 іюня 1906 года въ гор. Владимірѣ. Во время съѣзда предполагаются экскурсіи для осмотра древностей въ гор. Суздаль и въ другія заслуживающія вниманія въ археологическомъ отношеніи мѣстности Владимірской губерніи. Для всѣхъ иногороднихъ членовъ Съѣзда, которые сообщать заблаговременно о своемъ намѣреніи прибыть на съѣздъ, будутъ въ гор. Владимірѣ приготовлены бесплатныя помѣщенія.

Программа съѣзда такова:

I. Первобытныя древности. Каменный вѣкъ. Курганная эпоха.

II. Областная исторія. Древности историческія (письменныя) и географическія.

III. Памятники (вещественные) церковной и гражданской старины. Памятники церковнаго и гражданскаго зодчества. Памятники быта. Иконопись.

IV Живая старина. Особенности языка. Обряды. Обычаи. Повѣрья. Пѣсни. Преданія и сказки.

V. Областная этнографія. Изслѣдованіе современнаго этнографическаго состава населенія области и его прошлаго.

VI. Вопросы архивовѣдѣнія. Положеніе архивнаго дѣла въ губерніи. Устройство мѣстныхъ архивовъ. Порядокъ поступленія архивныхъ дѣлъ изъ мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений въ губернскіе архивы. Что необходимо сдѣлать для правильной постановки губернскихъ архивовъ.

VII. Архивныя Комиссіи и ихъ современное положеніе. Вопросы, связанныя съ дѣятельностью Архивныхъ Комиссій по охраненію мѣстныхъ древностей, по устройству музеевъ, изданію историческихъ документовъ и по археологическимъ изслѣдованіямъ края.

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла *А. А. Ивановскаго* (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 г., предсѣдателя Отдѣла *проф. Д. Н. Анучина*); выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая 8—10 печатныхъ листовъ съ рисунками.

Цѣна годовому изданію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на 1906 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Историческій Музей, Секретарю Антропологическаго Отдѣла *А. А. Ивановскому*.

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“,

ИЗДАНІЕ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ редакціей предсѣдателя Отдѣленія *проф. Д. Н. Анучина*. Журналъ посвященъ изученію географическихъ вопросовъ, преимущественно Россіи, путешествіямъ, очеркамъ природы и населенія различныхъ странъ, обзору географической литературы и т. д.

Выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая около 10—12 печатныхъ листовъ, съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текстѣ.

Подписная цѣна за годъ съ доставкой—6 руб. Преніе экземпляры продаются по 5 руб. за годъ.

Принимается подписка на 1906 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехническій Музей, Географическое Отдѣленіе Общества Естествознанія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 г.

Годъ XI.

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

Годъ XI.

„ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ и ГЕОГРАФІА“.

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюль—іюль) книжками изъ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библиотекъ учебныхъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ; Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ ОДОБРЕНЪ за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библиотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Журналъ ставитъ себя задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ имѣются отдѣлы: 1) научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія теоретическаго и прикладнаго (садоводство, пчеловодство и т. п.) и географіи; 2) акваріумъ и терраріумъ; 3) библиографіи (обзоры русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы.

Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себя цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, завѣдующихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищныя совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналѣ были помѣщены статьи: И. Я. Аннифѣва, А. П. Артарм, прое. П. Бахметьева, Л. И. Бородовскаго, прое. А. О. Брандта, В. В. Богданова, П. Вольногорскаго, Н. Н. Вануловскаго, прое. С. П. Глазенапа, М. И. Голенина, прое. А. С. Догеля, М. И. Демнова, Л. Н. Елагина, В. Е. Жадовскаго, Б. М. Житкова, В. Залеснаго, прое. Н. Ю. Зографа, Н. Ф. Золотницкаго, прое. Н. Ф. Кащенко, прое. Н. И. Кузнецова, прое. И. А. Наблюкова, прое. Н. Ш. Нулагина, прое. Г. А. Кожевникова, М. А. Кожевниковой, прое. А. Н. Краснова, М. Э. Мендельсона, С. П. Меча, Г. А. Надсона, А. М. Нинольскаго, К. Д. Носилова, прое. А. П. Павлова, А. Н. Рождественскаго, прое. В. В. Сапожникова, Н. А. Сатункина, Н. Н. Сентъ-Илера, М. М. Сизова, В. И. Талѣва, прое. Н. А. Тимирязева, прое. А. А. Тихомирова, П. Р. Фрейберга, прое. В. М. Шимкевича, П. Ю. Шмидта и нѣкоторыя другія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкою и пересылкою 4 р. 50 коп., безъ доставки 4 руб.; на полгода съ пересылкою и доставкою 2 р. 50 к.; за границу 7 руб. За ту же цѣну можно получить журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904 и 1905 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 коп. каждая.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 20 коп. съ cadaго годового полнаго экземпляра.

КОНТОРА РЕДАКЦИИ: Москва, Донская, домъ Даниловой, кв. № 4.

Редакторъ-издатель М. П. Варавва.

1906 г.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„Этнографическое обозрѣніе“

журналъ, издаваемый Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ,

подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла В. В. Миллера и Товарища Предсѣдателя Н. А. Янчука.

Изданіе посвящено одному изъ важныхъ отдѣловъ нашего отечественнаго — изученію духовнаго и матеріальнаго быта многочисленныхъ народностей Россіи: оригинальныя статьи, изслѣдованія, матеріалы, критика, библиографія, смѣсь, хроника, вопросы и отвѣты, корреспонденціи и иллюстраціи посвящены историческимъ, до-историческимъ и географическимъ свидѣніямъ объ изучаемыхъ народахъ — ихъ вѣрованіямъ, обрядамъ, правамъ, творчеству (словесному, музыкальному и др.), языку, правовымъ отношеніямъ, высшему образу жизни, а также другимъ вопросамъ этнографіи и вліяній культуры.

Выходитъ четыре раза въ годъ, въ необязательные сроки, книжками, около 12 листовъ каждая, въ форматѣ больш. 8^о.

Цѣна годовому изданію **6** р. съ доставкой и пересылкой.

За границу 7 руб. съ пересылкой.

Отдѣльно книжка 1 р. 50 к. съ перес., за границу 1 р. 75 к. По той же цѣнѣ — экземпляръ 1905 года. По особой цѣнѣ продаются №№ за прежніе годы. Немногіе оставшіеся полные экземпляры журнала за все время его существованія, а именно: книги I—LXVII (1889—1905 гг.), продаются за 500 руб.

Книжнымъ магазинамъ уступна 20 коп. съ годового экземпляра.

 Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія „ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ РЕКОМЕНДОВАНО для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Обращаться въ редакцію «Этнографическаго Обозрѣнія»: Москва, Политехнической Музей.

